

ЛЮБОВЬ ВНЕЗЕМНАЯ

ДИАНА ХАНТ
СЕРДЦЕ ЗВЕРЯ

Лирей

Annotation

Пробуждение в замке оборотня — не совсем то, о чем мечтала наследница герцогства. Но как быть, если с тем, кого считала врагом, связывает ритуал, который не сможет разрушить ни одна сила в мире... Смириться или пойти наперекор судьбе? А может, прислушаться к голосу сердца? Оно не обманет.

- [Диана Хант](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Эпилог](#)
-

Диана Хант
СЕРДЦЕ ЗВЕРЯ

Глава 1

Солнечный луч настойчиво лез в глаза. Недовольно забормотав, я перевернулась на другой бок. Ветерок пошевелил волосы, а в носу отчего-то засвербело. Я оглушительно чихнула и села.

Первое время просто моргала, глядя на портьеры, на пышный балдахин над кроватью. От него спускаются легкие, наполовину прозрачные занавески, которыми играет ветер.

Первая мысль, которая пришла в голову, прозвучала радостно: я дома! Может, не в собственном герцогстве, не в Ньюэйгрине, но в Про... в землях людей точно.

Слишком разительным было то, что я видела сейчас, по сравнению с последними воспоминаниями...

Арена в Священных землях. Оглушительный рев толпы. Пыль столбом.

Оборотни сшибаются в поединках! Бьются... за меня. И когда осталось всего пятеро, появился он.

Огромный черный волк со вздыбленной шерстью обнажает клыки, припадает к земле и перекидывается в черноволосого гиганта!

Он бьется со всеми сразу. С сильнейшими оборотнями стай Семи Лесов.

И побеждает.

Затем он подходит ко мне и протягивает руку в приглашающем жесте. Я пытаюсь отползти, прячу руку за спину — и меня просто забрасывают на плечо, как добычу. А потом...

Стремительный бег Зверя. Неровные скачки. Пружинящие взлеты. Меня подбрасывает на его плече, как куклу. Я... кажется, я пытаюсь вырваться, кричу. Не помогает. И хуже всего во всем этом — неизвестность. Я не знаю, куда он несет меня. Не могу знать. Ясно одно: это не сулит мне ничего хорошего. Что бы ни ждало впереди, я предпочла бы смерть.

Я не успела опомниться, когда границы священной территории остались за нами. Раньше там бились за честь, теперь за самок.

По необъятным стволам, увитым плющом, которые проносятся мимо с невероятной скоростью, было件нятно, что мы движемся к

северной части Заповедных земель.

Затем Богиня, должно быть, смилостивилась надо мной, потому что я потеряла сознание.

Кажется, я приходила в себя от похлопывания по щекам. Кажется, мне разжимали зубы и вливали в рот кисловатую жидкость. Я кашляла, но пила. А потом все повторялось снова, и снова наступала блаженная тьма.

И вот последнее, что помню, — это леса и степи, которые сменяют друг друга со скоростью, с какой не может двигаться человек, когда я беспомощно трепыхаюсь на чьем-то сильном плече.

Просыпаюсь... в замке?

Отчего-то сомнений в том, что это замок, не было.

Я свесила ноги с кровати, и ступни сразу попали в легкие домашние туфли из войлока.

Тело было ватным, непослушным. Я перевела взгляд на руки и ахнула, так я похудела.

Я встала на ноги и замерла на какое-то время, приложив пальцы к вискам. Когда головокружение прошло, откинула занавеску, которая спускается с балдахина и отделяет бесстыдных размеров ложе от остальных покоев.

Именно покоев, потому что комнатой это не назвать.

Кроме ложа, здесь есть два стола: письменный и обеденный, кресла с высокими резными спинками, камин, в котором запросто поместится олень на вертеле, два окна в полтора человеческих роста, на полу ворсистый ковер — так и утопаешь в нем стопами.

На непослушных ногах я приблизилась к зеркалу в тяжелой кованой раме.

Из него на меня испуганно смотрела хрупкая невысокая девушка с копной непослушных рыжих локонов. Бледная, краше в гроб кладут. Под глазами пролегли глубокие тени, кожа прозрачная настолько, что видна голубая жилка на виске. Даже еле заметная обычно россыпь веснушек на носу смотрится контрастно. Высокие скулы, вздернутый нос, пухлые бледные губы... Ей-богу, я после зимы, проведенной в заточении в башне, так плохо не выглядела...

Посмотрев вниз, обнаружила, что на мне белая кружевная сорочка в пол, с длинными рукавами и атласными завязками на воротах. Память услужливо напомнила, что последний раз, когда была в здравом уме и

твердой памяти, в день священных боев за право назвать меня самкой... в общем, за меня, на мне была серая туника до колен, отороченная темной каймой, а на ногах кожаные туфли с ремешками.

Я приподняла край сорочки и устояла на ноги в мягких войлочных туфлях, в таких обычно ходят по опочивальне.

— Я дома, — прошептала я и поморщилась, до того слабый у меня был голос. — Я у людей... Но как я сюда попала?

Я мало куда выезжала из Ньюэйрина и плохо знаю королевство. Но я много читала о нем, и моими познаниями в географии был доволен даже господин Бонжуа, наш с сестрами учитель, который щедро и невероятно взыскательно делился с нами знаниями.

Пробормотав, что по природе местности смогу определить, где нахожусь, хотя бы приблизительно, я подошла к окну.

Возникло стойкое ощущение, что такое уже было. Я точно так же стояла у окна и вглядывалась в пейзаж на горизонте. И, как сейчас, будущее казалось мне непонятным и тревожным. Только пейзаж за окном был другим. Я помню лес на горизонте, шахматную доску полей... Помню только-только подсохшие после череды весенних ливней дороги...

Сейчас передо мной были горы. Монументальные, величественные. В снежных шапках ледников. Закутанные в пушистые покрывала лесов.

Леса... Деревья... Даже отсюда было видно — они огромны. В человеческих землях таких нет... Это значит только одно.

Я по-прежнему в землях оборотней. Но где? Где хоть кто-то, кто объяснит, что я здесь делаю, откуда на мне сорочка, как вдруг я оказалась в каком-то замке?

Словно услышав мои вопросы, скрипнула дверь. Я обернулась.

Вошедшая женщина развеяла оставшиеся сомнения.

Ее строгая блуза и длинная, в пол, юбка, а также крахмальный передник и строгая прическа не обманули. Передо мной не человек. Оборотень. Волчица. Об этом говорят вытянутое, чуть сплющенное с боков лицо, массивная нижняя челюсть, проникновенный взгляд глубоко посаженных глаз.

Не увидев меня на постели, волчица потянула носом воздух и в следующий миг уже смотрела на меня. Пристально. Напряженно, словно не знала, чего от меня ожидать. Это было взаимно.

Я уже хотела прервать молчание, когда женщина заговорила.

— Проснулась, — сказала она неприязненно. Впрочем, тут же исправилась: — Проснулись, госпожа.

Видно было, что обращение ко мне на вы, а также вежливость даются женщине с трудом. И в то же время был такой контраст по сравнению с остальными волчицами, которых я привыкла видеть в коротких юбках, кожаных доспехах, туниках или вообще без всего, что я невольно засмотрелась на женщину свободного народа в одежде горничной. И только понимание, что это неприлично вот так стоять, таращиться и хлопать ресницами, вернуло меня в реальность.

— Где я? — вырвалось у меня вместо приветствия.

— Вы в Живых горах, госпожа, — ответила женщина.

— Это значит...

— Вы в Заповедных землях.

— Сколько отсюда до королевства? Пешком, верхом? Здесь замок... Может, можно нанять экипаж? До Делла-Рова? До Ньюэйгринга?

Вопросы сыпались из меня, как горох из прохудившегося мешка, невзирая на то, что женщина хранила молчание.

Когда, сглотнув, замолчала и я, она заговорила:

— Я здесь, чтобы помочь вам одеться, госпожа. Дверь в гардеробную левее. Рядом с дверью в оmyвальную.

Я растерянно проследила взглядом ее жест, а потом снова уставилась на женщину.

— А эта дверь? — спросила я, чувствуя, что отчего-то холодею.

— Это дверь в спальню господина, — ответила она.

— Господина?

— Нашего вожака и альфы, — кивнула женщина и поморщилась. — Мне не стоило говорить с вами об этом. Извольте умыться и одеться. Обо всем, что вам нужно знать, вам поведает господин. А сейчас, как только будете готовы, вам подадут завтрак.

— Я, — попыталась подобрать подходящее слово. — Я чья-то гостя? Кто ваш господин? В Заповедных землях живут люди?

Я замолчала, потому что поняла, что сморозила глупость. И вместе с тем все происходящее казалось абсурдом, особенно в сравнении с моими воспоминаниями.

Я помню, как меня похитил черноволосый волк. Зверь. Бывший альфа Стаи Семи Лесов. И теперь этот замок. И волчица в одежде горничной, которая говорит мне вы. И призывает одеться и позавтракать. При мысли о еде желудок жалобно сжался.

Должно быть, женщине надоело ждать.

Она приблизилась, пристально глядя мне в глаза.

— Пройдемте, — в голосе ее послышалось рычание. — В омывальную.

Но после знакомства с Виллой меня таким не пронять.

Не опуская взгляда, я осталась стоять на месте.

— Кто ваш господин? — спросила я, рассудив, что если она обращается ко мне «госпожа», я гостя в этом странном замке, а не пленница.

— Он сам вам расскажет, — стояла на своем женщина. И, поморщившись, добавила: — Госпожа.

— Меня зовут Лирей Анжу Альбето, — сказала я. — Я — наследная герцогиня Ньюэйгрин. Моя семья богата. И они, — мне хотелось в это верить, — ищут меня. Если вы поможете мне добраться домой, я щедро отблагодарю за помощь.

Волчица не успела ответить.

Дверь открылась, и вошли еще две женщины. Молодые, даже юные. Судя по грубоватым чертам лица, чуть заостренным ушам с отсутствующими мочками — волчицы. Обе держат перед собой подносы, на которых позвякивают крышками блюда. Заходя в комнату, первая запуталась в длинной юбке и чуть не уронила поднос. Чуть — потому что оправилась и подхватила накренившийся поднос с жалобно звякнувшими тарелками со звериной ловкостью.

В следующий миг обе девушки замерли, уставившись на меня. Я почувствовала себя по меньшей мере танцовщицей на площади.

Верхняя губа первой женщины поднялась. Она пристально уставилась на вошедших, что заставило девушек, в свою очередь, опустить взгляды и даже склонить головы.

— Мы принесли завтрак, — сказала одна из них, а вторая почему-то хихикнула.

Первая тоже с трудом сдерживала смех.

Из горла старшей волчицы раздалось еле слышное рычание. Смех тут же стих. Но пристально есть меня глазами не перестали.

— Госпожа еще не готова для завтрака, — отрезала женщина. — Придете позже.

— Когда? — с готовностью спросила одна из них, при этом смотрела не на старшую, а на меня.

— Я скажу когда! — рявкнула старшая.

Тех как ветром сдуло.

— Пройдемте в омывальную! — тем же тоном сказала мне волчица, и я не посмела послушаться.

Оказавшаяся еще роскошнее, чем в моем бывшем замке, омывальная изумила.

Каменный бассейн, дубовая деревянная лохань. Даже водопад, который струится из нагретого резервуара, стоит надавить на выемку в стене.

Под пристальным взглядом волчицы я привела себя в порядок. Она пыталась помочь, хотя выглядело это скорее желанием контролировать процесс. Я решительно отвергла ее помощь, мотивировав тем, что уже привыкла справляться сама. Волчица не настаивала.

Обнаружив на полке ароматное мыло с розовыми лепестками и сушеной лавандой, я не преминула им воспользоваться. Как и легким маслянистым кремом.

До этого раза мне дважды довелось путешествовать на плечах оборотней. Первый раз — от границы Делла-Рова, второй — когда Грэст похитил меня с озера Велеса. И оба раза я потом чувствовала себя словно избитой, тело было в синяках и ссадинах. Сейчас — я сама подивилась — кожа была гладкой и нежной, ничего не болело, только слегка кружилась голова от слабости.

Закутавшись в банный халат, я последовала за волчицей. Омывальная и гардеробная соединяются невысокой дверью, и я отметила про себя, что это куда удобнее, чем в моих бывших покоях в Ньюэйгрине.

— Наденьте это, — сказала волчица и ткнула в легкое платье цвета пыльной розы. По низкому вырезу идет полоска кружева, по низу подола — пышная кайма. Платье, бесспорно, красивое, но все же больше похоже на нижнюю сорочку или пеньюар, который носит в покоях Виталина.

— На каком основании вы говорите, что мне делать? — вырвалось у меня.

Я подумала, что волчица сейчас зарычит, но женщина скорее удивилась.

— Я же эта, — сказала она и щелкнула пальцами, — горничная.

Несмотря на тревожную атмосферу, я не выдержала и хихикнула.

Женщина посмотрела на меня, подняв брови.

— Из вас такая же горничная, как и из меня, — сообщила я и пояснила, когда волчица не поняла. — Горничные обычно начинают с того, что представляются.

Женщина помолчала, а потом произнесла явно неохотно:

— Адела.

Я кивнула.

— Теперь оденетесь? — спросила Адела.

— А где сорочка, корсет, белье, наконец? — поинтересовалась я.

Адела пожевала губами. О таких мелочах она явно не задумывалась.

Вздохнув, я принялась осматривать гардеробную. После нескольких минут поисков пришлось признать: сорочки здесь были. Прозрачные, кружевные, до середины бедра, до того откровенные, что я постеснялась даже дать понять Аделе, что собираюсь надеть такое. Что касается корсетов и панталон, то о таком здесь, видимо, даже не слышали.

— А где хоть один корсет? — спросила я замеревшую на месте, словно статуя, Аделу. О панталонах спросить постеснялась, решив начать «с малой крови».

Волчица-горничная презрительно скривилась.

— Корсет? — переспросила она и, когда я кивнула, уточнила: — Это пыточное приспособление?

Я снова кивнула.

— Но ведь его же невозможно носить. Я пробовала. Давно. Ребра сдавливают, дышать невозможно. Двигаться тоже.

— И все же, — настоятельно сказала я, — не надевать же мне платье на голое тело.

— А почему нет? — уточнила женщина.

Представив, как щеголяю в этом платье из тонкой струящейся ткани по незнакомому замку, я покраснела.

— И все же я настаиваю, — твердо сказала я.

Адела пожалала плечами.

— Ничем не могу помочь, — ответила она. — Корсетов здесь нет.

— И панталон тоже? — спросила я, краснея, решив, что все равно уже стыдно, поэтому румянцем больше, румянцем меньше — без разницы.

Волчица фыркнула.

— Вот уж лишний предмет гардероба!

— И ничуть не лишний! — возмутилась я. — Вы предлагаете мне разгуливать по замку без... белья?

Сказала это, и сама подивилась своей экспрессии. Еще недавно представала перед самцами, тьфу, перед мужчинами, голой. И разгуливала в коротких, до середины бедра, туниках. Но ведь то лес... И дикари, то есть оборотни, кругом. А здесь, в замке, среди привычной глазу обстановки, сразу вспомнилось, кто я и откуда. И не представлялось возможным нарушать не то что нормы этикета, но и границы элементарной этики.

— Разгуливать по замку вы будете только с дозволения аль... господина, — вернула меня на землю волчица. — А пока он такое дозволение не давал, беспокоиться не о чем.

Вздыхнув, я приняла платье у нее из рук. В последний момент передумала и надела под него эту неприличную сорочку, такую легкую и невесомую, что даже не ощутила ее на себе. Оглядев себя в зеркало, хмыкнула. Если не знать, что под платьем ничего нет, и слишком уж не присматриваться, вид получился почти приличный.

Волосы разделила на пряди с помощью черепахового гребня и уложила в низкий узел, закрепив деревянными шпильками.

Все это время Адела молча наблюдала за моими действиями, явно не догадываясь, что причесывать меня — вроде как ее обязанность, если она претендует называться прислугой, горничной или камеристкой. Впрочем, представлять ее в этой роли было так же дико, как в роли актрисы королевского театра.

Когда мы покинули гардеробную, кровать оказалась застелена, причем простыни были заменены на свежие.

Оставив меня, Адела вышла из опочивальни.

Вернулась она с теми двумя молодыми волчицами, которые уже приходили. Лицо Аделы было бесстрастно, а вот волчицы хмурились и

избегали смотреть на меня. При этом не покидало ощущение, что им было непривычно кому-то прислуживать. Но я, чтобы подбодрить девушек, кивнула и поблагодарила за заботу.

Они переглянулись и прыснули, а затем спешно, чуть ли не бегом, покинули опочивальню под пристальным взглядом Аделы.

— Ешьте! — волчица скорее приказала, чем пригласила. Перехватив мой взгляд, добавила: — Госпожа.

Кивнув, я приступила к трапезе.

Вопреки ожиданиям (если честно, думала увидеть пожаренное на костре, пропахшее дымом мясо), в миске была каша, по которой успела чуть ли не соскучиться после отъезда из Ньюэйгринна, лепешки, пара яиц и ломоть ветчины с тмином. На сладкое полагался кусок пирога с черникой и сливками.

— Здесь человеческий повар? — спросила я, сыто отвалившись на спинку стула. Было немного стыдно обладать таким аппетитом. Ведь леди, как известно, должна есть, как птичка. Но я была слишком голодна, чтобы оставить от этого чудесного завтрака хотя бы крошку.

В ожидании ответа я обернулась к Аделе, которая терпеливо ждала, когда с завтраком будет покончено.

Волчица не ответила. Хотя каким-то образом я поняла, что этот вопрос ей отчего-то неприятен.

С гордым и слишком независимым для горничной видом Адела собрала со стола тарелки, а затем удалилась из опочивальни с подносом.

Стоило двери захлопнуться, я бросилась к ней: заперта.

Значит, никакая я не гостья.

Я пленница.

Только чья?

Быстрым шагом пересекла комнату и приложила ухо к той двери, которая, по словам Аделы, соединяется со спальней господина. Тихо.

Меня явно поселили в хозяйской спальне. Покои мамы и папы тоже соединялись дверью. Это значит, что в замке нет хозяйки, а мне решено было выделить лучшую комнату. Самую большую и просторную. Но хозяйскую... почему?

Зеленый риолин, переданный ундиной и с тех пор висящий на цепочке на груди, потеплел, словно хотел прожечь платье. Опустив взгляд вниз, я увидела, что герб внутри вытянутого камня заискрился.

Опоясанный лентой четырехлистник с каплей росы посередине словно вот-вот загорится и оплавит зеленоватую прозрачную преграду. Кажется, Велес сказал, что этот риолин несет всю магию нашего рода.

Дверь, которая минуту назад захлопнулась за Аделой, распахнулась.

Оглянувшись, я замерла словно статуя. Пальцы продолжают рефлекторно сжимать ручку двери «в спальню господина».

Первая реакция была — закричать. Но дар речи куда-то исчез, я стояла молча, хлопала ресницами и не в силах была оторвать взгляд от вошедшего.

Слишком знакомым было это лицо... Каждая черта. Слишком часто он преследовал меня в кошмарах, слишком привыкла просыпаться от собственного крика, который неизбежно следовал за его рычанием:

— Я иду за тобой, Эя.

Я просыпалась в ледяном поту, а потом долго не могла успокоить сердце.

Воплощение моих кошмаров... только сейчас наяву. Зверь стоял у двери и задумчиво смотрела на меня.

Огромный, широкоплечий, словно в противовес моим воспоминаниям и видениям, навеянными Велесом, Зверь одет в черный камзол простого кроя и брюки. Белоснежная рубашка с воротом под горло и манжетами вот-вот расползется на широкой мускулистой груди. Я успела подумать, сколько, должно быть, ткани ушло на такого великана, и поморщилась: все время, когда сильно пугаюсь, в голову лезут глупости.

Сглотнув, перестала таращиться на одежду и подняла взгляд.

Тронутая бронзовым загаром кожа, лицо словно вырезали из скалы, и оно застыло, чуть вытянутое вперед, и сплющенное с боков, что свойственно всем волкам. Черты острые, твердые, хищные. Уши заостренные. Мочки отсутствуют. Черные волосы убраны в низкий хвост.

— Зачем я вам? Что вы будете со мной делать? — вырвалось помимо воли, прежде чем прикрыла рот ладонью.

Он посмотрел так, что колени подогнулись, а дыхание сковал ужас. Я быстро опустила взгляд. Недолгая жизнь среди волков научила... кое-чему.

Этот пристальный изучающий взгляд я знала слишком хорошо. Несмотря на отсутствие опыта, даже мне был понятен немой ответ.

— Кажется, ты не удивлена, увидев меня, — сказал волк.

Низкий, раскатистый голос обволакивал и одновременно просачивался в душу, заставлял дрожать все внутри.

— После того, как ты... вы... как вы похитили меня из Священных земель, странно было бы удивляться вам, — сказала я, делая вид, что рассматриваю узоры на стене.

— Похитил? — почти прорычал волк. — Вообще-то я бился за тебя на поединке. Хотя мог бы и не драться. Я в своем праве. А теперь ты моя волей Луны.

— Вообще-то меня похитили изначально, на границе с Делларовом, — сообщила я. Забыв, что посмотреть в глаза волку — значит, бросить ему вызов, я подняла взгляд на Зверя. — С тех пор я не давала согласия ни на одно свое передвижение по этим вашим землям, а значит...

Разделяющее нас пространство Зверь преодолел в пару прыжков.

Я опомниться не успела, как оказалась вжатой в стену.

Мощная грудь великана вздымалась рядом и мне пришлось выдохнуть весь воздух и не дышать, чтобы не коснуться ее.

Зверь уперся руками в стену по сторонам от меня и склонился так низко, что я чувствовала его дыхание.

— Никогда не смотри мне в глаза, — сказал он хрипло.

Зажмурившись и закусив губу, я закивала.

С рычанием волк отпрянул.

— Женщина! — вырвалось у него. — Не такой я страшный, чтобы переставать дышать в моем присутствии.

— А вы когда последний раз в зеркало смотрелись? — вырвалось у меня, и я снова зажмурилась.

Из горла Зверя вырвался рык, но затем с видимым усилием он взял себя в руки.

— Сегодня. Когда надевал это все, прежде чем идти к тебе.

Зверь потянул носом воздух, а мне некстати вспомнилось, что белье мне так и не выдали.

— Ты пахнешь, как ягодный пирог, Лирей, — сказал волк. Краем глаза я заметила, как он облизнулся. Мелкая дрожь перешла в

крупную. У меня даже зубы застучали. Я поспешно прижала ладонь к губам.

— Проклятье, женщина! — рявкнул волк мне в лицо. — Ты можешь не бояться меня?!

И клацнул зубами.

А может, и не клацнул.

Может, показалось.

Просто внезапно мир накренился и наступила тьма, а потом показалось, что бегу по залитой солнцем лужайке...

Глава 2

Я пришла в себя от пристального взгляда. Вспомнив, что потеряла сознание от страха, поежилась, закусил губу. Когда открыла глаза, выдохнула с ощутимым облегчением: у кровати сидит Адела и смотрит на меня с таким видом, словно я нанесла ей личное оскорбление.

Правда, когда волчица увидела, что я очнулась, попыталась даже растянуть губы в улыбке. Вышло плохо, но она явно старалась, поэтому я попыталась отплатить ей тем же.

Нахмурившись, Адела буркнула:

— Хорошо, что вы очнулись. Госпожа.

— А долго я... спала? — уточнила я, привставая на постели. Озираясь, боялась наткнуться взглядом на того, кто напугал до обморока. Но когда не обнаружила его в покоях, облегченно выдохнула, ощутив, как отчего-то пунцовеют щеки.

Вместо ответа Адела посмотрела в окно. Проследив за ее взглядом, я с удивлением отметила, что солнце, которое светило прямо в глаза утром, спряталось, что означало: время сейчас обеденное или даже позже.

— Вы голодны? — спросила Адела, словно прочитав мои мысли.

Я покачала головой. Чего-чего, а голода после обильного завтрака, а также после продолжительного обморока я не ощущала.

— Вам позволено выходить в сад, — огорошила меня волчица и пояснила: — Вы слишком слабы. Вам надо бывать на свежем воздухе.

Я хотела возмутиться, что вовсе я не слабая, просто не надо было меня пугать до потери сознания, но благоразумно промолчала. Осмотреть место, куда меня забросило в очередной раз, хотелось. Возможно... Нет, мысль о побеге была слишком невероятной, и все же, если есть хоть малейший шанс, стоило попробовать.

Несмотря на ледяные шапки гор, здесь явно теплее, чем в Ньюэйгрине, где не так давно были размытые весенние дороги, а в воздухе стоял едва уловимый запах гари, который отчего-то всегда чувствуется весной. Здесь же лето полностью вступило в свои права.

Стоило нам покинуть замок, в лицо ударил теплый ветер, который принес ароматы луговых трав и цветов, растрепал выбившиеся из прически волосы. Окна в выделенной мне опочивальне выходили на горы и извилистую реку, а сейчас мы с Аделой вышли с другой стороны замка.

По дороге нам попало несколько волчиц: тех самых, молодых, что приносили завтрак, и пара взрослых (по отношению к волчицам почему-то не приходило на ум сказать «пожилых», несмотря на обильную седину в их волосах). Я вспомнила рассказы Виллы, Лил и Фоссы о том, что оборотни живут долго, но войну с людьми пережили очень немногие.

Меня провожали взглядами, пристально изучали, словно запоминали, даже принохивались.

Мужчины тоже здесь были, но держались в отдалении, возле невысоких домиков, в которых обычно живет стража, садовники и прочие слуги, чья вотчина — двор и окрестности замка, а не сам замок.

Мы прошли по широкой тенистой аллее, а потом оказались в саду.

Хватило одного взгляда на вымощенные дорожки, разграниченные и ступенчатые клумбы, каменные кадки с редкими заморскими растениями, которые не вырастают и за тысячу лет, чтобы понять: когда-то за этим садом ухаживали, заботились о растениях, потом, судя по обилию бурьяна и дикорастущих трав, случилось что-то, что заставило владельцев внезапно покинуть это место. Сейчас же, судя по неумело орудующему садовыми ножницами волку, саду пытаются вернуть прежний вид. Правда, почти безрезультатно. Даже издали заметно, что волк совершенно не умеет держать ножницы, не говоря уже о том, что способ стрижки кустарника выбрал какой-то и вовсе варварский.

Я чуть было не направилась к нему, чтобы объяснить, под каким углом надо держать ножницы и сколько можно снимать молодых побегов, но в последний момент вспомнила, что я здесь пленница. Которой разрешили выходить в сад. Но не более того.

Адела не сводила с меня взгляда, словно боялась, что в любой момент оторвусь от земли и улечу.

Внимание волчицы тяготило. Поэтому, когда за поворотом живой изгороди услышала разговоры и сдавленное хихиканье и по голосам

узнала молодых волчиц, даже приободрилась. В том, что смеются надо мной, не сомневалась. Но хотелось, чтобы пристальное внимание Аделы хоть ненадолго переключилось на кого-то другого.

И оно переключилось.

— Джейси, Эльза, — сказала Адела, хмурясь. — Вам недостаточно работы? Добавить еще?

— А мы за тобой, Адела, — попытавшись изобразить книксен, ответила то ли Джейси, то ли Эльза.

— Срочно, — тоже несколько неуклюже присев, подтвердила вторая девушка. — К господину. Кажется, фиолетовые, — и она покосилась на меня.

Адела нахмурилась.

— Джейси, со мной. Эльза, присмотришь... то есть останешься с госпожой на случай, если ей что-то понадобится, — скомандовала Адела.

Теперь стало понятно, кто из них Джейси, а кто Эльза.

Судя по помрачневшему лицу более высокой и тонкокостной девушки, Джейси именно она. Зато румяная и кудрявая Эльза прямо расцвела на глазах.

Адела перевела взгляд с меня на нее и мрачно изрекла:

— Обе пойдете со мной.

У меня внутри все сжалось: неужели останусь одна? Я не смела обернуться, чтобы не выдать своих мыслей, но кажется, нам давно не попадалось никого на пути, что значит, в этой части сада, никого, кроме нас, нет...

— Вы можете не волноваться за свою безопасность, госпожа, — сказала Адела, поджимая губы. — Сад хорошо охраняется.

Намек был таким явным, что я покраснела.

— Я скоро вернусь, госпожа, — сказала Адела и удалилась с девушками, которые то и дело оглядывались. Пришлось Аделе снова рыкнуть на них.

А я облегченно выдохнула, не веря своему счастью.

И оно заключалось не в том, что осталась наконец одна. Кажется, волчица сказала «фиолетовые». Я не ослышалась. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, речь о священнослужителях. Или кто еще носит фиолетовые рясы?

А если священники где-то рядом, пусть их видели где-то недалеко, это значит одно: меня могут спасти.

Стараясь ступать неторопливо, я прошла дальше, отметив, что дорожка виляет между плодовыми деревьями. Если нырнуть под их сень, можно, должно быть, оказаться в лесу. А куда идти потом? Есть ли шанс выжить в лесу в таком виде, в каком я сейчас, без оружия, без припасов? И все же шанс встретить священнослужителей был. Призрачный, один на миллион, но был. И я решила им воспользоваться. Что я теряю?

Когда уже собралась юркнуть с тропинки налево, вспомнила разговор с Велесом.

И застыла как вкопанная.

«Этот мир не таков, каким кажется».

«Свободный народ не убивал твою семью».

Что ж. Мне легче от того, что моих близких убили не оборотни, но... Не могу сказать, чтобы видела от них много хорошего. Меня оберегали, как переходящий приз, со мной возились, как с младенцем, или, как сказали бы они, со щенком. Но ни один из них не прислушался к тому, чего по-настоящему хочу я. Меня заставили принять участие в этом бродячем цирке со священными поединками практически сразу после того, как погиб мой жених. Последний, кому я верила. И никто не спросил, хочу ли я выходить замуж. Тем более за одного из этих дикарей...

«Ты готова вернуться к людям и жить среди них после всего, что видела и пережила в Заповедных землях?» — спросил тогда Велес. И тогда я ответила, что да, готова. Сейчас — я не знала. Не знала ничего, кроме того, что безумно, до дрожи боюсь гигантского черного волка, который похитил меня и держит в своем замке пленницей.

«Даже зная, что тебе придется всю оставшуюся жизнь провести в башне твоего родного замка или в холодной келье монастыря дальних земель?» — спрашивал Велес и говорил, что есть и обратная сторона медали, угроза для оборотней. Угроза от людей. От людей, которые снова могут прийти, чтобы истреблять свободный народ.

Хуже всего, что я не знала, кому верить. И такое ощущение, что никто не был честен со мной. Велес... Он был честен, да... но он бог-покровитель свободного народа, у него должны быть свои мотивы. Он

сам говорил, что я должна исполнить какое-то пророчество. А еще говорил, что мой отец был магом.

Магом и его учеником.

«Ты просишь разрушить то, что твой отец создал для тебя, Эя. Создал ценой своей жизни. Несмотря на все доводы разума и сердца, ты просишь нарушить его последнюю волю».

Доводы разума? Доводы сердца? Все мое существо стремилось быть подальше отсюда, от этого черноволосого гиганта, который приволок меня в этот странный замок как добычу и удерживает здесь пленницей.

Я помню из видений, что мой отец и Зверь были друзьями, что называли друг друга братьями...

Но разве так обращаются с дочерью своего друга? Зверь не скрывал своих намерений в отношении меня. Он бился... Богиня! Бился на брачном поединке свободного народа и одержал победу. И в священные земли прибыл в образе волка, в то время как Вилла, Фосса и Лил утверждали, что Зверь утратил свою волчью ипостась и давно мертв.

— Нет, — вырвалось у меня помимо воли. — Я никому не могу верить. Все говорят то, что им выгодно, у всех какие-то планы на меня. Лучше я вернусь к людям с вестью, что свободный народ не опасен и не хочет войны, чем буду оставаться под крышей этого... этого... чудовища.

С этими словами я все же свернула с тропинки, юркнула под спасительную сень деревьев и, продравшись через казавшийся непроходимым кустарник, оказалась в лесу.

Лес обрушился свежестью, которая в отсутствие солнца пробирала до мурашек, запахами хвои, прелой листвы и сырой земли. Зябко поежившись, я побежала. Неважно куда. Главное, подальше от замка Зверя. Если я правильно поняла волчиц и поблизости могут быть священники, у меня есть шанс на спасение. Если нет... Участь, что готовил мне Зверь, хуже смерти. Еще не так давно, пребывая после смерти Андре в каком-то странном оцепенении, я, быть может, сейчас не сбежала бы. Но когда Грэст похитил меня и чуть было не... сделал своей... Этого ужаса я не забуду никогда. И если Зверь прикоснется ко мне... Этого я просто не вынесу.

Я бежала, не разбирая, куда бегу, натыкалась на мшистые стволы, спотыкалась о корни и коряги. Поднималась и бежала снова. Платье, все в прорехах, оставалось клочьями на сучьях и колючках кустарника. В голове пульсировала одна мысль: подальше отсюда. Все равно куда. Если есть шанс встретить людей, надо попытаться.

То, что за мной не было погони, воодушевляло. Но потом оборотни обязательно возьмут след! Когда между деревьями забрезжило зеркальце ручья, я чуть не заплакала от облегчения. Напившись, я умылась, чувствуя, как вода снимает усталость, а потом сняла туфли и пошла вверх по ручью.

Не знаю, сколько так шла, только ноги успели заледенеть настолько, что я перестала их чувствовать.

Когда, споткнувшись, упала в ручей и неловко подвернула ногу, поняла, что больше по колено в воде идти не смогу. Просто не смогу.

Какое-то время растирала заоченевшие ноги, сидя на берегу, а затем, стараясь не стонать в голос, заставила себе снова войти в воду и перейти ручей вброд.

Понимая, что глупо было вот так сбегать, даже не взяв с собой хотя бы столового ножа или краюхи хлеба, я едва не затанцевала от радости, когда наткнулась на догоревший костер. И это была, хвала Богине, человеческая стоянка, не волчья. Путешествуя и с теми, и с другими, я бы сразу поняла, если бы костер жгли оборотни. Но те же остатки порошка тайры, который у низших сословий что-то вроде чая или кофе, несколько зерен риса — все говорило о том, что здесь останавливались люди. А значит, волчица была права. «Фиолетовые» — так она сказала. Где-то рядом и вправду священнослужители, и мне нужно только добраться до них.

По возвращении в королевство меня, конечно, подвергнут осмотру, но я легко докажу, что не изменила ни Церкви, ни своему народу: я чиста перед Богиней и людьми.

Осознание того, что где-то совсем рядом люди, приободрило, придало сил. Я думала, что с ног валюсь от усталости, но стоило положить руку на кучку золы и ощутить ладонью тепло, как я вскочила и, определив по следам, куда направились люди, побежала вперед.

В предвкушении встречи с соплеменниками я совсем забыла о возможной погоне.

Поэтому, когда из кустов раздалось угрожающее рычание, я замерла как громом пораженная и попятилась.

Кусты зашевелились и из них, преградив мне путь, вышли два черных волка.

Казалось, звери спокойны, не обнажают зубы, не выказывают агрессию. Только по тихому утробному рычанию можно понять, что они недовольны... или предупреждают о чем-то?

Я замерла, боясь пошевелиться, а когда к этим двум присоединились еще несколько черных волков, прижала ладонь к губам, чтобы не заорать от ужаса. Именно так, в тишине, не сводя желтых глаз, нас окружили волки на границе Делла-Рова.

Из кустов выходили все новые и новые волки. Обступали меня со всех сторон.

А у меня перед глазами плыла картинка, и вместо леса Заповедных земель и черных волков я видела другое... Вот Леди нервно прядает ушами, упрямится, закусывает удила, и я теряю над ней контроль. Вот, как сейчас, из кустов, выходят волки... много волков. Андре командует своим людям, достает что-то... Они нападают разом. Прыгают. Рвут. Наемники, что сопровождают нас, убивают сопровождающих. Я больше не вижу Андре. Его закрывает серая копошащаяся масса.

Тогда я не кричала. Не могла. Голос сковало ужасом.

Зато сейчас завопила так, словно меня режут.

В глазах потемнело, и я успела подумать, что сейчас снова потеряю сознание. Второй раз за день. И опять от страха. Вилла бы презрительно скривилась, узнай об этом. И отвесила бы что-то едкое. Зато Виталина похвалила бы, сказав, что я истинная леди.

Должно быть, мысль о Вилле и Виталине помогла остаться в твердой памяти, удержаться на ногах.

Но когда меня обняли сзади, прижимая к твердому, мускулистому телу, я успела подумать, что всю оставшуюся жизнь буду заикаться, как селянка после ментального допроса.

— Тише, Эя, ты насмерть перепугаешь мою стаю, — прозвучало над ухом.

Зверь рывком развернул меня к себе и принялся всматриваться в лицо.

Удерживая одной рукой (уместнее было бы сказать лапищей), отвел прядь с лица. Затем провел ладонью по плечу, руке, словно ощупывал, цела ли. Я зажмурилась от ужаса, но успела отметить, как заиграли желваки на щеках волка.

— Ты вся ободралась о сучья и кустарник, — сказал он.

Я захлопала ресницами и затем, должно быть с перепугу, во все глаза уставилась на Зверя: надо сказать, я ожидала жесткой отповеди за побег, может, даже угроз или скорой расправы, но явно никак не заботливых ноток в голосе. Начал бить озноб.

Зверь рыкнул, и я поспешно опустила взгляд. Но оказалось, это относилось не ко мне: волки, что окружали нас, бесшумно расступились и скрылись в чаще.

— Спасибо, — вырвалось у меня. — Я перепугалась. До одури...

Когда огромная лапища опустилась на мою макушку, прошлась по волосам, я вздрогнула и снова зажмурилась. Каким-то образом ощутила, что такая моя реакция Зверю не по нраву. Но что я могла сделать? Другой реакции у меня не было.

— Они охраняли тебя, — глухо сказал Зверь. — Им было приказано не приближаться. Чтобы не пугать.

— Просто это было, — прошептала я. — Как тогда...

— Когда? — переспросил Зверь.

— Когда все это началось, — всхлипнула я и позорно разревелась.

Взахлеб я почему-то рассказала Зверю, как ехала в Делла Ров. С любимым. Как из кустов вышли волки. Как слаженно напали... Как погиб мой жених... Как очнулась в Заповедных землях, какой ужас испытала, когда поняла, что оказалась у оборотней, как прошла посвящение Велеса, а потом меня похитил Грэст...

Почему-то, когда говорила об Андре, Зверь был спокоен. Но когда речь зашла о Грэсте и других, кто хотел получить меня до брачного поединка, Зверь зарычал в голос.

А я вдруг, к своему ужасу, обнаружила себя прижатой к его груди. Зверь обнимал обеими руками, как-то бережно, словно боялся спугнуть, а я, захлебываясь слезами, рассказывала и рассказывала.

К концу рассказа меня перестал бить озноб. От тела Зверя исходил жар, а в его объятиях я почему-то ощутила себя отрезанной от всего мира. От мира с его ложью, предательством, интригами, с недосказанностью и угрозами... Я почти забыла, что тот, кто обнимал,

был моим главным кошмаром, главным врагом. И я только что буквально открыла ему сердце.

И мне так стыдно стало за свою истерику... Хлюпнув напоследок носом, я осторожно отстранилась. Меня не удерживали. Зверь разомкнул объятия. И тут же ветер, подувший в спину, заставил покрыться мурашками.

Только сейчас я заметила на нем штаны. По пояс он был голый, но после жизни в Заповедных землях к такому вопиющему нарушению этикета мне было не привыкать. И все же мужчины, то есть остальные оборотни, в обычной жизни носили кожаные набедренные повязки...

Зверь проследил за моим взглядом.

— Чтобы тебя не смущать, — сказал он, а я покраснела. Неужели у меня все написано на лице?

— Быстро бегаешь, — хмыкнул Зверь. — Если бы бежал за тобой волком, догнал бы намного раньше.

— Значит, в человеческой... форме, — вырвалось у меня.

Зверь кивнул.

— Не хотел тебя пугать, — и, подумав, добавил: — Лишний раз.

Меня почему-то опять затрясло. И это не укрылось от волка. Брови его сошлись на переносице, на щеках заиграли желваки.

— Пойдем, — сказал он. — Тебе надо согреться.

Я послушно последовала за ним, но, как назло, под ногу попалась шишка. Ойкнув, я припала на ногу. Зверь беззвучно обернулся. А потом подхватил меня на руки. На этот раз, слава Богине, меня не стали закидывать на плечо, а держали на руках, прижимая к могучей груди.

Сердце Зверя билось так гулко, что я слышала и ощущала его лучше, чем свое собственное.

— Куда вы меня несете? — осмелилась пискнуть я.

— Скоро узнаешь, — ответили мне.

Мы остановились у небольшого, с две лохани, источника. Над бурлящей водой поднимался пар. Я принялась: пахнет лесными травами и солью. Зверь уселся прямо на нагретый солнцем камень. Меня же усадил между своих расставленных ног спиной к себе.

— Опusti ноги в воду, — почти приказал он.

Сглотнув, я подчинилась.

Стоило ногам оказаться в воде, как по телу стали прокатываться блаженные волны тепла. От тела Зверя так и веяло жаром, поэтому согрелась и перестала дрожать я очень быстро.

— Это горячий источник, — прозвучал над ухом глухой голос. — Ты быстро восстановишь силы, Эя. Лучше, конечно, окунуться в него целиком, но ты ведь не захочешь снимать платье? А возвращаться в замок в мокром не слишком хорошая идея.

Я затаила дыхание.

Я тоже считала, что возвращаться в замок в мокром не слишком хорошая идея. Как и идея возвращаться в замок. Как и купаться... в его присутствии.

— Что вы будете со мной делать? — вырвалось у меня, и я поспешно закусила губу.

К моему удивлению, над ухом сглотнули.

По плечу скользнула твердая горячая ладонь, отчего я вздрогнула и сжалась. Ладонь замерла. А потом, словно нехотя, покинула плечо.

— Понятия не имею, что с тобой делать, — раздалось над ухом недовольное.

— Где мы? — попробовала я уйти от скользкой темы.

— В Заповедных землях, — ответили мне.

— В Заповедных землях я видела разных волков, — сообщила я. — Разные кланы. Они различаются между собой сложением, чертами лица, цветом волос, прическами, раскраской... Даже говорят немного по-разному.

Зверь не отвечал, и я осмелела.

— Здесь я видела только черных. Мне говорили, черной стаи больше нет.

— Весь этот лес принадлежит мне, — спокойно ответил Зверь.

Я захлопала ресницами. Весь лес? Хотя, помнится мне, Вилла говорила, что он был вожаком объединенных стай.

В животе жалобно заурчало и я покраснела. Солнце уверенно катилось к макушкам деревьев. Надо же, я и не заметила, что день практически на исходе.

— Голодная? — спросил Зверь.

Я сдавленно сглотнула и кивнула.

— Скоро будем в замке, поужинаем, — раздалось сзади.

Должно быть, я отогрелась, размякла, утратила бдительность. Иначе как объяснить, что так осмелела: сползла на самый краешек нагретого солнцем камня и обернулась.

Несмотря на то, что Зверь сидел сзади, смотрела я на него по-прежнему снизу вверх.

Лицо, чуть сплющенное с боков и вытянутое вперед. От голой мускулистой груди так и веет жаром. Странно, что я не заметила этого шрама, когда прижималась к нему в лесу. Он берет начало от подбородка, пересекает шею, грудь, спускается ниже.

Закусив губу, я поняла, что беззастенчиво рассматриваю незнакомого мужчину. Причем мужчину наполовину голого. Поспешно, даже больше, чем следовало, отвернулась.

Меня взяли за плечи и снова притянули к себе, буквально впечатавая в каменные мышцы. Осторожно, словно боясь мне повредить, Зверь обнял меня.

А мне почему-то стало очень спокойно. Я откуда-то знала, что пусть здесь соберутся самые сильные оборотни кланов, волки, любые другие опасные чудовища, Зверь будет биться с ними. И победит.

Не думая о том, что делаю, я вздохнула и откинулась назад, словно сидела в большом удобном кресле.

Зверь затаил дыхание, как бывает, когда на колени прыгает кошка и ты боишься ее спугнуть.

А затем над ухом раздалось:

— Кто помешает мне воспользоваться своим правом прямо сейчас, Эя?

Я дернулась, как от удара. Тут же магия момента рассеялась. Я вспомнила, где я, кто я, с кем нахожусь... Вспомнила, что по нелепой случайности я в полной власти Зверя. Того, кто пугал меня во снах с тех самых пор, как папы не стало.

Я буквально кожей почувствовала, что от Зверя не укрылась моя реакция. И едва ли она его порадовала. Исходя из общения с другими волками, мое отстранение они воспринимали как вызов и принимались вести себя еще агрессивнее. Во всяком случае, Грэст вел себя именно так. Поэтому я сжалась в комок, ожидая, что Зверь вот-вот приступит к активным действиям.

Его ладони и вправду коснулись моих плеч. Но было в этом прикосновении что-то такое... что-то совсем другое, чем я видела до

сих пор. Зверь выжидал. Словно ему не только была важна моя реакция, но и важно то, как я отреагирую.

— Что же ты молчишь, Эя? — прозвучало вкрадчивое над ухом. — Что мешает мне воспользоваться своим правом сейчас?

Его пальцы осторожно завели мне прядь волос за ухо, а лицо склонилось к моему так низко, что я почувствовала его дыхание на своей шее.

— Вы, — пискнула я. — Вы ужин обещали...

Какое-то время Зверь не шевелился. А я приводила дыхание в норму.

Затем, рывком, он поднялся. В следующий миг я оказалась у него на руках.

Снова забыв о запрете смотреть в его глаза, я подняла взгляд и сглотнула.

Меня изучали. Пристально. С интересом. Даже с каким-то волнением. Как будто я в любой момент могу исчезнуть.

— Ты очень красивая, Эя, — хрипло сказал Зверь. — И очень хрупкая.

Я снова сглотнула. Хрупкая? Что он имел в виду? Это угроза? Мол, он сможет сломать меня в любой момент?

— Спи, — приказал Зверь. — Ты, должно быть, устала, вот и отдохнешь до ужина.

Вопреки логике, здравому смыслу, всему на свете, я действительно смежила веки и ощутила, как девятым валом накатывает усталость.

Зверь двигался быстро, но плавно. И я, решив, что мне ничего не грозит, по крайней мере до того, как вернемся в замок, действительно заснула.

Глава 3

Адела, которая помогала одеться к ужину, почти не разговаривала со мной. Она и раньше бросала общие фразы, а теперь подчеркнуто вежливо отвечала только «да, госпожа», «нет, госпожа», «пройдемте сюда, госпожа» и все остальное в таком же духе. Причем видно было, что волчица с трудом сдерживает злость и не выговаривает мне за побег, но меня это мало волновало. Несмотря на странное поведение Зверя, я считала, что поступила правильно. Я — пленница в этом замке. Пока хозяин почти не нарушал рамки приличий, но ожидать от него благородства было бы глупо. Волки живут по другим законам, нежели люди. Он дрался за меня, и теперь я принадлежу ему. То есть это он так думает. Я не смирюсь с таким положением вещей, даже если Велес явится сюда, пустив корни в моей опочивальне, и потребует, чтобы я смирилась. Я не покорюсь.

Не покорилась Виталине, самкам лирых (или бурых?), их же самцам. Не покорюсь и сейчас.

К ужину я спустилась в сопровождении Аделы. Волчица стояла рядом, держась чуть позади, и, когда Зверь поднялся со своего места, приветствуя меня, поспешила нас покинуть.

В обеденном зале никого, кроме нас, не было, и я поняла, что нам самим предстоит прислуживать себе за столом. Находиться с ним наедине, пусть и зная, что в замке есть другие оборотни, было слишком волнующе и потому, присев в книксене, я потупила взгляд.

Пока я рассматривала плитку на полу, Зверь успел приблизиться и даже протянул руку, чтобы сопроводить меня к столу. Жесты настоящего придворного воспринимались от этого дикого гиганта как нечто из ряда вон выходящее, и поэтому я замешкалась, прежде чем подать руку.

Я лишь на миг осмелилась поднять на него взгляд и зарделась, когда увидела, как внимательное он смотрит на меня. На мне было темно-зеленое платье с длинными рукавами и несколько более глубоким, чем позволяют приличия, декольте, отделанными кружевом. Тонкую талию подчеркивал широкий пояс. Казалось, расклешенная от

пояса пышная юбка не скрывает от его жадного взгляда отсутствие на мне белья и даже чулок.

Кожа на груди потеплела, и я поняла, что виной тому риолин. Отчего-то в присутствии Зверя он становился теплым, словно оживал. Хотелось найти этому объяснение, но спросить у Зверя, особенно видя, как он смотрит на меня, я робела.

От его пристального, изучающего и не скрывающего намерений взгляда хотелось сжаться, съежиться, забиться в самый дальний уголок этого замка, а лучше и вовсе оказаться за его пределами.

— Ты восхитительна, Эя, — прозвучал низкий голос Зверя, выводя меня из задумчивости.

Я поняла, что все это время он ожидает, когда наконец вложу пальчики в его ладонь и позволю сопроводить себя к столу, и, прежде чем успела сообразить, что делаю, спрятала руку за спину.

— Лирей, — прорычал Зверь. — Что не так?!

Отступив на шаг, я едва не упала: подвернулся каблук.

В следующую секунду меня поддерживали под локоть одной рукой, второй же прижимали к себе. Только сейчас я поняла, что Зверь во фраке, и наряд придворного смотрелся на нем так же уместно, как до этого — штаны простого кроя с бахромой по бокам.

Волосы хозяин замка зачесал назад и собрал в хвост.

Вспомнив о наказе не смотреть на него, я откинулась назад и зажмурилась для пущей убедительности.

— Если ты намерена каждый раз падать в обморок, когда я прикасаюсь к тебе, Эя... — угрожающе прорычал Зверь, а я отчаянно замотала головой, не открывая глаз.

Раздалось хмыканье, должно быть, Зверь так засмеялся. Хотя... я ни разу не видела его улыбки. Умеет ли он вообще смеяться?

Я открыла один глаз, затем второй.

— Ну, если не собираешься терять сознание, может, мы все-таки приступим к ужину? — спросили у меня.

Я горячо закивала, что заставило Зверя хмыкнуть снова.

По-прежнему не произнося ни слова, я отстранилась от волка, который почему-то не удерживал меня, и вложила пальчики в его ладонь.

Зверь сжал пальцы, отчего мне показалось, что меня утягивает в какой-то водоворот, откуда никак не выбраться, и я, замерев, стала

хватать ртом воздух.

— Ты в порядке, Эя? — нахмурившись, спросил Зверь и я поспешно закивала.

— Я внушаю тебе такой ужас? — снова спросил он, нахмурившись еще больше.

Я опустила взгляд и ощутила, как задрожал подбородок.

— Зачем я вам? — вырвалось у меня. — Что вы хотите со мной сделать?

Зверь шумно выдохнул. Показалось, еще секунда — и он выругается. Но этого не последовало. Вместо этого волк шумно перевел дыхание, словно запасался терпением, и произнес:

— Сейчас я просто хочу накормить тебя. И знаешь, хотелось бы поужинать самому. Гонки за тобой по лесу, в то время как... в общем, неважно... выматывают!

— Сейчас? — замирая от собственной смелости, спросила я.

— Сейчас! — подтвердил Зверь, и мне показалось, он с трудом сдерживает себя, чтобы не лягнуть зубами.

Я помотала головой. Волк, явно не понимающий, чего от меня ожидать, посмотрел с недоумением.

— Вы сказали, сейчас — накормить, — пояснила я. — А потом?

Ставшим уже привычным жестом меня подхватили на руки и понесли к столу. Волк усадил меня в кресло с высокой спинкой и, склонившись, разгладил складки платья на коленях.

Я задохнулась от подобной вольности, но к чести волка надо отметить, что дальше он не пошел. Я солгала бы, если бы сказала, что это была всего лишь забота обо мне, но и явным посягательством на мою честь этот жест нельзя было назвать.

— Давай решать проблемы по мере их возникновения, — наклонившись к самому уху, сказал волк. — Для начала тебе действительно не помешает поесть.

От этого его «для начала» у меня сердце чуть из груди не выпрыгнуло, но Зверь уже обошел стол и сел напротив с совершенно невозмутимым видом.

Ловко, словно всю жизнь провел на приемах, он наполнил свою тарелку, а потом поднял взгляд на меня.

Я тут же принялась изучать белое дно своей тарелки и золотые приборы возле нее.

— Эя, — глухим голосом сказал Зверь. — Тебе необходимо восстановить силы. И если ты прямо сейчас не начнешь есть как следует, клянусь, я сам накормлю тебя.

От этого его «я сам» повеяло столь явной угрозой, что я принялась наполнять свою тарелку со скоростью, едва ли не превышающей его. Но почему-то показалось, что Зверь недоволен моей покорностью. Надо сказать, это разозлило. Не слушаюсь — он недоволен, делаю, что говорит, — недоволен тоже. Да можно ли ему угодить?

Витающие над столом ароматы защекотали ноздри, и я буквально набросилась на еду. Планово уничтожая третий кусок фаршированной рыбы, в очередной раз подумала, что готовит волку человеческий повар. Я с момента пребывания в Ньюэйгрине таких блюд не ела. Даже при дворе готовили хуже. А еще, надо заметить, аппетит и в самом деле был волчий. Да и целый ряд золотых приборов даже моментами раздражал.

Зверь ел много, быстро, несколько раз заново наполнял свою тарелку, но при этом так ловко орудовал приборами, что можно было подумать, будто всю жизнь прожил при дворе.

Если бы не видела его на арене в священных землях, не путешествовала на его плече неизвестно сколько дней, нипочем бы не подумала, что, снимая фрак и крахмальную сорочку, этот гигант превращается в самого настоящего дикаря-оборотня. И что мышцы, покрывающие рельефными буграми его тело, — все сплошь работающие, а не накачанные в тренировочных боях, как принято в высшем свете, исключительно для красоты.

Умопомрачительный вкус блюд, дразнящие обоняние ароматы не давали сосредоточиться на чем-то другом, пусть даже на мыслях об оборотне. Следуя примеру волка, я снова и снова подкладывала в свою тарелку, отдавая должное стараниям повара. Мясо, птица, рулеты, паштет, фаршированные грибами яйца под сливочным соусом — все это было выше всяких похвал.

Когда ужин подошел к концу, два молодых волка споро унесли оставшиеся блюда и подали десерт в креманках: разноцветное желе под взбитыми сливками, с кусочками цукатов и орешками.

Я отметила, что волк пьет только воду, мне же сам, поднявшись, наполнил бокал золотистым вином. Подумав, что не хочу терять

ясность сознания, я не притронулась к бокалу.

— Выпей вина, Эя, — почти приказал Зверь. — Тебе не мешает расслабиться.

Я послушно обхватила ножку бокала и сделала небольшой глоток, после чего поставила бокал обратно.

— Скажи, Эя, — хмуро сказал Зверь. — Тебя здесь обидели хоть словом, хоть делом?

Я вскинула на него взгляд, а затем, опустив глаза, помотала головой.

— Так почему ты ведешь себя так, словно за малейшую провинность тебя тут же забудут смертным боем?

Вопрос прозвучал так грозно, что я с трудом удержалась, чтобы не втянуть голову в плечи.

— Может, хватит изображать из себя жертву? — спросил Зверь.

Меня передернуло от гнева. Подхватив бокал со стола, я осушила его в несколько глотков, а затем посмотрела прямо в глаза хозяину замка.

— А может, хватит удерживать меня тут силой? — спросила я, думая, будь что будет.

— Тебя держат тут силой? — прорычал Зверь.

— Конечно же, нет! — чуть не прорычала я в ответ. — Мне всего лишь дают понять, что без оборотней я и шагу не ступлю, за мной постоянно следят. И из замка не уйду. Даже если сама этого хочу. Особенно если сама этого хочу!

Повисла тишина. До меня с запозданием стало доходить, каким тоном разговаривала с альфой, вожаком или кто он тут. Но было поздно, слова были сказаны, что и мне отчего-то стало ощутимо легче. Просто потому, что высказала ему все это в лицо.

— За тобой не следят, — обманчиво-тихим голосом, означающим, что Зверь с трудом сдерживает ярость, проговорил он. — Тебя охраняют, а это большая разница. Что касается твоего пребывания в этом замке...

Зверь замолчал. Видно было, такой спокойный, размеренный тон дается ему нелегко.

— Будь моя воля, тебя бы тут не было.

Не успела я ответить, Зверь продолжил:

— Более того, будь моя воля, тебя прямо сейчас проводили бы к Проклятым землям. Я сам бы это сделал.

— Будь твоя воля? — впервые я обратилась к нему на ты.

— Именно, — сказал Зверь, и в голосе его пророкотала ярость. — Но меня тоже никто не спрашивал.

— Ты, — пробормотала я. — Вы... Ты бился за меня на брачном поединке.

— Это не было моей волей, — ответил Зверь.

У меня внутри все сжалось. Страшно было представить, что за сила могла заставить этого гиганта сделать подобное.

— О чем ты задумалась? — спросил Зверь.

Я ответила честно:

— Мне не верится, что тебя могло что-то заставить пойти на это.

— Есть сила, которая способна перевернуть мир, — глухо сказал Зверь. Прежде, чем я успела что-то ответить, добавил: — Нас связывает слово, Лирей. Мое слово. Оно нерушимо.

— Но я, — возмутилась я, — я не давала никакого слова!

Словно не слыша меня, Зверь продолжил:

— И... один ритуал. И нет в мире силы, способной его разрушить.

Мои пальцы рефлекторно подпрыгнули и схватились за риолин, который нагрелся так, словно вот-вот обожжет кожу. Одновременно желтые глаза Зверя засветились красным, превратившись в оранжевые угли.

— Что это за ритуал? — еле слышно пробормотала я.

— Ты уверена, что готова это знать? — ответил Зверь вопросом на вопрос после небольшой паузы. — Я все расскажу тебе, но не думаю, что сделать это сейчас — хорошая идея. Тебе пришлось много вынести за последнее время. Думаю, стоит дать тебе прийти в себя, восстановить силы. Разговор может подождать.

— Не может, — помотала я головой.

Губы Зверя тронула усмешка.

— У нас с тобой впереди вся жизнь, Эя.

От этих слов внутри все похолодело.

— Расскажи мне сейчас, — тихо, но твердо сказала я. — Мне нужно знать, чего ждать.

— Хорошо, — сказал Зверь.

Двери в обеденный зал с грохотом распахнулись. Мимо меня пронесся вихрь, который, остановившись рядом со Зверем, обрел очертания волка в человеческой ипостаси.

Склонившись к Зверю, волк что-то тихо проговорил.

Казалось, он все еще договаривает, но Зверь рывком вскочил из-за стола, не обратив внимания на опрокинутое за его спиной кресло. Я моргнуть не успела, а Зверь уже был возле окна. Раздался звук трескающейся ткани — и на широкий подоконник вскочил уже не человек, а гигантский черный волк. Я зажала рот ладонью, чтобы не взвизгнуть, и в следующий миг волк спрыгнул вниз. Вслед за ним отправился гонец, тоже не удосужившись скинуть одежду перед оборотом, впрочем, это меня как раз таки не огорчило.

Не понимая, что делаю, я тоже вскочила и на негнущихся ногах приблизилась к окну. Склонилась, вглядываясь в сумрак, — бесполезно. Волков и след простыл.

Словно в унисон с моими мыслями в окно что-то влетело. Вжикнув возле уха, грохнуло об пол. Я обернулась: камень? И тут же захлопала глазами: камень, обернутый в бумагу. Спешно преодолев расстояние в несколько шагов, нагнулась и, развернув бумагу, увидела ровные строчки. Письмо! В том, что письмо адресовано мне, почему-то сомнений не возникало. Быстрым движением я сунула бумагу за корсаж платья (жест, подсмотренный у Виталины, которая отработала его в совершенстве), а камень выбросила в окно.

Гулкий стук о землю и звук открываемой двери прозвучали одновременно.

— Я провожу вас в ваши покои, госпожа, — сказала волчица, прожигая меня взглядом.

С трудом удержавшись, чтобы не присесть в книксене, я последовала за тюремщицей.

Правда, стоило ей попытаться избавить меня от платья, решительно отвергла ее помощь.

— Оставь, Адела, — голосом, не терпящим возражений (и опять же перенятым у Виталины), сказала я. — Как ты уже, наверно, заметила, я вполне способна сама о себе позаботиться. — Прежде чем волчица успела что-то возразить, я продолжила: — Боишься, что сбегу, — запри. Тебе же не привыкать.

Адела слушала с бесстрастным лицом. Только щеки чуть заалели.

— Ваша безопасность превыше всего, госпожа, — наконец сказала она. — Таков приказ господина.

— Ну вот и хорошо, — пожала я плечами. — Просто отстань. И просто уйди. Если, конечно, в этих покоях мне ничего не грозит. Или у тебя приказ — лечь рядом?

Я посмотрела на волчицу с вызовом, в душе стыдясь собственной наглости. Но жизнь в Заповедных землях показала: хочешь, чтобы о тебя вытирали ноги, — веди себя, как леди. Делай книксены, расшаркивайся, благодари по поводу и без. И в лицо, и за твоей спиной будут смеяться, а с твоими желаниями не посчитаются. Хочешь, чтобы тебя уважали, — смотри в глаза, отвоевывай право на личные границы, говори прямо, честно и по существу. Волки уважают силу.

Сработало.

Видно было, что волчица с трудом сдерживается, чтобы не ответить, но, видимо, такого приказа у нее не было. Или, наоборот, был приказ ни в чем не перечить? Неважно. Главное, подействовало.

Неуклюже присев в книксене и пожелав госпоже спокойной ночи, Адела покинула мои покои. Я даже проверить за ней не стала: и так, понятно, что запрет дверь. А через окно не убежишь даже при всем желании — четвертый этаж.

Должно быть, сказалось нервное напряжение за день, но почему-то казалось, что за мной все равно продолжают следить. Поэтому я не стала сразу приступать к чтению послания, хотя только одной Богине ведомо, чего мне это стоило. Подобрав в гардеробной одну из срамных сорочек, я, избавившись от платья и спрятав смятую бумагу между двумя сложенными стопкой полотенцами, проследовала в омывальную.

Во время вечернего омовения то и дело выскальзывало из пальцев мыло, дважды уронила бутылки с кремами — к счастью, благодаря мягкому ворсистому коврику ни один не разбился.

Кожа то и дело покрывалась мурашками, стоило представить, что вскоре некий неизвестный доброжелатель приоткроет завесу моего будущего. В том, что это доброжелатель, я почему-то не сомневалась.

Наконец я в короткой кружевной сорочке, поверх которой замоталась еще в банную простыню, вернулась в опочивальню и хлопками погасила мотыльков. Тот, которого предварительно

подманила поближе, замер в изголовье, опустившись на спинку кровати.

Я задернула балдахин, отгородив себя от остального помещения, и извлекла из-под банной простыни смятый четырехугольник, исписанный ровным, аккуратным почерком.

Зря вы сбежали днем, герцогиня, — начиналось письмо, и обращение сразу заставило меня вздрогнуть. Выходит, послание и в самом деле было адресовано мне. Надо сказать, за минуты вечернего омовения я успела надумать много всего, включая то, что похитила бумагу, адресованную Зверю. Правда, меня бы это не остановило. Раз кто-то не спешит открыть мне правду, придется выяснять ее всеми доступными способами. — За вами следят. — Хм, ну это-то как раз понятно. — Чтобы сбить волков со следа, действуйте согласно инструкциям. — С замиранием сердца я бросила взгляд на следующую строчку, торопясь узнать, что будет дальше. — Завтра утром выйдите в сад, идите в лабиринт живой изгороди. Отошлите оборотней. Идите спокойно, и когда услышите мой голос, не оборачивайтесь.

Я с трудом перевела дыхание. Не оборачивайтесь. А что, если... Если я просто не смогу выйти утром в сад? Если просто хозяин замка меня не выпустит?! Легко посылать другим надежду на свободу, но если... если ничего не выйдет, а я буду знать, что могло получиться, я ведь... я ведь с ума сойду!

Словно прочитав мои мысли, следующая строчка уверяла:

Зверя не будет в замке.

Я перевела дыхание и снова опустила взгляд в письмо.

Завтра ваш последний шанс сбежать. Не упустите его.

Не зная, что делать с письмом, я спрятала его под подушку и поняла, что не в силах сомкнуть глаз. Сердце колотилось как бешеное. Последние слова послания, что завтра мой последний шанс сбежать, стояли перед глазами.

И в то же время нехорошо кольнуло сердце: откуда мне знать, что тот, кто написал это письмо, кто пытается выманить меня из замка, доброжелатель? Сдается мне, Зверь не лгал, когда говорил, что волки, что следят за мной, на самом деле не следят, а охраняют... И Велес говорил, что похитили меня из человеческих земель, чтобы защитить. Чувствуя, что окончательно запутываюсь, я завожилась под одеялом.

Хуже всего, что я никому не могла верить. Казалось, любой мой шаг, даже сегодняшняя попытка сбежать — ошибка. Как и ошибка вернуться в замок, даром что меня не спрашивали, и даже прочитать это письмо.

У кого попросить совета?

У Зверя? Вроде бы он не торопился «пользоваться своим правом» и даже галантно вел себя за столом. Правда, это его пугающее заверение, что у нас вся жизнь впереди... От одного воспоминания об этом меня зазнобило. Закутавшись в одеяло по глаза, я продолжила рассуждать. Да, даже если бы я решилась открыться перед Зверем (отчего-то при мысли об этом бросило в жар), его нет сейчас в замке.

А у кого еще?

У Аделы, которая станет снисходительно поджимать губы и фыркать? Или у молоденьких волчиц-хохотушек? Что-то в них я тоже сомневаюсь.

Если бы здесь была Вилла или Фосса... А лучше — Лил! Но что-то подсказывает, что они свято чтут законы свободного народа. И если Зверь одолел противников в брачном поединке, ему слова не скажут, не то что потворствовать, пусть и косвенно, моему побегу.

Вдобавок, набегавшись сегодня по лесу, я поняла, что убежать от волков, несмотря на все ухищрения по запутыванию следов, невозможно. А кроме того, куда я пойду? Только оказавшись в лесу совершенно одна, обессиленная, потерявшаяся, я поняла сегодня, что шанс встретить там людей слишком ничтожен...

Я вдруг почувствовала себя такой одинокой, что в глазах защипало, а горло сдавило ледяной лапой.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем удалось заснуть, но начало казаться, что за окном брезжит рассвет.

Стоило провалиться в неглубокий, тревожный сон, поманившая было блаженная темнота отступила. Вместо нее я попала в какое-то странное место.

Кажется, это был грот... Или пещера, наполненная мерным фиолетовым сиянием. Приятным, приглушенным, не бьющим в глаза... Но все же пришлось поморгать какое-то время, чтобы привыкнуть к нему.

А когда привыкла, перехватило дыхание. Источник света был прямо передо мной. Кажется, сверкающий, парящий над каменной поверхностью пола кристалл... Я не разглядела его. Потому что перед ним, лицом ко мне, стоял Андре.

Мой Андре. Именно такой, каким я его запомнила. Фиолетовая сутана. Светлые локоны разбросаны по плечам. Даже в полумраке пещеры видно, какие чистые, какие голубые у него глаза.

— Моя маленькая фея Эя, — у меня горло сдавило, когда Андре заговорил со мной. Такой теплотой, такой заботой повеяло от его голоса. — Ты совсем забыла меня?

— Не-е-ет, Андре! Нет!!! Что угодно, только не это! Только не думай, что я забыла тебя! — силюсь прокричать я, но не выходит. Рот открывается, но из него не вылетает ни звука.

— Что с тобой, Эя? — вопрошает Андре и зовет. — Ну же, маленькая, иди сюда...

И я побежала. Побежала навстречу возлюбленному жениху и, не добрав всего какой-то пары шагов, провалилась в пропасть.

Глава 4

Дверь в опочивальню распахнулась, и Адела застыла на пороге. Я испытала мстительное удовольствие, наблюдая недоумение и даже растерянность на лице волчицы.

— Доброе утро, Адела, — сказала я, и волчица с облегчением выдохнула.

Я ждала камеристку (или какую роль волчица пыталась играть?) полностью одетая (если не считать отсутствия чулок, корсета и нижнего белья), за письменным столом.

После неудачных попыток заснуть я встала и, посетив омывальную, где привела себя в относительный порядок, облачилась в свежую сорочку и платье, на этот раз нежно-зеленого цвета. После чего расположилась за письменным столом. Обнаружив пачку писчей бумаги и перо с чернильницей, какое-то время развлекалась тем, что черкала, рисовала, вспоминая уроки учителя живописи, затем упражнялась в каллиграфии, а потом просто заснула, положив голову на руки.

Очнулась за несколько секунд до прихода Аделы. Я не слышала ее шагов — волки ступают бесшумно, просто что-то заставило поднять голову, а в следующий миг открылась дверь.

— Вы уже встали, госпожа, — сказала Адела, явно пытаясь скрыть недоумение в голосе.

— Как видишь, Адела, — тоном благовоспитанной леди ответила я. — И готова к завтраку.

Затаив дыхание, я решила спросить прямо:

— Я буду завтракать... с господином?

— Господина нет в замке, — ответила волчица, а затем попыталась присесть в книксене. — Я распоряжусь насчет завтрака.

— Будь любезна.

Стоило волчице покинуть опочивальню, я закусила губу, чтобы не выдать свои чувства неуместным возгласом.

Тот, кто прислал вчера письмо, не солгал.

Его и в самом деле нет в замке.

Когда молоденькие волчицы под предводительством Аделы внесли подносы с завтраком и кофейник, судя по аромату, со свежесваренным кофе, я уже знала, что делать.

— Джейси, Эльза, рада вас видеть, — сказала я, и девушки, в свою очередь, искоса бросая взгляды на Аделу, поздоровались.

— Мм, как вкусно, — пробормотала я, откусывая от лепешки и загребая ложку каши. — Большое спасибо. Непременно передайте мою благодарность повару. Чувствую себя как дома.

— Но это и так... — начала было Эльза, но Адела так посмотрела на нее, что девушка тут же замолчала.

Прежде чем Адела успела отослать девушек под каким-нибудь предлогом, я широко улыбнулась каждой и проговорила:

— Надеюсь, вы составите мне компанию во время утренней прогулки? Хотелось бы пройтись по этому чудесному саду, вот только боюсь, одиночество мне не на пользу. Я начинаю много думать, а учитывая перемены в моей жизни в последнее время, мысли эти не слишком приятные.

— Я с удовольствием составлю вам компанию, госпожа, — процедила Адела.

Улыбнулась и ей. Правда, несколько натянуто.

— Хотелось бы, чтобы удовольствие было взаимным, Адела, — бессовестно заявила я и ядовито добавила: — При всем твоим желанием ты слабый собеседник. Прогуливаясь вчера с тобой, я чувствовала себе не гостьей, а скорее пленницей.

Щеки волчицы вспыхнули, а девушки переглянулись.

— Думаю, это не твоя вина, — продолжала я, намазывая джем на лепешку. — Видимо, ты просто молчалива от природы. А мне хочется поговорить. Просто поговорить, понимаешь? Долго молчать, знаешь ли, слишком... утомительно.

— Пожалуй, сегодня вы и вправду слишком разговорчивы, — пробурчала Адела и добавила: — Госпожа.

— Это говорит о том, что у меня нет компании, — с энтузиазмом подхватила я ее мысль. — А потому девушки должны непременно мне ее составить.

Адела хмуро посмотрела на молоденьких волчиц, которые быстро опустили глаза под ее взглядом.

Задирая волчицу, я чувствовала себя гадко, но следовала тщательно разработанному благодаря бессоннице плану. Я преследовала одну цель: мне надо было выяснить, действительно ли она считает меня госпожой? Согласится ли исполнить мою просьбу, даже скрытый приказ? Я не сомневалась, что после вчерашнего Адела глаз с меня не спустит, но как тогда пообщаться с тем, кто написал письмо? Что-то подсказывало мне, что избавиться от хохотушек Джейси и Эльзы будет куда проще, чем от матерой волчицы.

И план удался.

— Должно быть, вам и в самом деле пойдет на пользу общение с девушками вашего возраста, госпожа, — неуверенно пробормотала Адела.

— Вот именно! — поддержала я ее. — С девушками моего возраста. Это все, что мне нужно. Спасибо за понимание, Адела!

И одарила ее на сей раз искренней улыбкой.

Волчица кивнула, нахмурившись. А я вернулась к завтраку, проклиная про себя собственный энтузиазм. Уж не переиграла ли я? Если Адела что-то заподозрит, столь тщательно разрабатываемый все утро план сорвется. А тот, кто написал письмо, сказал так, что прямее не бывает: сегодня последняя возможность сбежать.

Вскоре вернется Зверь. И... он ясно дал понять вчера, что хочет, чтобы я отдохнула, но о том, чтобы покинула этот замок, и речи не идет. Так и сказал: у нас вся жизнь впереди. И это его заверение пугало.

Покончив с завтраком, я вопросительно посмотрела на Аделу.

Девушки стояли рядом с самым смиренным видом. Я поняла, что им самим не терпится пообщаться со мной, слишком уж они старались сегодня, да и вчера с завтраком, а потом пришли вдвоем за Аделой, словно хотели лишний раз посмотреть на меня. Что ж, любопытство юных волчиц сегодня было на руку. Видимо, опасаясь, что Адела в любой момент может передумать, девушки молчали, словно в рот воды набрали, и смотрели в пол, опасаясь лишний раз поднять взгляд на старшую волчицу. Наверное, такая демонстрация благоразумия не ускользнула от Аделы, потому что, окинув девушек взглядом, волчица не удержалась от тихого, еле различимого фырканья.

— Кажется, вы собирались прогуляться по саду, госпожа? — тоном, который сделал бы честь любой классной даме,

поинтересовалась Адела. — Джейси и Эльза составят вам компанию. У меня тоже дела в саду, нужно проверить работу садовника, но не буду вам докучать этим, займусь, как только удостоверюсь, что с вами все в порядке.

В другой раз я бы напросилась с Аделой к садовнику, заодно и поделилась бы с ним кое-какими познаниями в области садоводства. Мама очень любила цветы. Обожала копаться на клумбах и грядках, любила повторять, что растения все чувствуют и мало знать, как за ними ухаживать, нужно еще дать им понять, что любишь их, что заботишься... Виталина морщила нос, не желая возиться в земле, Микаэла преданно заглядывала в рот старшей. Я же с удовольствием помогала маме в саду и оранжерее, впитывая знания о том, как нужно обращаться с цветами и другими растениями. Впрочем, судя по тем варварским действиям, которые местный садовник, должно быть, называет уходом за садом, там не то что о любви речи не идет, он с элементарными правилами садоводства не знаком.

Но это, опять же, в другой раз... в следующий. Я чуть не споткнулась, когда поняла, что следующего раза может не быть. Если тот, кто прислал вчера письмо, не солгал, у меня может появиться шанс сбежать отсюда.

Отчего-то при мысли о побеге внутренности сдавила ледяная лапа: я не могла в полной мере доверять владельцу этого замка, но кому я могла доверять? Все мои близкие мертвы, а даже те, кто защищает сейчас, имеют в отношении меня какие-то свои мотивы...

— Ты в порядке? Для желающей пообщаться у тебя слишком задумчивый вид! — вывела меня из задумчивости Джейси.

Я pokrутила головой и поняла, что мы успели выйти в сад и миновать пару резных беседок. Оглянувшись, я увидела, что Адела действительно говорит с садовником, при этом не отводит настороженного взгляда от нас. Перехватив мой взгляд, волчица поджала губы и поспешно отвернулась.

— Задумалась, — призналась я. — Слишком все вокруг странное.

— Тебе тоже кажется странным? — также проигнорировав, что если я госпожа, то обращаться ко мне следует на вы, спросила Эльза. — Мне тоже! Все эти наряды, Луна, какие же они неудобные! Ни побегать нормально, ни почесаться... А жить в каменном доме — с ума сойти!

И волчица даже подпрыгнула на месте.

— Тсс, дуреха! — перебила Джейси подругу. — Адела заметит, отправит на кухню или еще куда. И ты, что ли, забыла, что она человек и ей не привыкать ко всем этим тряпкам.

— Точно, я и забыла! — широко улыбнулась Эльза.

Меня ничуть не покорило, что волчицы тыкали, а еще говорили между собой так, словно меня здесь нет. Наоборот, после молчаливой, не спускающей с меня глаз Аделы прогулка с девушками и впрямь показалась глотком свежего воздуха.

— Я уже так привыкла, что она наша госпожа, что думаю о ней, как об одной из нас, — продолжала тарыхтеть Эльза.

— Ваша госпожа? — переспросила я.

Эльза не удержалась и подхватила меня под руку, а Джейси доверительно проговорила, склоняясь к уху:

— Ты пробудила волка нашего альфы. Ты теперь наша госпожа!

Я часто заморгала. Какого волка? Никого я не пробуждала. Я вообще оказалась втянутой во все это не по своей воле.

— Вы говорите об альфе... о Звере? — уточнила я. — О хозяине этого замка?

Обе волчицы с энтузиазмом закивали. Я несколько опешила.

— Но он ничего не сказал мне, — пробормотала я. — Почему?

— Ну о чем ему с тобой говорить? — воскликнула Эльза и, прежде чем я успела оскорбиться, продолжила: — У альфы сейчас дела поважнее. А когда со всеми фиолетовыми справится и всех свободных победит, обязательно тебе все расскажет!

Бесхитрость девушек обезоруживала. Но все же я не преминула этим воспользоваться.

— Почему Адела... такое впечатление, что ненавидит меня? — спросила я, переводя взгляд с Эльзы на Джейси.

Джейси помотала головой с таким жаром, что из строгой прически выбилась прядь. Сдув ее со лба, волчица пояснила:

— Она тебя не ненавидит.

— Просто присматривается, — поддержала подругу Эльза. — Не доверяет.

— Однажды Зверя погубила женщина, — доверительным шепотом сообщила Джейси.

— Мы не допустим, чтобы это случилось во второй раз, — добавила Эльза.

— Но ты не похожа на злодейку, — сказала Джейси. — Ты добрая.

— Если бы не ты, альфа не вернул бы волка, — сказала Эльза. — Значит, ты и вправду добрая. Это хорошо.

— Наш альфа заслужил, чтобы быть счастливым.

— Так говорит мама, — сообщила Джейси.

— Адела, — пояснила Эльза.

У меня голова пошла кругом.

— Адела — твоя мать? — спросила я Джейси, и волчица согласно закивала.

— Сестра моей мамы, — с готовностью сообщила Эльза. — Кажется, у вас это называется «тетя».

— Вы давно здесь живете? — спросила я. — В замке?

— Адела и остальные волки давно, — сказала Эльза.

— Мы недавно, — добавила Джейси. — Щенкам лучше расти на лоне природы. Но мы вошли в возраст и хотим пойти по стопам старших.

— И вот мы здесь.

— По стопам старших, — протянула я. — То есть, — меня осенила догадка, — вы пытаетесь жить как люди?

Обе девушки заливисто расхохотались. Я оглянулась. Веселье не укрылось от внимания Аделы. Плюнув на приличия, дернула обеих волчиц за руки.

— Тише!

Обе замолчали.

— Мы не пытаемся жить так, как живут люди, нам *приходится* это делать, — пояснила непонятное непонятным Джейси.

— А это большая разница, — сообщила Эльза.

— Хотя жить как люди очень смешно!

И обе волчицы прыснули.

— Но теперь, когда ты с нами, госпожа, все должно пойти лучше.

— Гораздо лучше.

— Во славу Луны!

Разговор с девушками выдался и вправду очень интересный и местами неожиданный. Когда приблизились к тому месту, откуда,

согласно посланию, мне предстояло идти одной, я даже пожалела, что придется его прервать.

— Джейси, милая, — улыбнулась я и зябко повела плечами, — так и тянет свежестью. Не будешь ли ты так добра принести мне шаль из моих покоев. Голубую, расшитую зелеными листьями.

Волчицы окинули меня взглядом. Для прогулки я действительно выбрала чересчур легкое платье, практически без рукавов, и проигнорировала перчатки (в этом также заключалась часть плана), поэтому просьба подозрительной не выглядела.

Стоило Джейси унестишь, словно она решила соревноваться с ветром, как я, охая и ахая, сетуя на свою неуклюжесть и забывчивость, стала просить Эльзу бежать за кузиной и принести мне перчатки.

Прежде чем исполнить мою просьбу, Эльза покосилась на Аделу, которая, хоть и находилась в отдалении, не сводила с нас глаз. Я же, бросив взгляд на основательно заросшую живую изгородь, поняла: здесь я как на ладони, но там, за кустарником, может скрываться кто угодно, и Аделе и в голову не придет проверить неладное, пока я у нее на виду.

Эльза унеслась за перчатками, я неспешной походкой продолжила двигаться по аллее.

Вскоре из-за кустов раздалось тихое:

— Отлично, герцогиня. — Я вздрогнула, голос был женским. — Идите мимо, не оборачивайтесь.

Я последовала за голосом, надеясь, что с такого расстояния Адела не углядит, как трясутся руки и нервно вздымается грудь.

— Спокойно, герцогиня, — прошебетали из-за изгороди. — Вы все делаете правильно.

— А нюх? — вырвалось у меня. Дальше постаралась говорить, не шевеля губами. — У волков отличный нюх.

За изгородью засмеялись. Словно серебряные колокольчики зазвенели в воздухе.

— Звериное чутье можно обмануть, герцогиня. Как и глаза. Чуть-чуть магии... и вуаля!

Я захлопала ресницами. Одно дело — бытовые заклинания, которые можно купить в любой алхимической лавке: все эти магические осветительные мотыльки, заклинания холода для поддержания льда в ледниках и погребях, заклинания очистки воды и

многие другие, полезные, без которых просто никак не обойтись. И другое дело — высшая магия: ментальная, магия личин, магия иллюзий — та, что позволяет влиять на сознание живых существ, она принадлежит Церкви! Только священники могут пользоваться ею на благо всех живых существ! Только посланникам Богини разрешено воздействовать на чужой разум. А обмануть чутье оборотней без магии невозможно...

Все это пронеслось в голове за несколько мгновений. И результатом размышлений стало зарождающееся чувство тревоги. Кто там — за изгородью? Что ей от меня надо? Что вообще им всем от меня надо?!

Женщина, которая шла в ногу со мной со стороны заброшенной части сада, откуда можно пробраться в лес, не чувствовала моих терзаний и продолжала:

— Как только приблизимся к повороту — вы на миг укроетесь от глаз волчицы. Протянете руку и возьмете то, что я дам вам. Спрячете сверток под платьем. Ознакомиться с содержимым советую как можно скорее. В ваших интересах покинуть это место, пока Зверя... отвлекают. Его не так просто обмануть, как его стаю, — мне показалось, в голосе женщины прозвучала то ли досада, то ли презрение, — но все же можно... Впрочем, лучше не заходить так далеко. Вам лучше быть как можно дальше отсюда уже сегодня.

С каждым шагом ноги все больше слабели. Поворот приближался... Достаточно будет протянуть руку — и я получу ключ к свободе. И вместе с этим тревога все сильнее сжимала сердце. Кто там? С той стороны изгороди? Откуда я знаю, что ей можно доверять?

— Вы не сомневаетесь, что я слово в слово последую вашим указаниям, не так ли? — спросила я на удивление ровным тоном. Внутри, казалось, подступающая паника рвет все на части, внешне я оставалась удивительно спокойной.

Там, за изгородью, ощутимо напряглись.

Раздался несколько наигранный смех.

— Оставьте, герцогиня, ваше недоверие.

— А почему я должна верить вам?

— Потому что, — раздалось из-за кустарника. — Я предоставлю вам такие доказательства, что я ваш друг, в которых у вас не будет ни малейших сомнений.

— Не уверена, — парировала я. — Все вокруг только и твердят, что мои друзья и желают мне добра. И знаете, свободный народ пока не сделал мне ничего дурного. Хотя Могли. Особенно учитывая то, что у них нет никаких причин любить людей.

За изгородью засмеялись.

— Вот как? Ничего дурного, герцогиня? — отсмеявшись, проговорила женщина. — Окститесь! Вы отданы Зверю! Вы принадлежите чудовищу! Рассказать вам, что он делает с отданными ему женщинами? Что он сделает с вами?

— Замолчите!

В ответ раздался нервный смех.

— А жаль. Я могла бы открыть вам глаза.

— Кто вы?

— Бывшая пленница этого замка, — раздалось в ответ. — Такая же несчастная, как и вы. Но я смогла сбежать и вернуться к людям. И могу помочь вам.

Поворот приближался. В висках пульсировали слова незнакомки о том, что Зверь делает с принадлежащими ему женщинами... Но что-то не сходилось. Что?

— Я не заметила, что здешние волчицы несчастны, — вырвалось у меня, прежде чем я успела додумать. — Как-то они подозрительно веселы и подозрительно преданны... чудовищу.

В ответ зацокали языком.

— Не забывайте, герцогиня, что все они — звери. Стая. Вы никогда не станете одной из них. Зато можете узнать, как обращаются звери с человеческими женщинами. Да, вы правы. Им не за что нас любить. И вы можете вскоре узнать, каково это, — голос женщины дрогнул. — Уверяю, мы не предназначены для их дикой, животной похоти...

Мне показалось, или незнакомка сдерживает рыдания?

Перед глазами вдруг встало лицо Грэста. Его уверенные прикосновения. Давящий взгляд. Так и разящий от него запах вожделения. Если бы не Рив тогда... Если бы не другие волки... Богиня, что бы со мной было! На миг на месте Грэста представился Зверь... И щеки вспыхнули, ноги подкосились.

Если Грэсту я могла как-то противостоять — где-то недалеко, буквально на подступах были те, кто мог меня защитить. То здесь, в

его замке, среди его свиты — без шансов. Он слишком силен. Слишком огромен. Как она сказала — человеческие женщины не предназначены для утоления похоти зверей? Меня затрясло.

И все же я осмелилась сказать:

— Почему я должна вам верить?

— Протяните руку, герцогиня, быстро. Вот так. Скоро вы убедитесь в моей искренности и чистоте намерений.

В руку лег увесистый бумажный сверток. Плоский, такие обычно бывают, когда отправляешь десять писем одновременно. Сургучная печать царапнула пальцы.

Я скосила глаза на желтую бумагу. И чуть не выпустила конверт из рук.

Буквы на нем...

Были написаны маминым почерком.

* * *

Трясущимися руками я спрятала сверток за пазуху. И вовремя: прибежали, запыхавшись, Джейси и Эльза. Сама не понимая, как помогает мне, Джейси заботливо укутала мне плечи шалью, и я чуть распрямила их, понимая, что теперь сверток не столь явно выпирает из-под платья.

Кивнув, приняла из рук Эльзы перчатки.

Оглядевшись, я устремилась к беседке с ажурными стенками, увитой плющом. Я специально выбрала ту, что просматривается со всех сторон. Так Адела и остальные соглядатаи будут видеть, что я на виду, а плющ скроет от посторонних глаз то, что хотелось бы скрыть.

Усевшись на удобной скамье, попросила девушек на этот раз принести мне писчую бумагу из опочивальни, пустой альбом оттуда же и перо с чернильницей. После чего попросила оставить меня одну. Мол, хотелось бы подумать и порисовать в одиночестве.

Волчицы хоть и были разочарованы тем, что наш разговор оказался куда короче, чем им бы хотелось, мое резонное замечание, что в следующий раз Адела с куда большим доверием отнесется к нашим беседам, подействовало.

Притащив еще кофейник со сладкими крендельками и блюдо с нарезанными фруктами, меня наконец оставили одну.

Какое-то время я прихлебывала из чашки, едва ли ощущая вкус.

Ветерок трепал волосы, доносил запахи пионов и других цветов. Тишина стояла такая, что я слышала, как гудят пчелы и шмели. В беседку залетела стрекоза с зелеными крылышками и какое-то время ползала по столу, потом снова улетела по своим делам.

Прикасаться к конверту, подписанному маминым почерком, было отчего-то невероятно тревожно. Мама исчезла почти год назад, тела ее не нашли, но все были уверены, что герцогиня Альбето с камеристкой стали добычей диких зверей. Велось много разговоров об оборотнях, которые прорываются через границу. И я не знала, что думать. Каким из слухов верить. Чего-то во всем этом недоставало... И это что-то сейчас покоится у меня за пазухой. Сейчас опущу пальцы за ворот, извлеку конверт, расположив его на альбомных страницах, распакую и узнаю... узнаю что-то, предназначенное только мне.

Потому что, прежде чем сунуть конверт за пазуху, отчетливо разглядела на нем свое имя.

Осторожно оглянувшись по сторонам, я извлекла конверт наружу. Он снова показался плотным, словно туда положили сразу десять писем. Эта странность вскоре объяснилась: из большого конверта выпал еще один — из магической церковной бумаги с фиолетовыми вензелями. А еще из конверта выпал листок.

Исписанный маминым почерком.

Глава 5

Дорогая моя девочка!

Моя милая маленькая Эя!

Мне бесконечно жаль, что то, чего я больше всего боялась, случилось с тобой.

Ты сейчас не поймешь причины моего внезапного исчезновения из Ньюэйгрин. Но потом, когда-нибудь, обязательно поймешь и сможешь простить. У тебя всегда было большое сердце. Самое большое и самое любящее из всех, кого я знаю.

В свое оправдание хочу сказать только одно: я должна была так поступить, чтобы защитить тебя и твоих сестер.

Особенно тебя, Эя.

Ведь судя по тому, где ты сейчас находишься, опасность всегда грозила именно тебе.

Я не в силах исправить однажды сделанное... И сделанное не мной.

Но в моих силах помочь сейчас.

Спасти тебя из лап чудовища, которому ты оказалась отдана волею судьбы.

Да, так говорить правильнее, не хочу беречь твое сердце и тревожить светлую память дорогого нам обоим человека.

В том, что так произошло, виноват злой рок. И враги твоего отца, которые вынудили его обманом дать слово Зверю.

Именно поэтому ты сейчас находишься в далеком замке, за Заповедными землями, в проклятом людьми и Богиней месте.

Но даже там, несмотря на произошедшее, Богиня любит тебя, и святая Церковь добра к своей несчастной заблудшей дочери.

Доверься мне и доверься тем, кому ты небезразлична.

Вырвать из лап чудовища обещанную ему — это больше чем трудно. Это практически невозможно.

Но Церковь могущественна, поскольку силу свою черпает из милости Богини.

Поэтому ключ к свободе у тебя в руках.

Во втором конверте порошок с заклинанием невидимости, который отведет глаза волкам, обманет их чутье.

Там же ты найдешь указатель. Подуй на него — и он оживет.

Указатель выведет тебя к истинным детям Церкви, к людям, которые рискуют своими жизнями, чтобы спасти тебя, Эя.

Все, что тебе нужно, — вскрыть конверт и, пользуясь пологом невидимости, ускользнуть из замка Зверя.

Я верю в тебя, моя девочка, ты справишься. Ты обязательно придумаешь, как избежать чудовищной участи, что уготовила тебе судьба.

Ты встретишься с аббатами святой Церкви, пройдешь ритуал очищения и спасешь свою бессмертную душу.

Ты вернешься к людям. Ко мне, своей матери, к Виталине и Микаэле, твоим сестрам.

Сейчас, когда Зверю все-таки удалось заполучить тебя, мне нет смысла больше скрываться и пытаться противостоять ему методами, которые Церковь открыла мне одной.

Я вернулась домой, в наш замок в Ньюэйгрине, и ты тоже сможешь вернуться.

И мы заживем как прежде, и даже лучше, Церковь сможет защитить нас.

Беги!

Подумай обо мне, о твоих любящих сестрах, об Андре.

И беги!

Не думай, не рассуждай, не теряй времени.

Беги!

И да пребудет с тобой Богиня.

Твоя любящая леди-мать,

герцогиня Иоланта Альбето Эрсийская,

госпожа Ньюэйгрин.

Стоило письму окончиться, как буквы принялись прыгать перед глазами, расплываться из-за пелены, застлавшей глаза.

Мама... жива!

Отец... пообещал меня Зверю!

Это правда. Вот почему Микаэла в запале крикнула: скорей бы уже он забрал тебя! Вот почему, когда я сказала Виталине, что отец не мог так поступить, не мог назначить опекуна ответственным за мою жизнь и мой брак, старшая сестра с грустью сказала: еще и не так мог, Эя.

Вот почему Зверь говорил о том, что нас держит слово.

Слово и какой-то ритуал.

Отца заставили так поступить.

Но мои видения... Они говорили об обратном. В них отец называл Зверя братом, в них он доверял ему, как себе. Я была бы склонна поверить тому, что видела своими глазами, если бы не это письмо от мамы.

Мамочка никогда бы не предала меня. Не солгала бы.

И она говорит о страшной участи, ожидающей меня в замке... чудовища...

И об Андре.

Почему она о нем вспомнила?

Я смахнула слезы и вернулась глазами к той строчке.

«Подумай обо мне, о твоих любящих сестрах, об Андре».

Об Андре. Это имя пульсировало в висках, заставляло сжиматься сердце, заставляло лететь в Тартар целый мир, который больше ничего, ровным счетом не значил. Подумай об Андре. Значит ли это, что Андре... жив?

Я помотала головой и не сдержалась, застонала в голос.

За последнее время я привыкла прятать боль утраты в глубине души, где-то на самом дне, и не беречь лишний раз. Потому что это было слишком больно. Само допущение, что Андре мог выжить, что где-то там ждет меня, что моя жизнь, которую привыкла считать загубленной, еще может сложиться... Я еще могу быть счастлива...

— Не-ет! — стон перерос в судорожные, глухие рыдания. — Нет! Нет! Нет! — повторяла я, как в бреду. — Он не может быть жив, я сама видела, как его растерзали волки, как серая копошащаяся масса накрыла его тело... Богиня, как же больно! Не-е-ет!

Скорее, мама говорила не об Андре. О его светлой памяти. «Подумай об Андре», — так она написала...

И беги!

Не думай, не рассуждай, не теряй времени.

Беги!

И да пребудет с тобой Богиня.

Твоя любящая леди-мать,

герцогиня Иоланта Альбето Эрсийская

госпожа Ньюэйгрин.

Перечитав письмо еще раз, я решила избавиться от него. Но как? Под рукой не было огнива или заклинания разжигания огня. Разорвать на мелкие кусочки? Чтобы никто не смог прочитать ни слова? Стоило мне надорвать бумагу, как она вспыхнула под моими пальцами. Ахнув, я бросила горящий листок прямо на стол, где находился альбом, под которым лежала стопка писчей бумаги.

И письмо, написанное мамой, сгорело. Не затронув ни второй конверт, ни писчую бумагу.

Сгорело, словно и не было его, словно то, что только что читала, всматриваясь в мамин почерк, в каждую букву, мне приснилось.

Но оно было. Только что. В моих руках.

Его написала мама. В этом не было никаких сомнений.

Я чуть было не надорвала край конверта с магическим порошком. Сдается, именно таким пользуется та, что передала мне письмо от мамы. Вот почему ее не видят волки. Но все же она осторожна, несмотря на магию, не показывается на глаза. И мне следует быть осторожной.

Я вложила оба конверта — и запечатанный, и разорванный — в альбом и, захлопнув его, поднялась из-за стола.

Стоило приблизиться к замку, ко мне подскочили Джейси и Эльза.

Джейси повела носом, хмурясь, а Эльза сказала:

— Ты плакала.

Волчица не спрашивала, она утверждала. И хмурилась, как кузина.

Я кивнула.

— Иногда бывает сложно принять свою судьбу, — произнесла я слабым голосом.

Волчицы обменялись тревожными взглядами.

— Я всю ночь не спала, — ни словом не солгала я. — Наверное, это еще от усталости.

Тревога постепенно покинула лица девушек.

Они снова обменялись многозначительными взглядами, но на этот раз в их глазах читалось: эти человеческие женщины такие изнеженные, такие слабые... Стоило не поспать ночь, как она растеклась, как лужа.

— Думаю, я вздремну до обеда, — сказала я. — Проводите меня до покоев?

Волчицы с готовностью закивали.

Оказавшись в покоях, я, как была, в платье и шали, даже не разуваюсь и по-прежнему прижимая альбом к груди, рухнула на кровать.

— Мы разбудим тебя к обеду, — заверила Эльза, награждая сочувственным взглядом.

Я кивнула, а затем помотала головой.

— Знаете... пожалуй, не стоит. Лучше выплюсь как следует, а потом разом и пообедаю, и поужинаю.

Волчицы закивали. Здоровый аппетит их явно порадовал.

— Не волнуйся. Тебя никто не потревожит, — сказала, уходя, Джейси, прежде чем закрыть за собой дверь.

Если бы она знала, *как* я волновалась!

Какое-то время я лежала не двигаясь. Прислушивалась. Когда шаги волчиц стихли, рывком встала на кровати.

Не было ни тени сомнения, девушки поспешат доложить о моем желании прикорнуть Аделе, и та, бесспорно, обрадуется. Куда проще следить за мной, когда я не намереваюсь покидать покоев ближайшие несколько часов, чем когда брожу по саду, откуда, по мнению Аделы, только и норовлю ускользнуть.

Поэтому кое-какое время, прежде чем обнаружат пропажу, у меня в запасе есть. Правда, лучше не терять ни минуты.

Первым делом я стянула с себя платье и сорочку. Сбегав в гардеробную, притащила целый ворох вещей, которые уложила валиком, имитируя очертания спящего человека. Сверху положила вещи, которые носила сегодня, после чего прикрыла одеялом.

Когда волчицы войдут проверить меня, увидят, что я, как и сказала, сплю беспробудным сном. Надеюсь, мой запах их успокоит и они преждевременно не обнаружат подмену.

Затем снова оделась. Сорочка, платье... Выбрала темное, из плотной ткани, с длинными рукавами. Может, не слишком удобно бегать по лесу, зато плотная ткань защитит от колючек и насекомых. Далеко ли придется бежать — неизвестно.

Туфли кожаные, добротные, на плоской подошве. На всякий случай захватила шерстяную шаль. Мало ли, вдруг придется заночевать в лесу, будет холодно. Но об этом старалась не думать.

— Даже если так, — пробормотала я, — чары отведут глаза и чутье волкам. А значит, и диким зверям тоже...

Голос дрогнул. В этом уверена я не была. Как не знала и срока действия чар.

Но мама предупредила в письме: не раздумывай, не теряй времени. И неизвестная доброжелательница тоже призывала поспешить. Она сказала, что Зверя нет. Что удалось отвлечь его внимание. Ненадолго. А мама написала, что служители Церкви рискуют своими жизнями, чтобы спасти меня. Волки говорили о «фиолетовых». Значит, те, что пришли, чтобы вызволить меня, отвлекли на себя его внимание. Возможно, специально. Возможно, чтобы дать мне шанс уйти. Даже я понимала, что Зверь силен. Что обмануть его гораздо сложнее, чем остальных.

Сотворив в воздухе знамение Богини, я осторожно надорвала конверт из магической бумаги.

Зачерпнув горсть фиолетового порошка, принялась осыпать им себя с головы до ног. Раздалось шипение, и в следующий миг мой силуэт стал прозрачным, едва различимым. Точнее, это я знала, куда смотреть, поэтому, приглядевшись, улавливала малейшие колебания воздуха. Но разглядеть меня со стороны — я понимала, это невозможно.

Несмотря на это, я использовала весь порошок, что был в конверте.

Когда порошок закончился, из конверта выпал листок с неровными, словно обгорелыми краями.

Стоило конверту опустеть окончательно, как он загорелся, прямо как мамино письмо, в моих руках. На этот раз я не испугалась, провожая взглядом оседающий на кровать пепел.

Заглянув в зеркало, ожидаемо никакого отражения там не обнаружила.

Когда подняла с кровати листок с нарисованной на нем стрелкой и надписью «указатель», стрелка стекла с него мне на руку, сначала словно приросла к ладони, а затем тоже стала невидимой. И вместе с тем я отчетливо видела фиолетовый вектор на ладони. Должно быть, означает направление. Сжав-разжав пальцы и убедившись, что со стрелкой ничего не происходит, я пошла к двери.

Осторожно приоткрыв ее и высунувшись в коридор, я убедилась, что никого нет, и вышла.

От свободы меня отделяли минуты.

* * *

Вопреки ожиданиям, фиолетовая стрелка вывела не к тому выходу из замка, что вел в сад. Следуя ей, я оказалась в том самом обеденном зале, на первом этаже, где вчера ужинали со Зверем.

Как я ни пыталась пройти обеденный зал насквозь, чтобы скрыться в коридоре, который, должно быть, вел на кухню, а скорее всего, к черному ходу, которым обычно пользуется кухонная прислуга, стрелка не позволила. Она упрямо указывала на окно, через которое вчера скрылся Зверь.

Подойдя к окну, я посмотрела вниз и, решив, что Богиня не выдаст, а волк не съест, залезла на подоконник. Развернувшись задом, повисла на руках и спустя мгновение уже стояла на земле, пружиня коленями. Свобода!

Стрелка безошибочно указала на открытую калитку в сад, а затем на распахнутую дверь крепостной стены. С другой стороны эта стена, должно быть, разрушилась от времени, и у новых хозяев пока не

дошли руки, чтобы ее восстановить. Возле проема дежурили двое волков в человеческой ипостаси.

Когда я, ступая на цыпочках, просочилась сквозь проем, они и ухом не повели, а это значит, чары накладываются не только на зрение и обоняние, но еще и на слух. Иначе волки обязательно услышали бы мои шаги, какими бы крадущимися они ни были.

Можно было проверить — например, раздавить сухой сучок, треснуть веткой, но проверять отчего-то не хотелось.

Отдалившись на безопасное расстояние и по-прежнему ступая на цыпочках, я задала стрекача.

Сколько я бежала... не знаю. Долго, очень долго. Несколько раз падала, катилась с холмов, тормозила, схватившись за коряги и камни. Затем поднималась, оправляла платье, бежала опять.

Я продиралась сквозь колючий кустарник и молилась Богине, чтобы клочки платья и шали, что оставляла на сучьях, подольше — были невидимыми.

Я несколько раз переходила вброд ручьи, и один раз — реку.

До дрожи боялась, что вода смоет магический порошок, но, хвала Богине, страхи оказались напрасными. Прежде чем ступить в воду, я стянула платье и сорочку. Затем, держа над головой одежду и туфли, прошла через бурную ледяную реку, стараясь не оступиться.

Я несколько раз проваливалась в моховые подушки, и когда это случилось впервые, мой вопль, должно быть, не услышал в лесу разве что глухой.

Несколько раз встречались звери. Ланка, которая не испугалась меня, что доказывало предположение о том, что чары действуют не только на волков, но и на диких зверей, два енота и крупная рысь, которая охотилась на зайца.

Один только раз спугнула птицу, когда, не заметив ее под ногами, отшвырнула носком туфли. Закричала я, и вскрикнула птица. Что до меня, я быстро замолчала, а пернатая продолжила гневно возмущаться, оповещая весь лес, что по нему шествует невидимая и очень неуклюжая опасность.

Прижавшись к дереву, я приводила хриплое, свистящее дыхание в норму и бежала снова.

Я давно перестала считать падения и даже побаивалась увидеть свои ладони, локти, колени, когда чары спадут: казалось, я полностью

содрала с них кожу.

Наконец, я упала в очередной раз и поняла, что подняться просто-напросто не смогу.

Тогда я смежила веки и провалилась в странное подобие забытья: когда слышишь и осознаешь все, что происходит вокруг, но не в силах пошевелить и пальцем.

Через какое-то время это закончилось, я смогла подняться и продолжить путь.

Солнце нырнуло за верхушки деревьев, окрасив напоследок полоску неба в алый цвет.

Воздух стал сгущаться, потянуло свежестью, и я поняла, что мои предположения о ночевке в лесу, воплотятся в жизнь.

— Это ничего, — сказала я себе. — Главное, что я скрыта чарами и мне не страшны дикие звери.

А что до голода и жажды — когда-нибудь я все-таки дойду до места, где ждет помощь!

Словно злой рок услышал мои слова. Потому что в следующую секунду мой силуэт стал слабо искрить фиолетовыми сполохами... Пока не проступил из воздуха.

Я застонала. Теперь, если бы встретила ту же рысь, запросто могла бы стать добычей. А еще меня могут учуять волки.

Фиолетовая стрелка на ладони потемнела и даже как будто нагрелась.

— Должно быть, это значит, что помощь близко, — сказала я и побежала снова.

Пальцы второй руки сжали риолин. Зеленый камень на шее, который в замке Зверя чуть не жег кожу, сейчас остыл так, что подернулся инеем.

Но мне некогда было думать об этом. Я бежала.

Казалось, все это уже было. Казалось, я здесь уже была. Сон. Тот самый сон, что мучил с момента, как папы не стало...

Сумрак сгустился настолько, что напоминал разлитые в воздухе чернила. Не видно было светляков, мотыльков со светящимися крылышками, словно земля, по которой бегу, проклята Богиней. Не кричали, не ухали ночные птицы, даже ветер утих и деревья словно застыли, боясь лишний раз пошелестеть листвой. Из-за макушек деревьев выплыла луна. Непривычно большая и какая-то тревожная.

Лунный свет посеребрил стволы, увешанные лишайниками, словно лохмотьями, неподвижные ветви, пожухлую траву.

Несмотря на полное отсутствие сил я бежала, не разбирая дороги, лишь изредка сверяясь с направлением стрелки на своей ладони. С наступлением сумерек она потемнела, а лунный свет сделал ее совсем черной.

Я вздрагивала от каждого шороха, который раздавался в этой странной, мертвенной тишине. Раздавался так громко, что грозил оглушить.

Сердце колотилось как бешеное. Когда силы в очередной раз покидали меня, я замирала на месте, прислушиваясь: если верить снам, вскоре должен раздаться волчий вой.

Но было по-прежнему тихо, и я благодарила Богиню и продолжала бежать.

Когда в очередной раз замерла, ощутила, что меня тянут за руку. Если бы была не так измотана — заорала бы от страха на весь лес. Сейчас же с недоумением посмотрела на руку и поняла, что меня действительно тянет. Стрелка.

Повинуясь, я проделала еще несколько шагов, а потом замерла как вкопанная.

Передо мной стоял шатер. Высокий, с крестьянский дом, на всю поляну. Фиолетовый, в звездах и древних письменах. Я поняла, что шатер тоже был скрыт чарами. Его нельзя было обнаружить, пока не наткнешься на него. Впрочем, если бы меня не вела стрелка, даже выйдя на эту поляну, уверена, я бы захотела обойти ее по кругу. И даже не задумалась бы, отчего это так не хочется пройти по центру.

Из шатра доносились тихие голоса. А я стояла как молнией пораженная. Не двигалась, молчала, хотя, казалось бы, надо было сообщить о своем появлении.

Но что-то сковало страхом изнутри, а риолин на цепочке, казалось, превратился в кусок льда. Я уже решила зайти, но почему-то осталась стоять на месте.

Надо сказать, мне впервые было так страшно в землях оборотней. В Заповедных землях. Когда-то сама мысль о них пугала... там. В человеческих землях. Или, как говорит свободный народ, в Проклятых.

И сейчас я узнала этот страх. Он был слишком специфичен, чтобы не узнать его.

Осознание, что испытывала его только рядом с людьми, было как вспышка в мозгу.

Внутренности сдавило ледяной лапой и отчего-то очень захотелось уйти. Вот именно так, как и оказалась здесь... Пока меня не обнаружили... И бежать со всех ног.

Я встряхнулась, отгоняя странные мысли.

А потом было поздно.

Из шатра вышел человек в фиолетовой сутане.

— Пришла, — ухмыльнулся он. — Парни, сюда! Альбина сработала чисто.

— Альбина? — переспросила я, хлопая ресницами.

Было что-то тревожное в голосе аббата, а что именно — я не могла понять.

Вслед за ним из шатра вышли еще трое.

Все молодые, крепкие. Таких проще представить в доспехах, чем в сутане.

— Чисто, — осклабился еще один. — Ну, что замерла? Заходи.

Я опешила. Никогда священнослужители не говорили со мной подобным тоном. Я все еще силилась перевести дыхание, унять сердце, успокоиться. Я так бежала, так спешила к ним, вздрагивала от каждого шороха в лесу... И вот добралась до людей. До своих. И отчего-то не испытывала ничего похожего на радость. Или хотя бы на уважение.

— Чего-то она застыла? — обернулся к остальным тот, кто вышел первым.

— Ополоумела от счастья, — подсказали ему.

— Нет, — не согласился аббат. — Она разучилась понимать человеческую речь. Слишком долго пробыла с этими мерзкими отродьями.

И они засмеялись. Громко! Грубо!

Я часто заморгала, думая, что все это, должно быть, мне снится.

Где-то вдалеке загрохотал гром.

— Пойдем, волчья шлюха, — сказал тот самый, который вышел первым. — Видишь, гроза идет? Поговорим в тепле.

— По душам, — мерзко вторили ему.

Я сглотнула и отступила на шаг.

Видя это, аббат приблизился, а затем выбросил вперед руку. Я не поняла, как это произошло, но в следующий миг меня за волосы втянули в шатер и бросили на землю.

Не успела я подняться, как один из них ударил сапогом под дых, и я скрючилась, хватая ртом воздух.

— Волчья подстилка, — прорычал он и замахнулся снова.

Его остановили.

— Да ладно тебе, она же не оборотень, — сказал ему другой, кладя руку на плечо. — Ребра ломать зачем? Еще отключится от боли. Вот удовольствие — пользоваться полудохлую девку.

— Полудохлую герцогиню! — поднял палец первый. — Это, согласитесь, многое меняет. — Герцогиня может быть в десять раз безобразней, однако пользоваться высокородную шлюху — одно удовольствие.

И он похотливо потер у себя между ног.

— Вы собираетесь... насиловать ее? — нахмурился самый молодой, переводя взгляд с меня на своих товарищей, с одного на другого.

В ответ они пожали плечами.

— А что с ней делать? Волки позабавились, чем мы хуже.

— Вдобавок впереди ритуал очищения, — давась от смеха, сказал первый.

Он присел на корточки и, когда я попыталась отползти, рывком поднял за волосы, а потом наотмашь ударил по лицу.

Я впилась в его руку, держащую меня за волосы, ногтями, а затем рванула зубами.

— Ах ты гадина! — он отпрянул, прижимая укушенное место к рту.

А я почувствовала на губах металлический привкус крови.

Прямо над шатром загрохотало, а потом сотни тысяч струй обрушились на магическую ткань.

Подобравшись, я встала на четвереньки. Но следующий удар ногой снова опрокинул на землю.

— Погоди! — вступился за меня самый младший из церковников. — Ей и так после того, что узнала о волках, несладко придется. Зачем еще издеваться?

— Посмотри! Эта гадюка меня укусила! — зарычал первый и сунул тому руку под нос.

— И что? — примирительно похлопал его по плечу другой. — Так мы сейчас развлечемся с ней куда только можно, — и он отвратительно подмигнул мне, — небось понравится, добавки просить будет...

Двое зашли с боков. Я сопротивлялась молча, чтобы не тратить драгоценную энергию на крик. По лицу текли слезы, а над шатром грохотала буря. Молнии окрашивали фиолетовую ткань шатра в белый.

— Эй! Вы же не серьезно? Вы же не будете ее насиловать? — не унимался самый молодой аббат.

— Спокойно! — похлопал его по плечу тот, что с укушенной рукой. Он задрал рясу и принялся расстегивать ремень на брюках. — Иметь эту родовитую сучку будем все вместе, хором. И ты, малыш. Не обидим. Первый раз на дело вышел. Считай, боевое благословение.

— Приобщение к милости Богини! — гаденько заржал один из них.

Несмотря на то что я сопротивлялась, как дикая кошка, им все же удалось схватить меня. И держали эти двое крепко. Невзирая на отчаянное противодействие, меня опрокинули на спину и сели на руки, ничуть не смутившись, что я заорала от боли, когда придавили слишком сильно.

— Ну хватит! — не выдержал самый молодой и придержал того, кто готовился взгромоздиться на меня, за плечо. — Попугали и хватит.

— Да какая разница, — отмахнулись от него. — Все равно ментальный допрос вышибет ей мозги. С ней и после забавляться будут, если припишут какому-то монастырю. Да только не так оно уже, когда баба, пусть и герцогиня, слюни пускает. А так-то, пока трепыхается, все интереснее!

Глава 6

Каким-то чудом удалось высвободить руку. В следующий миг ткнула двумя пальцами в глаз одного из насильников, второго удалось укусить за руку. Я лягалась, дралась, била головой, руками, ногами. Только бросившись на меня втроем, смогли одолеть и растянуть на земле.

Несколько затрещин оглушили. Должно быть, ненадолго. На несколько мгновений.

Потому что пришла в себя оттого, что мне задрали платье.

— Ух! — восхитился один и блудливо огладил мое бедро. — Гладенькая, свеженькая, видать, берег ее Зверь.

Пальцы скользнули в самое сокровенное. Я закричала, дергаясь и мотая головой. Чья-то ладонь легла на рот, вдавливая затылок в землю.

Платье задрали под самое горло. Сразу несколько рук принялись трогать, щипать с такой силой, что мычала не только от ужаса, но и от боли.

Когда ноги развели пошире, сверху взгромоздился тот самый аббат, кого увидела первым.

Что-то твердое уперлось... в то место, что осталось беззащитным. Аббат принялся двигаться, помогая себе пальцами, но проникнуть внутрь не успел. Какая-то сила оттянула его назад и опрокинула на землю.

Самый юный из них, совсем мальчишка, гневно завис над ним. Отчаянный, растрепанный.

— Нет! — сказал он. — Насиловать женщин — скотство. На такое способны только звери. Не мы. Я не позволю!

Аббат приподнялся и улыбнулся разбитыми губами.

— Держите эту шлюху, парни. Сейчас я кое-кого уработаю и вернусь. Похоже, ментальная чистка светит не только уважаемой герцогине. Не скучай, дорогуша, я скоро, — отвесил он мне шутовской поклон и в следующую секунду упал от удара в челюсть.

— Ах ты щенок...

Завязалась драка.

Я замерла, наблюдая, как аббаты в фиолетовых сутанах катают друг друга по земле. Даже обмякла, изображая обморок. Я надеялась, что эти двое захотят помочь первому, а я... а мне удастся ускользнуть из шатра. Не вышло.

Аббат разделался с мальчишкой быстро. И очень жестоко.

Только что он говорил, дрался... и вот замер в углу, неловко вывернув ногу.

— Скучала, милочка? — спросил первый аббат, возвращаясь ко мне, а я, пользуясь тем, что один из тех, кто держал, убрал ладонь с моего рта, заорала, срывая голос.

Над шатром снова загромыхало.

А потом мой крик потонул в реве.

Вспышка молнии осветила гигантский силуэт по ту сторону шатра. Мощный удар когтистой лапы распорол ткань, и обрывки затрепетали на ветру.

Одним прыжком Зверь оказался внутри. Увидев меня, распластанную на земле, Зверь заревел снова, так, что на этот раз оглушил.

А я смотрела на него, глотая слезы, и думала, что нет ничего прекраснее и совершеннее, чем звериная полуформа.

А потом началась бойня.

Потому что иначе то, что разъяренный Зверь делал с аббатами, не называть.

Пользуясь тем, что меня отпустили, я отползла в дальний угол, поправляя порванное платье.

Церковники бились силой и магией. Зверь бился только силой, но и ее хватало за глаза. С того самого момента, как молния высветила его силуэт за шатром, мое сердце покинул страх и более не возвращался. Не вернулся и когда в лицо хлестнула чья-то кровь.

— Не смотри, — прорычал Зверь, буквально разрывая несостоявшегося насильника на части.

Но я отчего-то не могла оторвать взгляда, словно впала в странное оцепенение. Лишь когда Зверь склонился над бездыханным телом юнца, так отчаянно пытавшегося меня защитить, ступор исчез.

— Нет! — прокричала я, бросаясь к Зверю.

Споткнувшись об одно из тел, упала, но тут же приподнялась, вцепившись пальцами в густую шерсть.

— Нет! — повторила я. — Не убивай его!!!

Должно быть, крик вышел громким, потому что веки юноши, который до этого был без сознания и не пришел в себя, даже когда Зверь убивал остальных, дрогнули.

Одного лишь взгляда на разъяренного Зверя в полуформе, на растрепанную, стоящую рядом на коленях меня, юному аббату хватило. Сглотнув, он начертал в воздухе знамение Богини и замер. В совсем юных, мальчишеских глазах отразилось полное согласие со своей судьбой.

Медленно, как в кошмарном сне, Зверь повернулся ко мне.

Лицо, которое в обычной жизни было чуть сплющено с боков и вытянуто вперед, сейчас было самой настоящей звериной пастью. Полыхающие оранжевым огнем глаза, казалось, могут прожечь дыру взглядом. Огромное мускулистое тело, стоящее на мускулистых вытянутых лапах, покрывает густая черная шерсть.

И вместе с тем у меня не было ни малейшего сомнения, что Зверь слушает меня, понимает. Что *готов* услышать.

Я сбивчиво заговорила:

— Пожалуйста, не трогай его. Он не заслужил. Ты помнишь, он был без сознания, когда ты пришел. Это потому, что он вступился за меня. Если бы не он... к тому моменту, как ты успел, случилось бы непоправимое.

— Они, — хрипло прорычал Зверь, указывая на тела.

Я покачала головой и вытерла слезы.

— Они не успели.

На миг пламя в глазах Зверя погасло, прозвучал едва различимый выдох облегчения. Но когда он повернул голову к молодому аббату, пламя в глазах снова горело.

— Он дрался за меня, — тихо сказала я и, протянув руку, погладила черную шерсть. — Он не такой, как они.

О том, что юный аббат все же знал, что мне предстоит, я умолчала. Но я была благодарна ему уже за то, что не испугался пойти против своих, самому рискнуть здравым умом и твердой памятью, лишь бы защитить невиновную. Одного этого хватило, чтобы я подумала, что для него не все потеряно. Далеко не все. Но сказать Зверю, что парнишка знал, что мне предстоит пройти в землях людей (Проклятых землях!), значило бы подписать ему смертный приговор.

По хищно сощуренным глазам Зверя я поняла, что он и так знает. И неважно, сказала я об этом вслух или нет.

Наконец Зверь принял решение.

Приподняв парнишку за грудки, он приблизил оскаленную морду к его лицу.

— Иди, — прорычал он. — Иди и расскажи всем, что Зверь жив. Что он придет за ними. За всеми.

Сглотнув, аббат кивнул.

А затем бросил взгляд на меня. Губы его дрогнули, и я прочитала по ним: «Спасибо».

Прихрамывая и подволакивая ногу, аббат покинул шатер.

Зверь снова обернулся ко мне, и только сейчас я заметила, как он изможден. Кожа чуть не прилипла к костям, тело в ранах, в кровоподтеках. И пусть большая часть крови на нем — кровь насильников, настоящих оборотней, а не тех, кого таковыми считала... Но его кровь тоже была там, я знала, я чувствовала это, и эта догадка оказалась такой болезненной...

А риолин на груди снова нагрелся, и от этого показалось, что закаменевшее сердце оттаивает.

Я протянула руку, чтобы дотронуться до Зверя, но в последний момент отдернула пальцы. Подняла взгляд и тут же опустила, потупившись.

До меня с запозданием стало доходить, что я наделала.

Да, я не обещала быть пайнкой и ждать, пока он придет и возьмет меня, но все же... Я убежала, обманув тех, кому он доверял. Обманув его самого. Из-за меня убито три человека. Они были подонками, мерзавцами, насильниками. И в то же время они были людьми. И приняли мучительную смерть по моей вине.

Закусив губу, я ждала, что Зверь зарычит на меня, даже оскорбит, унизит, может, даже ударит... Почему-то побывав в руках мерзавцев, которые запросто били и оскорбляли женщину, подумалось вдруг, что так, должно быть, ведут себя все мужчины.

Поэтому, когда на макушку легла ладонь, я вздрогнула, как от удара.

Зверь вздохнул, но не отвел руку.

Погладил по голове, как маленькую, осторожно, касаясь кончиками пальцев, провел по щеке.

— Эя, — хрипло сказал он.

Я на миг вскинула взгляд и поначалу даже не поняла, что случилось. Что-то изменилось точно, но что именно? А потом с запозданием поняла, что Зверь больше не в полуформе. Надо мной склонилось человеческое лицо. С пристальным и очень уставшим взглядом.

В следующий миг я оказалась на ногах, прижатой к его груди.

И он был в крови... и голый, а я в разорванном чуть не до горловины платье. Оба перемазаны в земле и крови, но он обнимает меня, прижимает к себе так бережно, как будто держит самую большую и самую хрупкую драгоценность в мире.

А я уткнулась носом в его грудь, вдыхала уже знакомый запах и чувствовала, как слабеют ноги, а горло сдавливает от слез.

Он гладил меня по голове, плечам, шептал, что чуть с ума не сошел, когда, вернувшись, не обнаружил в замке. Как бежал по следу, как путался, потому что не чуял моего запаха, как проклинал себя за то, что оставил одну так надолго, и как боялся, что не успеет...

— Боялся? — шмыгнула я носом.

Зверь аккуратно отстранил меня и заглянул в глаза. Я поспешно опустила взгляд.

Мое лицо взяли за подбородок и подняли вверх.

— Почему тебя это удивило? — спросил он.

По-прежнему избегая смотреть на него, я прошептала:

— Я не думала, что есть что-то, чего ты боишься.

А меня снова резко прижали к себе.

— Как тебя зовут? — прошептала я.

— Что? — он удивился.

— Ну, у тебя же есть имя? Было? — допытывалась я. — Ведь наверняка тебя звали иначе, только потом стали звать Зверем.

— Фиар, — рыкнул он.

— Фиар, — задумчиво повторила я, словно пробовала это имя на вкус.

— Пойдем домой, Эя, — сказал Фиар, и я кивнула.

Я больше не была уверена в том, где мой дом. Но хотя бы знала, что в замке оборотня мне ничего не грозит. Кроме того, кто только что спас мою честь и жизнь.

На негнущихся ногах я пошла к выходу из шатра. Хоть снаружи бушевала гроза, все же там казалось безопаснее, чем в этом месте, где за короткий промежуток времени случилось столько страшного.

За спиной тихо рыкнули, а затем земля ушла из-под ног.

Прикрыв мне голову шалью, Зверь прижал меня к груди и понесся сквозь лесную чащу.

* * *

После ночи, проведенной под дождем, я заболела. В замке не было лекаря: волкам он просто не был нужен, и Адела лечила меня травами. Волчица смотрела без неприязни, больше виновато, чем осуждающе. Должно быть, потому что я слишком плохо выглядела. Я была так слаба, что Джейси и Эльзе приходилось помогать мне добраться до омывальной.

Большую часть времени я спала, причем очень тревожно. Неглубокий сон не приносил облегчения и почти не лечил. Я металась по подушкам, а волчицы по очереди дежурили у постели, промокали запекшиеся губы тряпицей, смоченной в воде, поили густым ароматным отваром, заставляли жевать какие-то листья и молодые побеги.

Кажется, несколько раз, просыпаясь, я видела у постели Фиара. Зверь сидел в одной и той же позе, с одним и тем же сосредоточенным выражением лица. Вроде бы он менял компрессы у меня на лбу. А я вырывалась, плакала, звала маму и Андре.

Через несколько дней лихорадка стала спадать. Вместо нее пришла слабость.

Я по-прежнему проводила в постели дни, только перестала спать круглосуточно. Джейси с Эльзой развлекали меня разговорами, из которых я узнала, что, когда с вожаком черной стаи случилась беда (на вопрос, какая именно, они отмалчивались), самые преданные из черных последовали за ним. Обе девушки, будучи щенками, росли в лесу (как и остальные волчата) и пришли в замок сравнительно недавно, не успев привыкнуть к многому. Но они с удовольствием валялись со мной на кровати, рисовали и учились читать.

Фиар приволок целую стопку книг. От истории Смутного времени до морских приключений, описания флоры и фауны Океании и путешествий к Радужному архипелагу.

Мы по очереди читали вслух о коралловых рифах, священной птице Рух, которая запросто поднимет теленка, стреляющих огнем медузах и смертоносных жуках-плавунцах. Книги рассказывали, что где-то там, за морями и океанами, живут самые настоящие драконы, но мы не верили. Правда, очень хотелось верить, и я решила, что буду верить, несмотря ни на что. И в сказочных драконов, чьи крылья заслоняют небо и солнце, и в то, что когда-нибудь обязательно их увижу. Об этом думать мне нравилось. И вообще, болезнь протекала хоть и мучительно, но как-то спокойно. Можно было сказать, что я с детства так душевно не болела.

Измученная длительной лихорадкой, я старалась не думать о мамином письме, как и обо всем, что случилось после его прочтения. Получалось плохо.

Поразмыслив о случившемся, я надеялась и уговаривала себя, что вполне возможно, это письмо, которое завело меня в ловушку, писала вовсе не мама... Хотя я чувствовала, знала, что это была именно она. И это было самым ужасным. Потому что такое мамочка могла писать только под принуждением... И познав на себе методы церковников, от одной мысли об это я холодела. Как и о том, что это письмо мама могла написать перед смертью. Возможно, она нужна была только затем, чтобы заманить меня в ловушку, а когда стала не нужна... Об этом я старалась не думать.

— Какая ты глупая, Лирей, — говорила я себе, когда никто не слышал. — Не такая ты важная птица...

И вместе с тем все случившееся со мной за последнее время говорило: именно такая. Я была нужна Церкви, я была нужна свободному народу, я была нужна... Зверю? Или не нужна.

Когда я пошла на поправку, Фиар стал бывать у моей постели реже.

Чаще справлялся о моем самочувствии через Аделу.

От Джейси я узнала, что Адела — молочная мать Зверя, что она нянчила его еще щенком и заменила родную мать, которую убили люди.

Я была безмерно благодарна Фиару за то, что защитил, что не дал случиться непоправимому... И еще больше за то, что не воспользовался моей слабостью, а дал мне время прийти в себя.

С замиранием сердца я ждала, когда Зверь заговорит о слове отца, о том, что я обещана ему, но он молчал. И пока я не стала выходить из комнаты, мы не виделись.

Когда я стала вставать, Адела настояла, чтобы я выходила на воздух.

В сопровождении Джейси и Эльзы, которые не отходили от меня ни на шаг (и не потому, что не доверяли, просто я была еще слишком слаба), я выходила в сад. И первое место, куда попросила меня сопроводить, были те самые клумбы, над которыми трудился (что характерно, безуспешно) старый садовник.

Объяснив волку, в чем его ошибки, мы взялись за дело вместе с девушками и в скором времени смогли любоваться результатом своих трудов.

Я пила укрепляющий отвар в беседке, когда из замка вышел Фиар и замер, обводя взглядом несколько ступенчатых клумб с флоксами. Мы замучились, сортируя растения по цветам, но теперь с гордостью любовались творением своих рук, глядя на две пышные цветущие радуги по сторонам от ворот замка.

Какое-то время Зверь просто смотрел на сотворенное нами чудо, затем, найдя меня глазами, приблизился к беседке. Девушек как ветром сдуло. Если бы не недоеденный рогалик Эльзы и не наполовину опустевшая чашка Джейси, я бы сама усомнилась: а были ли здесь волчицы, или мне привиделось... Настолько быстро они убежали.

Не успела я проводить новых подруг взглядом, как на пороге беседки возник хозяин замка.

— Я рад, что тебе лучше, Эя, — низким голосом проговорил Фиар, заходя внутрь.

Такой огромный, он словно занял беседку целиком, а мне почему-то неожиданно стало не хватать воздуха.

— Сп-пасибо, Фиар, — пискнула я и добавила: — За все.

— Защищать свое — долг волка, — ответили мне. Властно. Громко. Почти жестко. Или... это мне так показалось?

Волк присел рядом, и меня обдало волной жара от его тела.

— Я... я была не права, — тихо сказала я, пытаюсь совладать с дыханием. — Мне не стоило доверять...

И я замолчала. Признаться, что меня выманили из замка маминым письмом, было выше моих сил. Просто потому, что это было больно.

— Ты не оставишь попытки сбежать, правда, Эя? — низким голосом, с хорошо уловимыми нотками рычания, спросил Зверь.

Я опустила голову.

Сказать правду? И значит, не просто оскорбить его, но и признаться в собственной безголовости и глупости, в том, что меня ничто не учит. И все же я была против, когда решали за меня. Тем более в мамином письме говорилось, что отца заставили...

Солгать? И оскорбить еще больше. Ложью. Того, кто одержал в битве за меня победу и до сих пор не воспользовался этим правом. Кто был терпелив, заботлив, кто рисковал за меня жизнью и убивал... И после ни разу не попрекнул.

— Что же ты молчишь, Эя? — рыкнул Зверь.

— Что ты хочешь услышать, Фиар? — ответила я вопросом на вопрос.

— Я не хочу, чтобы ты отвечала только потому, что я хочу это услышать, — сказал Фиар.

— Тогда мне лучше промолчать, — тихо проговорила я.

— Я пришел не за тем, чтобы мучить тебя вопросами, на которые ты не можешь дать ответа. Не за тем, чтобы посмотреть, — как ты мучаешься, — сказал Фиар и добавил после паузы: — Я здесь, чтобы пригласить тебя на ужин.

— На ужин? — забывшись, я вскинула голову и посмотрела в желтые глаза Зверя, которые тут же зажглись огнями, несмотря на дневной свет. Я поспешно опустила взгляд.

— На ужин, Эя, — ответили мне. — Чему ты удивляешься? Мне показалось, ты достаточно окрепла.

— Я с удовольствием принимаю приглашение, — выдохнула я, прежде чем успела сама испугаться собственной смелости.

— Тогда в восемь, — сказал Зверь, поднимаясь и опять занимая всю беседку.

— В восемь, — эхом ответила я и вложила пальчики в ладонь Зверя.

Когда тот склонился к моей руке, думала, зажмурюсь, но почему-то не смогла оторвать взгляда от иссиня-черной шевелюры волка, которая на миг закрыла его лицо.

К самым кончикам пальцев прикоснулись губами... нежно, легко, быстро, как крылья бабочки, но отчего-то от этого прикосновения бросило в дрожь.

Он ушел так же бесшумно, как появился. А я осталась. Рассеянно отправила в рот надкусанный Эльзой рогалик.

— Что со мной? — проговорила я вслух. — Мне показалось, или... Или я больше не боюсь его?

Сказала это и улыбнулась. Раньше я просто не знала, *чего* стоит бояться.

* * *

Джейси и Эльза помогали одеваться с утроенным усердием. То есть больше мешали и отвлекали. Адела фыркала на них, но беззлобно. Вообще я уже привыкла к тому, что Адела больше рычит, чем щелкает зубами, как говорится в свободном народе.

— Это? Или это? — спрашивала она, а я вертела головой, переводя взгляд с одного наряда на другой.

— Это больше подходит к волосам! — проголосовала Джейси в пользу нежно-карминового платья с золотой отделкой.

— А это — к глазам! — не сдавалась Эльза, настаивая, чтобы я надела зеленое.

А мне внезапно так захотелось стать незаметной, не привлекающей внимания. И одновременно очень хотелось, чтобы меня увидели... увидели, какая я. Не внешне, а по-настоящему.

Закусив губу, я выудила из общего вороха платье редкого цвета. Про такой говорят — цвет морской волны. Глубокий вырез сердечком, длинные рукава, расклешенные от локтя и отделанные черным кружевом. Им же отделан подол нижней юбки. На верхней четыре разреза и ткань присборена.

— То, что нужно, — сухо кивнула Адела, но по огонькам, что зажглись в ее глазах и в глазах кузин-волчиц, я поняла: действительно то, что нужно.

Волосы я разделила на прямой пробор.

Пару локонов оставила у лица, остальные убрала в низкий пучок и скрепила шпильками.

— Настоящая леди, — проговорила Эльза и прыснула.

— Она и есть леди, — напомнила Джейси и обе волчицы захихикали.

Их почему-то очень развлекало все человеческое: привычки, одежда, жилье. И хоть сами жили в замке уже какое-то время, до сих пор не могли привыкнуть.

Я бросила взгляд в зеркало. Сначала искоса, осторожно, потом, не в силах оторваться, повернулась.

Надо сказать, ни одно платье не шло мне так, как это. Цвет морской волны, пожалуй, даже морской глубины, свежий и глубокий одновременно, заставил глаза сиять изумрудами, а волосы полыхать огненными сполохами. Постельный режим явно пошел на пользу: исчезла болезненная худоба, к щекам вернулся румянец. Кожа цвета густых сливок казалась гладкой и нежной, как у младенца.

— Кажется, я готова, — пробормотала я, оборачиваясь к волчицам.

— Как же я за тебя рада! — не выдержала Эльза и порывисто обняла меня.

Не успела я удивиться, нас сгребла в охапку Джейси со словами:

— За вас обоих!

Я ощутила себя в главной роли какой-то абсурдной пьесы. На выручку мне пришла Адела.

— Вы ей все платье помнете! — проворчала она, отгоняя от меня кузин.

Фиар ждал за столом, когда я появилась.

Стоило мне войти, он встал. А я как стояла, так и замерла на пороге как вкопанная.

Затем, отругав себя за нерасторопность, неспешно приблизилась к столу.

Зверь не сводил с меня взгляда. Его обычно отстраненное лицо выглядело сейчас донельзя живым: глаза блестели, ноздри расширились, губы были плотно сжаты, словно Фиар изо всех сил сдерживал себя, чтобы не сказать то, о чем потом пожалеет.

Поприветствовав меня хриплым голосом, он отодвинул мне стул. Я, кивнув, села.

Едва ощутимым прикосновением Зверь убрал золотистый локон с моего плеча, обнажая шею. Я замерла. Фиар отчего-то вздохнул и вернулся на свое место.

Нам по-прежнему никто не прислуживал. Видимо, в этом замке такое было не принято. Надо сказать, если бы не вынужденное уединение со Зверем, такие правила мне бы понравились. Живо представилась Виталина, которая требовала от слуг не только смены блюд и наполнения тарелок, но и белоснежных перчаток, а также того, чтобы сами они сменяли один другого в каком-то немыслимом, одной Виталине известном порядке.

— Ты ничего не ешь, Эя, — сказал Фиар, возвращая меня к реальности. — О чем ты думаешь?

— О сестре, — вырвалось у меня.

Зверь выглядел удивленным.

— О сестре? — с недоумением переспросил он.

— О том, что многое бы отдала, чтобы увидеть ее лицо в подобной... обстановке.

— У тебя две старших сестры, — проявил осведомленность Фиар.

— Виталина и Микаэла, — кивнула я. — Виталина самая старшая из нас. Сейчас она герцогиня Эберлей. А Микаэла... Очень надеюсь, что она ответила Оуэну Рвьеру, племяннику герцога Эберлея, отказом.

— Ты скучаешь, по ним? — серьезно спросил Зверь. — Вы были близки?

Я неопределенно пожала плечами.

— Скучаю? Пожалуй, все же да. Но близки мы никогда не были. Сестры обожали отца и не могли простить мне, что я родная дочь и наследница, в то время как они — падчерицы. И...

Я замерла, понимая, что говорить об Андре будет лишним. Да и я не смогу. Больно.

Зверь продолжал выжидательно смотреть. Я потупилась под его взглядом, закусив губу. Еще недавно я бы сказала, что мне очень не хватает мамы, что она исчезла и я очень-очень скучаю. Но после того самого письма я не знала, что думать, не то что что-то сказать.

Пауза затянулась. Я сделала вид, что всецело поглощена нарезкой мяса, и в это время двери в обеденный зал распахнулись, и на пороге возник волк. Тот самый, кто пытался (очень пытался) исполнять обязанности садовника и с первых минут знакомства очаровал открытой улыбкой и добрым нравом. И конечно, искренней заботой о растениях (в конце концов, он же не виноват, что у него поначалу ничего не выходило. Он старался — это главное).

Увидев выражение лица всегда приветливого садовника, я с трудом удержалась от возгласа. Просто смотрела на него, часто моргая. А посмотреть было на что.

Верхняя губа приподнята, обнажает клыки. Кожа... на глазах то темнеет, то светлеет, словно волк из всех сил сдерживает себя, чтобы не принять полуформу. Нос сморщен и мало напоминает человеческий. Но самое главное — глаза. Красные. Налитые кровавой яростью.

В несколько прыжков волк преодолел расстояние от входа до хозяина замка. Ничуть не смущаясь, наклонился к Фиару и что-то коротко проговорил.

Я невольно услышала только одно слово. Точнее, имя.

— Альбина.

Имя показалось знакомым.

Закусив губу, я задумалась, а потом... Вспомнила! Кажется, именно это имя я слышала в том самом шатре церковников... Или кем они были...

Фиар, в отличие от меня, услышал то, что сказал садовник. Судя по глухому рычанию и обнажившимся клыкам, новости были не слишком хорошие.

Рывком он поднялся из-за стола и, даже не взглянув на меня, покинул обеденный зал.

— Господин занят, — догадался сообщить мне садовник, прежде чем отправиться за вожак.

Но я уже и сама как-то поняла, что занят. Тем не менее не позволю какой-то Альбине помешать нашему ужину. И разрушить тот хрупкий мир, что воцарился между мной и Фиаром.

Распахивая двери, я поняла, что подрастеряла первоначальный пыл, но все же была полна готовности узнать, кто оказался способен

довести садовника до белого каления, а Фиара так быстро забыть обо мне.

Я чувствовала, куда идти, по нагреванию риолина на груди, который, как я уже поняла, нагревается почему-то в присутствии Зверя, а охлаждается, когда мне грозит опасность. Таким образом я проследовала по коридору, прошла через анфиладу комнат и остановилась перед запертой дверью, из-за которой раздавались голоса. Один из них, несомненно, принадлежит Фиару, второй... женский...

Осторожно, одним касанием пальцев, приоткрыла дверь. Ничего не изменилось. Только сдавленные рыдания стали еще слышней.

— Прости меня, прости, прости, прости, — рыдала женщина. — Меня заставили. О, если бы ты знал, что они делали со мной... Но я сбежала... Ради тебя я сбежала... Любимый! Сможешь ли ты простить меня?

Я приоткрыла дверь чуть больше. Теперь кабинет (а судя по обилию книг, письменному столу со стопкой бумаги и перьями, это был именно кабинет) обозревался наполовину. Но мне хватило и этого.

Меня не заметили, так как Фиар стоял к дверям спиной, широко расставив ноги и скрестив руки на груди. А его посетительнице было вовсе не до того, чтобы следить за скрипом двери. Хотя бы потому, что она стояла на коленях перед Зверем и, вцепившись обеими руками в полу удлиненного камзола, слезно молила о чем-то.

Я затаила дыхание.

То, что подслушивать — дурной тон, меня мало волновало в этот момент.

Потому что я узнала голос незнакомки.

Именно его я слышала за живой изгородью в саду.

Именно она передала мне письмо от мамы.

Которое заманило меня в ловушку.

Глава 7

Она была красива. Пожалуй, очень красива. Смуглая кожа, каскад каштановых кудрей, огромные голубые глаза, пухлые искусанные губы. Голос низкий, грудной, про такой принято говорить — обволакивающий.

Пользуясь тем, что меня никто не заметил, я вся обратилась в слух. И зрение.

— Прости меня, Фиар, — плакала женщина. — Я знаю, ты сможешь... Ты сильный! Ты благородный.

Зверь хранил молчание.

Очевидно, подбодренная тем, что ей не отвечают, женщина продолжила:

— Я не буду оправдываться, искать причины... Я оступилась. Я виновата. Да, меня заставили, да, ты не представляешь, через что мне пришлось пройти... Но я виновата, виновата перед тобой...

— Зачем ты пришла, Альбина? — раздался низкий голос Фиара. Отстраненный, безэмоциональный. И мне послышалось, что за этой отстраненностью как будто скрывается что-то... боль? — Прошло много лет.

— Да, прошло много лет! — с жаром поддержала женщина. — Но время, увы, не властно над моими чувствами к тебе! Прости меня, если сможешь...

— А если не смогу? — спросил волк. И в голосе его послышалась угроза. Очевидно, послышалась не только мне, потому что женщина заговорила быстрее, словно опасалась, что перебьют, оборвут на полуслове, а может, и не только этого.

— Но ведь... Ты снова... ты, — выдохнула она. — А я оступилась так давно...

— Чего ты хочешь, Альбина? — спросил Зверь, отводя от себя ее руки и делая шаг назад.

Ничуть не смущаясь, женщина двинулась за ним. На коленях.

Зверь стоял спиной, но каким-то образом я знала, что сейчас он брезгливо скривился.

— Я хочу вернуть все как было, — выдохнула женщина и снова предприняла попытку схватиться за одежду Фиара. Ей этого не позволили.

— Ты здесь, потому что знаешь, волк никогда не поднимет лапу на самку, — задумчиво проговорил Зверь. — Но я не поручусь за Аделу. И остальных. Уходи, откуда пришла, Альбина.

— Нет, пожалуйста, — зарыдала женщина, — не выгоняй меня, Фиар!

Отчего-то имя Зверя в ее устах отдалось болезненным спазмом у меня в груди.

— Рядом с тобой мне ничего не страшно. Пожалуйста, дай мне хотя бы один шанс! Всего шанс, Фиар...

Зверь снова брезгливо отвел от себя ее руки.

— Какой шанс, Альбина, — устало сказал он. — Я женат.

— Я слышала, — тихо проговорила женщина. — Это большое горе, Фиар.

Я нахмурилась. Пусть, Зверь назвал меня женой... Пусть я не признаю и не собираюсь признавать обычаи свободного народа, но его победа в брачном поединке позволяет ему считать меня женой. Но почему женщина считает женитьбу на мне большим горем?

Вдруг Фиар обернулся и встретился со мной взглядом. Я закусила губу и отчаянно покраснела, сообразив, что он знал о том, что стою здесь, подслушиваю и подсматриваю с самого начала.

Зверь сделал приглашающий жест.

— Войди, Эя, — приказал он.

Я не посмела послушаться.

На негнущихся ногах зашла в комнату и приблизилась к Фиару.

Увидев меня, женщина отпрянула. Сначала в глазах ее отразился страх, даже ужас, потом они полыхнули злобой. Она бросила затравленный взгляд на Фиара, а потом отчего-то выдохнула с видимым облегчением.

— Это... это, — забормотала она, снова переводя взгляд на меня, — но она же... Ее здесь быть не должно!

— И тем не менее она здесь, — спокойно сказал Зверь. — И если бы ее не было, это ничего бы не изменило.

— Но как же, — женщина переводила недоуменный взгляд с меня на Фиара, — как же мы?!

Зверь пожал плечами, словно не понимал, о чем она говорит.

— Ты забыла, что волк — символ чистоты, Альбина, — сухо сказал он и добавил с нажимом: — Он не подбирает падаль.

Глаза женщины полыхнули гневом. Красивое лицо исказилось от ярости. Наградив меня напоследок уничтожающим взглядом, она обошла меня и выбежала из кабинета, хлопнув дверью.

Какое-то время волк стоял и смотрел перед собой невидящим взглядом. А затем тяжело опустился в кресло у камина. Взгляд волка был пустым. И видеть его каким-то потерянным, словно опустошенным, рядом с пустым проемом камина, было как-то неправильно. Что-то внутри меня дрогнуло.

Не вполне понимая, что делаю, я опустилась рядом. Второго кресла поблизости не оказалось, и поэтому я встала на колени на белую шкуру у камина. Наши головы оказались почти на одном уровне.

Я протянула руку и положила ладонь на руку Зверя.

— Расскажи о ней, — попросила я.

Волк замер от моего прикосновения, словно боялся спугнуть. Я не убрала руку, а Фиар заговорил.

— Волк никогда не поднимет лапу на самку, — сказал он. — Даже на такую гиену, как она.

— Гиену? — удивилась я.

Зверь отнял ладони ото лба и посмотрел на меня. Я продолжила хлопать ресницами, ожидая ответа, и Фиар поморщился.

— Она человек, — сказал он и, подумав, добавил: — Оборотень.

Я кивнула. К сожалению, на своей шкуре уже знала, что это значит. Но что могла сделать эта, пусть и до крайности неприятная женщина ему? Такому огромному и сильному?

Какое-то время Зверь хранил молчание.

— Ты в самом деле хочешь это знать? — наконец спросил он.

Я кивнула, не задумываясь. У меня появился шанс немного узнать хозяина замка. Того, кто спас мою жизнь и честь и кто по законам Луны считался моим мужем.

Того, что случилось сразу же после моего ответа, я точно не ожидала.

Приподнявшись, Зверь подхватил меня на руки, я даже ахнуть не успела. А потом понес куда-то.

— А куда ты меня несешь? — пискнула я, сжавшись в комочек.

Мне показалось, что рука, которой Зверь поддерживал под... ну, скажем, бедро, дрогнула. А еще его прикосновения были горячими. Обжигающими.

— Я обещал тебе ужин, — хрипло сказал он.

И при этом посмотрел такими голодными глазами, что я сама ощутила себя ужином. Или, скажем, десертом.

Несмотря на мои опасения, мы и в самом деле вернулись к столу с остывшими блюдами. Усадив меня в кресло, Зверь с неохотой оставил меня и занял свое место.

Я молчала и не поднимала глаз. Ждала, пока он заговорит.

Потом, видимо, голод взял свое. Потому что я в два счета расправилась с остывшей отбивной и перетащила на тарелку фаршированную грибами котлету из мяса птицы и немного запеченных овощей.

Утолив голод, взглянула на Фиара.

Зверь ел много, пожалуй, очень много... и жадно. Время от времени бросал на меня такие взгляды, от которых щеки сами собой вспыхивали румянцем.

А еще как-то это все... показалось милым. Несмотря на какой-то очень, судя по реакции Зверя, неприятный привет из прошлого, это не лишило его аппетита. Ну вот совсем не лишило.

Я с нетерпением ждала, пока он утолит голод и заговорит. Сердце тревожно сжималось от мысли, что эта женщина, которая, должно быть, некогда много значила для Фиара, и есть та, кто заманил меня в ловушку. А еще из головы не шло письмо от мамы... Было ли оно поддельным? Мне не верилось, что можно обмануть дочернее чутье, и не хотелось верить, что письмо, написанное мамой, могло заманить меня в ловушку. С другой стороны, мама могла просто не знать, *что* меня ожидает, когда я встречу церковников... От одного воспоминания меня передернуло, а в сердце шевельнулась теплая благодарность к Фиару. А еще эта женщина, Альбина, она очень удивилась, увидев меня. Явно не ожидала встретить и даже сказала, услышав о том, что Зверь женат, мол, какое горе и все такое... То есть, в отличие от мамы (или мага, подделавшего мамочкин почерк), она точно знала, что отправляет меня в ловушку.

— Мой зверь был против, — нарушил тишину Фиар, и я вздрогнула. Но Зверь, казалось, не заметил, что я задумалась. Он смотрел в пустоту перед собой, как бывает, когда человек с головой погружается в воспоминания. Голос его был глухим, взгляд затуманенным. — То есть, я имею в виду, мой волк. Она ему не нравилась. Очень не нравилась. Он рычал внутри, даже пытался щериться и кусаться.

Я попыталась представить, каково это. Твоя ипостась, твоя вторая сущность пытается укунить... тебя. Это как? Одним словом, ничего такого представить у меня не вышло. Зверь тем временем продолжал:

— А я был очарован. Влюблен. До потери разума, как мальчишка. Волки женятся только раз в жизни. За редким, очень редким исключением.

А я почему-то вспомнила слова то ли Джейси, то ли Эльзы: «Однажды Зверя погубила женщина».

И вздохнула. Я заранее знала, что рассказ не будет веселым.

— Наш брак не был благословлен Луной, — сказал он. — Из-за того, что ее не принимал мой волк. Он не приходил, когда я звал его в ее присутствии. Он очень ей нравился...

— Он прекрасен, — пробормотала я, вспомнив гигантского черного волка с горящими глазами.

Вопреки всему, Зверь нахмурился.

— Она говорила так же, — сказал он. А я прикусила язык. — Она сама просила позвать его. Говорила... Неважно...

Зверь замолчал и продолжил после паузы:

— Она говорила, что сама ушла от людей. Что не в силах больше терпеть их двуличность, лживость. Сказала, что очарована законом и традициями свободного народа, что еще маленькой девочкой мечтала жить честно. В стае. Наш брак не был благословлен Луной, — повторил Зверь. — А жениться на ней по человеческим законам... это было невозможно.

Я кивнула.

Стоило только представить, как на пороге Церкви появляется Зверь... и больше ничего представлять, собственно, уже не нужно. И так больше чем достаточно. Да церковники книгу бы написали под названием «Изгнание Зверя». Причем на каждой странице были бы

новые пытки. С картинками. Видение было таким неожиданно ярким, что я поморщилась.

— Мы прожили вместе год, — сказал Фиар. — Я, альфа свободной стаи, вожак Стаи Семи Лесов, и человеческая женщина Альбина.

Казалось, это имя он выплюнул и с трудом сдержался, чтобы не вытереть губы.

Он замолчал, и я не посмела нарушить тишину.

— А ей нужно было лишь подобраться поближе к альфе Стаи Семи Лесов, — наконец сказал Фиар и в ответ на недоумение, написанное на моем лице, пояснил: — К волку. На что она только ни шла, чтобы уговорить меня показать волка. И я был рад исполнить любое ее желание... Я. Но не мой волк.

Я часто заморгала, чувствуя ком в горле. Я внимательно слушала Зверя и прекрасно помнила, что волк не любил избранницу Зверя. А может... остерегался?

Захотелось встать и подойти к Фиару, положить руку на плечо. С самого начала было понятно, что история будет невеселой, но сейчас меня просто затрясло. Я с трудом сдерживала себя, чтобы не попросить волка остановиться, и одновременно понимала, что не отстану от него, если вдруг остановится.

— Я нашел ее умирающей, истекающей кровью, — глухо сказал Зверь. Я не удержалась, вскрикнула, поспешно закрыв рот ладонью. Фиар продолжал: — Это была магия иллюзии. Ментальная магия Церкви. — Мое сердце зашло в бешеной скачке. Я ведь и сама применила магию иллюзии, чтобы сбежать от него, применила прямо в его замке. Каково ему было узнать об этом? И все же он нашел в себе силы бежать за мной... и спасти. Голос Зверя стал глухим: — Она едва дышала в моих объятиях... Я ясно видел, что она умирает. У волков есть возможность поделиться силой. Правильнее будет сказать — отдать свою силу тому, кому она нужнее. Для этого нужно воззвать к Луне и очень-очень любить того, с кем хочешь поделиться силой волка. Я взывал к Луне, когда она вонзила мне нож в сердце.

Я вскрикнула, тут же закрыв рот ладонью. Глаза защипало, мир отделила пелена.

— Это был не просто нож, — продолжал волк. Голос его из глухого стал бесстрастным, словно хозяин растерял последние остатки

эмоций. А я вспомнила Зверя в своих видениях и поняла: в них я видела его *после*. Неудивительно, что после такого в твоём сердце не остается места для чувств.

Я всхлипнула.

— Это был не просто нож, — повторил Фиар. — Это был осколок Источника. Частица магии в ее истинной форме... И оскверненная силой Церкви. То, что назначено богами давать жизнь, теперь было предназначено, чтобы забирать ее. Изымать истинную сущность.

— Я, — не скрывая слез, пробормотала я, — не понимаю тебя...

Зверь пожал плечами.

— Ей нужно было подобраться к волку, Лирей, — пояснил он. — Ей нужно было убить волка. Лишить силы альфу Стаи Семи Лесов. Такое у нее было задание от Церкви. Зачем им тот, кто объединяет стаи? Кто бьется за Источник... то есть бился за Источник. Тот удар в сердце решил все.

— Что произошло дальше? — плача, спросила я.

— Она убила моего волка, — сказал Зверь. — То есть это тогда я думал, что она убила его. Так думали и остальные. Слухи о том, что альфа Стаи Семи Лесов лишился волка, быстро разлетелись не только по королевству, но и по Заповедным землям. Единая стая распалась. Каждый клан возомнил себя стаей, и, вместо того чтобы продолжать бороться с настоящей угрозой — с людьми, стаи начали грызться между собой. Когда пришли люди, мы были разобщены. Можно сказать, нас истребили поодиночке, как и истинных магов, покровителей стихий.

— Забытый город, — вырвался у меня шепот, а перед глазами стояли руины, через которые мы шли с Виллой, Лил и Фоссой.

Зверь хмуро кивнул.

— И другие наши города. Люди вытеснили нас с плодородных земель, воспользовавшись гостеприимством и наивностью. Но в тот раз они отрезали нас от Источника.

— Источника? — переспросила я.

Зверь кивнул.

— Источника истинной магии, которую Церковь обратила во зло.

Я кивнула, словно поняла. Но меня волновало другое.

— А что было дальше?

— Дальше? — Зверь пожал плечами. — Люди нападали, волки отбивались. Не очень успешно. Трудно действовать врозь. А люди... церковники — в своей ненависти к нам они были едины.

— Нет, — вытирая слезы, покачала я головой. — Что было с тобой?

— Со мной? — казалось, волка удивил мой вопрос. — Со мной все было кончено.

Его слова резанули сердце. Но он не заметил. Продолжил:

— Утратив свою силу, я не мог стоять на страже Заповедных земель. Не мог вразумить сородичей и даже убедить их не затевать грызню между собой в то время, когда наш главный и единственный враг не дремлет. Потеряв волка, я потерял все.

— Ты ушел, — прошептала я. — Из стаи?

Зверь кивнул.

— Будучи всего лишь человеком, я не мог оставаться среди своих. Обычно, когда убиваешь волка, погибает и человек. Но я, проклятье Луны, я оказался слишком силен и выжил. Хоть и не хотел этого. Я долго скитался в лесах, но меня выследили церковники.

Он замолчал, а у меня сердце сдавило, когда только попыталась представить, каким пыткам аббаты подвергли его, когда выследили. Своего главного врага, который утратил силу.

— Они ушли, думая, что добились меня, — сказал Зверь, защитив меня от подробностей, и, слыша это, захотелось не то что заплакать — прямо завывать в голос!

Но следующая фраза Зверя послужила ушатом холодной воды.

— А кто такой Андре? — спросил он.

Какое-то время я хлопала ресницами, пытаюсь прийти в себя. Впервые я вспомнила о потерянном женихе без... жалости к себе, что ли. Я казалась себе такой несчастной, когда думала, что злая судьба лишила меня любимого. Но, услышав историю Зверя, устыдилась собственных мыслей. Он тоже утратил возлюбленную. Но если у меня осталась светлая память об Андре, то у него не осталось даже этого. И неважно, что Альбина жива, а Андре...

— Андре, — задумчиво проговорила я, не зная, с чего начать.

— Ты повторяла его имя в бреду, — сказал Зверь.

Я закусила губу, а потом просто сказала:

— У меня был жених. Он погиб. Когда на нас напали волки, чтобы... отбить меня.

Зверь нахмурился. Казалось, он крепко призадумался над моими словами. Но у меня было что сказать ему.

— Я не все рассказала тебе. Я узнала ее голос. Это она передала мне заклинание невидимости. И карту, которая привела меня к тем...

Язык не поворачивался назвать тех оборотней священниками.

И Зверь зарычал. Я думала, что уже привыкла к чрезмерному выражению эмоций свободным народом. Но сейчас отшатнулась, зажмурилась — таким страшным, леденящим душу было это рычание. Я неловко взмахнула рукой и бокал с вином, к которому я так и не притронулась, жалобно звякнул, разлетаясь на осколки. Мозаичная плитка пола окрасилась багровым.

— Эя, — раздалось совсем рядом, и я обернулась.

Оказалось, что Зверь успел встать из-за стола и каким-то образом преодолеть расстояние в несколько шагов, что разделяло нас.

— Эя, — хрипло проговорил он, и я зажмурилась, больше по привычке, чем от страха.

— Я напугал тебя, — сказал Зверь. Он не спрашивал. Утверждал.

Я помотала головой, и на лице волка проступило облегчение.

— Я не хотел пугать тебя, — сказал он, и от этого внутри каким-то странным и приятным образом потеплело.

— Я понимаю, — пролепетала я.

Твердые пальцы взяли меня за подбородок, поднимая лицо. Фиар склонился надо мной. Так низко, что я затаила дыхание, а еще побоялась, что сердце вот-вот проломит грудную клетку и выскочит из груди.

— Волк никогда не поднимет руку на самку, — сказал Зверь. Я сглотнула. — Я мог бы простить ей то, что чуть не убила меня. Пусть и не простить, но это было давно, и я успел забыть об этом. Но она чуть было не лишила меня тебя, Лирей. За это...

Не говоря больше ни слова, Зверь склонился еще ниже и прижался губами к моим губам.

Это произошло так внезапно, что я поначалу даже не поняла, что произошло. А когда поняла, отказалась верить в происходящее.

А когда поверила и, задыхаясь, открыла глаза, Фиар покидал обеденный зал.

За ним захлопнулась дверь, и я осталась одна.

Положив руку на грудь, какое-то время приходила в себя.

А потом коснулась губ. На них еще горел поцелуй волка. И вместе с тем произошедшее было слишком невероятным, чтобы поверить.

Глава 8

Зверь покинул замок тем же вечером.

Джейси и Эльза, которые помогали мне подготовиться ко сну, то есть по большей части щебетали, теребили, расспрашивали, так и не добились от меня никакого толка.

Утром, едва проснувшись, я сжала пальцы на риолине и вздрогнула от непривычного холода камня. Я поняла, что слишком привыкла к его теплу. Особенно за время, что провела в постели после второй попытки побега, а Фиар был рядом. Не всегда зримо. Насколько я успела узнать хозяина замка, он не хотел, чтобы я его боялась. Но все же, судя по теплу камня, Фиар не отходил от меня ни на шаг. И риолин, драгоценный магический камень, прозрачный, как слеза младенца, с гербом моего дома внутри, тот самый риолин, который, по словам Велеса, хранит магическую силу моего рода, грел. Согревал мое сердце. Отогревал его после горечи утраты, и вместе с ним отогревалась моя душа. И я начинала чувствовать.

После того как своими глазами увидела смерть жениха, чувства словно покинули меня. Осталась только боль. Безысходность. Страх. Странное оцепенение и безразличие ко всему. Остались инстинкты, и они понуждали меня выживать и защищать свою честь. Ими я руководствовалась, когда сбегала. И первый, и второй раз. Но жила я, ничего не чувствуя.

А тут, как-то неожиданно для меня, чувства вернулись. Ощущения...

Мир наполнился красками, звуками, запахами.

Можно было списать это на то, что, мол, время лечит.

Но если бы кто-то сказал мне об этом, боюсь, рассмеялась бы ему в лицо.

Я точно знала, что меня излечило не время.

Кое-что другое.

Защита. Безопасность. Забота. Почтение, с каким обращались со мной его люди, то есть волки. Это стало как-то неважно. А еще... Вступая в противоборство с церковниками, он показал, что готов умереть за меня.

И это было внове.

А еще тот поцелуй. Короткий. Словно приснившийся. Нежный. Я не знала, что Зверь может быть способен на такую нежность.

Но сразу после поцелуя он исчез. А я осталась. И начала чувствовать.

И первое чувство, которое ко мне пришло, — страх. На этот раз не за себя. За него.

Представляя, что он где-то там... Преследует Альбину, чтобы вывести ее на чистую воду, а может, даже убить. Стоило мне вспомнить, как он зарычал, когда сказала ему, что именно Альбина помогла мне бежать и завела в ловушку к церковникам, где он нашел меня, распластанную на земле, избитую, почти обесчещенную... Стоило вспомнить, какой яростью, какой ненавистью загорелись его глаза, становилось понятно — убьет. За меня — убьет!

Если бы не Эльза и не Джейси, которые всегда были рядом. Если бы не Адела, не старый волк-садовник Скиф, я бы с ума сошла от беспокойства.

Стоило вспомнить его рассказ об этой Альбине... Волосы шевелиться начинали. В голову лезли самые страшные картинки. Я помнила, что один раз ей уже удалось обмануть его. И почти удалось убить. Кто даст гарантию, что в этот раз не удастся?

— А может, это с самого начала был ее план? — повторяла я, а про себя думала: или план Церкви. Ведь Альбина — всего лишь исполняет поручения церковников, по крайней мере, она так говорила, говорила, что ее заставили. — Может, в этом и заключалась новая ловушка: выманить его из замка, чтобы... чтобы...

Я была не в силах договорить.

Эльза и Джейси хмурили лбы, и глаза у обеих волчиц были на мокром месте.

Адела, которая была более сдержанна, молчала, так плотно сжимая губы, что они превращались в одну линию.

Мы сидели в беседке, обессиленные после работы в саду. Мой энтузиазм и познания в садоводстве воодушевили всех. Скиф не мог нарадоваться на новые аккуратные клумбы, на деревца, которые теперь приживались, на кустарник, который после того, как я показала, как правильно подстригать, стал зеленее и гуще.

Общее дело сблизило нас. А общее беспокойство почти сделало семьей.

— Ты преувеличиваешь, Эя, — хлюпнув носом, сказала Джейси.

— Ага, — поддержала кузину Эльза. — Теперь, когда наш альфа стал прежним...

— И еще более осторожным!

— Да! И более осторожным! А еще — сильным...

— Он эту мерзавку и близко к себе не подпустит.

— Главное, чтобы не подпустил церковников, — сказала я, и волчицы тревожно переглянулись.

Должно быть, чтобы отвлечь нас, Адела стала рассказывать, как те члены стаи, которые не приняли нового вожака и не захотели присоединяться ни к одной из образовавшихся после раскола стай, ушли вслед за альфой в этот замок.

— Он закончил рассказ на том, что церковники чуть не убили его, — вспомнила я. — А что было потом?

Волчицы переглянулись. Видно было, что и Джейси, и Эльзу буквально распирает, так хочется рассказать мне о том, что было дальше. Но Адела посмотрела на них строго и процедила:

— Ты узнаешь это от вожака.

И таким тоном это сказала, что у меня сомнений не осталось: ни от одного волка в замке я правды не добьюсь. Только от хозяина. От Зверя.

Я вздохнула.

А еще подумала, это хорошо, что Адела прекратила говорить мне вы и к месту и не к месту приседать в книксене. Ко мне больше не обращались «госпожа», чаще называли по имени, но было в этом что-то такое, отчего я понимала: это настоящее уважение. Не навязанное, не фальшивое, а какое-то правильное. Это было выше моего понимания, но почему-то после двух попыток побега меня приняли за свою. А может... дело было во вновь вернувшихся чувствах? Хотя нет, вряд ли. Ну чувства и чувства. При чем тут они вообще...

— А все же хорошо, что объявилась эта гадина Альбина, — мечтательно сказала Эльза.

Мы втроем посмотрели на волчицу, как на умалишенную. А Адела даже принялась с сосредоточенным видом и пощупала племяннице лоб.

— Лихорадки нет, — недоуменно сказала она.

Эльза хихикнула.

— Что ты такое говоришь? — возмутилась Джейси, но Эльза только отмахнулась от кузины.

— Если бы всего этого не случилось, Лирей бы не поняла, что любит альфу, — сказала Эльза.

После чего они с Джейси захихикали, и даже Адела хмыкнула, скрывая усмешку.

А я только и могла, что открывать и закрывать рот.

— Что? — пролепетала я, когда дар речи наконец вернулся ко мне. — Что ты такое говоришь?

— А что такого? — пожала плечами Эльза. — Наш альфа самый сильный волк во всех Заповедных землях.

— А еще умный и красивый, — подтвердила Джейси. — Хоть для нас, волков, это не так важно, как для людей.

— Но ты человек, — тут же вставила Эльза.

— Тем более, — согласилась с кузиной Джейси.

— Нашего вожака нельзя не полюбить.

У меня щеки заалели как маков цвет, и волчицы, увидев это, снова захихикали.

— Отстаньте от нее! — заступилась за меня Адела. — Волчицы, а ведете себя как вороны!

Я благодарно кивнула ей. Чтобы перевести тему (весьма щекотливую!) беседы, я спросила Аделу:

— Трудно было начать жить так, как живут люди?

— О чем ты? — не сразу поняла она.

— Я была на территории Лирой стаи, — пояснила я. — Видела, как там живут. Встречалась с тилатинами, красными, элсмирцами и другими кланами, то есть стаями. Видела дома на деревьях. Даже ночевала в них! Хоть для меня это все было внове, и я шугалась от каждого куста, не говоря уже о ваших самцах, — тут девушки опять захихикали, а Адела сжала губы, чтобы не последовать их примеру, — все же помню, как там... необычно, — подобрала я нужное слово. — Свободно! Да, пожалуй, свободно! Не зря вы так себя называете. Каждый ваш закон, каждая традиция... сначала я не понимала этого, но сейчас вижу: понятия жизни и свободы для вас, волков, неразделимы.

Адела кивнула. Видно было, что ей понравились мои слова.

— Но вы последовали за своим вожаком, — напредила я тихим голосом. — Сюда, в замок. И стали жить, как обычные люди. Я же вижу, вы старались. Вели хозяйство почти как люди и даже пробовали ухаживать за садом. И многого добились. Но после того, что видела в Заповедных землях... Луна! Ведь даже когда для священных боев собирались немногие, очень немногие жили в шатрах. В основном все предпочитали звериную ипостась, особенно по ночам.

— Мы не прекратили оборачиваться, — уклончиво ответила Адела.

Я улыбнулась. Так просто меня с толку не собьешь.

— Ты поняла, о чем я.

Адела скупо усмехнулась и вздохнула.

— Ты наблюдательна, Эя, — сказала она. А потом взяла меня за руку и улыбнулась: — Это хорошо. Ты в самом деле нужна нам. Очень нужна.

Прежде чем я успела что-то ответить, Адела продолжила:

— Нам и вправду приходилось нелегко, особенно поначалу. Девчонкам, — она кивнула головой в сторону кузин, — сейчас проще. Они могут учиться у нас, как, что, почему. Нам учиться было не у кого. И вместе с этим мы не могли по-другому.

— Потому что... — начала я.

— Да, — просто ответила Адела, которая прекрасно поняла мой вопрос. — Потому что он наш альфа. Потому что он наш вожак. И неважно, что мы все думали, что он утратил волка. От этого он не перестал быть нашим вожаком. Потому что нет зверя преданней, чем волк.

У меня дыхание перехватило от такого бесхитростного признания.

Я впервые подумала о Звере, как о том, кто вызывает в своих людях такую преданность... И пусть большая часть черной стаи разбредась, примкнула к остальным, ее костяк, как я поняла, остался с вожаком. Невзирая на то, что тот утратил силу.

— Он говорил, что ушел из стаи, — тихо сказала я.

— Мама рассказывала, как трудно было найти альфу, — с готовностью подхватила разговор Джейси.

Адела тут же рыкнула на нее, обнажив чуть заострившиеся клыки.

— Это он расскажет сам. Его право.

Джейси потупилась, кивая, что согласна с матерью.

А у меня вдруг зашипало глаза.

— Эя, что с тобой? — тут же спросила Эльза.

Я перевела дыхание, успокаиваясь, и проговорила:

— Вы знаете... Я никогда не была слишком религиозной. Даже дома посещала часовню не так часто. Просто... Наверно, небольшой грех, если сознаюсь вам. У нас ведь разные боги. Просто там я ничего не чувствовала. Вообще ничего. Вроде красиво, интересно даже, все эти книги, с картинками особенно. — О том, что картинки изображали в основном двенадцать святых праведниц, расправляющихся с волками, я благоразумно умолчала. — Но при этом отклика не было. Как будто это все не по-настоящему.

— И что? — не выдержала Эльза.

Адела тут же шикнула на нее и попросила меня продолжать. Она слушала очень внимательно.

— А здесь, среди вас, все по-другому, — призналась я. — Вы живете своими законами, своей верой... В альфу, в свободу... Ваши боги живые, я знаю, я встречалась с Велесом, когда получала посвящение. И почему-то среди вас мне впервые захотелось помолиться, воззвать к милости богов.

Чтобы он вернулся скорее. Живым.

Этого я не сказала. Но, должно быть, подумала как-то слишком громко. Потому что Адела серьезно кивнула, а затем обменялась с девушками понимающими взглядами.

— Ты хочешь попросить милости Луны, — сказала она.

— Луны? — переспросила я, и волчица кивнула.

— Луна — наша защитница, наша покровительница. Свободный народ — лунный народ. Когда восходит Луна, наши звери особенно сильны. Она манит, будоражит нашу кровь. Быть волком — значит быть немного одержимым Луной. И она платит нам взаимностью. Всегда, Эя.

Я закусила губу, стараясь не пропустить ни слова.

— Если ты попросишь Луну, она поможет тебе, — сказала Адела.

— А... а разве у меня получится? — спросила я. — Разве Луна услышит меня?

— Мы поможем тебе, — серьезно сказала волчица.

— Мы все, вместе, — подтвердили в один голос Джейси и Эльза.
— Мы будем с тобой. И Луна услышит.

* * *

Этой ночью я покинула замок.

Простоволосая, в одной лишь холщовой рубаше на голое тело. Правда, от обуви отказаться не смогла, а еще куталась в шерстяную шаль.

Вместе с несколькими волчицами мы вышли в сад, где нас ждали другие волки.

Наверное, я никогда не забуду, как бежала по лесу вместе с волками, как Луна серебрила деревья, цветы, траву.

Вокруг чертили светящиеся дуги светлячки, мотыльки со светящимися крыльями порхали так низко над головой, что было видно, как с их крылышек осыпается пыльца.

Волков много. Очень много. Я и не знала, что в замке и его окрестностях их столько. Всех я не видела. Но тех, с кем знакома, с легкостью отличаю от остальных.

Впереди несется черная волчица. Адела. Сильная, гибкая, с мощными лапами, острыми, настороженными ушами. Адела оборачивается и смотрит на меня одобрительно. Ее глаза горят красным пламенем. Рядом бегут две молодые волчицы. Видно, что они совсем юные, только-только миновали стадию подростковой несуразности и обрели грацию и привлекательность, о которой, похоже, сами еще не подозревают.

Вон бежит Скиф. Старый, матерый волк. Почти полностью седой, с посеребренной Луной шерстью. Но ни у кого язык бы не повернулся назвать его дряхлым. В старом волке чувствуются сила и скрытая мощь.

В ипостаси волков Джейси и Эльза мало отличаются от девушек, с кем познакомилась и успела подружиться при свете дня. На мордах — шkodливое и хитрющее выражение. Им нравится нестись куда-то по лесу, все равно куда. Нравится слышать уханье ночных птиц, слышать запахи сырой земли, прелой травы... добычи? Нравится время от

времени задирают морды и коротко выть на Луну. Они наслаждаются этой ночью, как и остальные.

Я не знаю, откуда у меня берутся силы бежать. Когда, думая, что спасаюсь, неслась по лесу одна, бежала в изнеможении. Сейчас, в окружении черной стаи, чувствую себя такой же, как они.

Сильной. Стремительной.

Свободной.

Я и подумать не могла, что так хорошо вижу в темноте. Что различаю малейшие звуки. Слышу, как осыпаются песчинки с моих подошв.

Ветер ласкает лицо, треплет волосы. И я чувствую... Чувствую тысячи поцелуев, которые дарили мне когда-то в детстве родители. Чувствую свои разбитые коленки и заботливые мамины пальцы, которые накладывали охлаждающие повязки. Чувствую поцелуй Зверя, запечатленный на моих губах.

Время от времени, как и остальные, я задираю лицо к Луне. Хочется завывать на нее, громко, пронзительно, так, чтобы наверняка услышала. Вместо этого мысленно прошу ее быть милостивой к моим мольбам.

Церковь учила покорности. Поклонению. Раболепию.

Сейчас я учусь Свободе.

Тому, что всегда было со мной и всегда останется моей истинной природой.

Тому, к чему нельзя прикоснуться. И тому, чего нельзя отнять.

Наконец бешеная гонка утихает.

Мы останавливаемся на поляне, на которой помещаются все волки.

Я замираю посредине и с удивлением понимаю, что даже не запыхалась. Стопы горят от длительного бега, изо рта вырываются клубы пара. И вместе с тем тело непривычно гудит, словно поет, зовет бежать дальше! Еще и еще!

Меня окружают волки. Черные. Огромные. С горящими глазами. С вываленными красными языками. От них веет силой, мощью и свободой. Каким-то диким, животным величием. Благородством. Я впервые, находясь среди них, не чувствую страха. Я дома. В своей стае.

Все вместе волки задирают морды к Луне.

А затем раздается вой.

Хриплый. Протяжный. Пронзительный. Неистовый. Одержимый.

Замолкают птицы. Листва. Шорохи. Исчезают все звуки. Остается только вой. Он оглушает настолько, что мне кажется, вокруг воцарилась тишина и слышно, как звенит пространство. А потом, в этом пространстве, начинаю слушать единый ритм. Единую песню. Призыв к Луне.

Я поднимаю руки к небесному светилу.

Сегодня оно манит меня особенной магией.

Истинной магией леса. Природы. Свободы.

Риолин на груди вздрагивает, словно живой. Словно и он хочет освободиться этой ночью, сорваться с цепочки.

А я взываю к Луне.

— Помоги! — прошу ее. — Не оставь его наедине с врагами. Он так любит тебя! Они все тебя любят! Они — твои дети! И он — твое дитя. Ты ведь не оставишь его, верно? Какая мать оставляет детей без присмотра?

Песнь свободного народа льется, растекается по лесу. Кажется, ее слышит каждое дерево. Каждая травинка.

Но нам надо, чтобы ее услышала Луна. Мне надо.

— Верни его, — прошу я Луну. — Невредимого. Живого. Он нужен им. Нужен своему народу. Нужен всем нам. Мне. Очень нужен.

Как только последние слова сорвались с губ, в воздухе послышался едва различимый звон. Он становится все более слышимым, отчетливым, осязаемым.

Волки замолкают.

Я растерянно обвожу их взглядом.

И читаю в горящих глазах: Луна услышала.

* * *

Мы вернулись в замок, когда над макушками деревьев, между двумя исполинскими горами, забрезжила полоска рассвета. Я где-то потеряла шерстяную шаль, но не вспомнила о ней до самой опочивальни. Просто когда откинула одеяло и юркнула в постель, подумала, что забыла вернуть ее в гардеробную. А когда поняла, что

оставила шаль где-то в лесу, скорее всего, на той самой поляне, где взывала к Луне, пришло и осознание, что проделала обратный путь в замок без нее и ничуть не замерзла.

Я осторожно сжала пальцами риолин и прислушалась: не стал ли камень теплее? И с сожалением ответила себе: нет. Магический камень не был больше ледяным, не покрывался изморозью, как в присутствии церковников, но все же оставался прохладным. Словно был обычным камнем.

И вместе с тем мне было тепло. Я жила. Дышала. И казалось, ничуть не устала за эту ночь.

Правда, это только казалось.

Я проспала как убитая остаток ночи, утро и полдня.

Когда открыла глаза и, потянувшись, подошла к окну, оказалось, что солнце стоит в самом зените.

Быстро ополоснувшись в купальне, я облачилась в сорочку, накинула сверху простое и в то же время очаровательное платье из зеленого вельвета, отделанное тафтой и украшенное серебряной нитью. Волосы собрала в низкий пучок, выпустив пару локонов у лица.

Джейси с Эльзой уже были на кухне. Об этом я узнала по гневным воплям кухарки, старой (хотя к ней такое определение никак не подходит, как и к остальным волчицам) и дородной волчицы Барсы, с которой мы успели познакомиться, еще когда я валялась в постели после лихорадки.

Я так поняла, что в отсутствие хозяина замка распорядок дня у его обитателей немного, но все же меняется. То есть никто не отлынивал от своих обязанностей, просто все чувствовали себя как-то свободней, что ли. Не надо было предугадывать каждое желание вожака, хотя, как призналась мне Барса за чашкой отвара и булочками, уж кто-кто столь непритязателен ко всей этой мишуре, так это альфа.

Когда в замке появилась я, его обитатели спешно попытались перестроиться на человеческий лад, и круговорот мишуры закрутился вокруг новой госпожи. С тем, что я стала госпожой стаи, я категорически была не согласна хотя бы потому, что отказывалась признавать законы волков. По крайней мере, те, что связаны со всякими священными поединками. Как не согласна была и с тем, что ради меня одной пытались сервировать стол, производить смену блюд.

Куда веселее оказалось завтракать (а также обедать и ужинать) на кухне, вместе со всеми.

Вот и сегодня после бессонной ночи, проведенной наедине с лесом и Луной, мы все словно стали еще ближе, почти родными. Нас связала Луна. И ожидание возвращения Зверя.

Все утро, пока завтракали, работали в саду и пили терпкий бодрящий отвар в беседке (все же я время от времени зевала с непривычки), мы ни словом не упоминали о Звере.

И при этом ожидание стало таким... почти болезненным.

— А? Что? — невпопад переспросила я Эльзу, когда та спросила меня о чем-то.

Юные волчицы по своему обыкновению захихикали, а Адела, как обычно, шикнула на них.

Я притворно вздохнула и кивком поблагодарила Аделу.

— Ты скоро получишь ответы на свои вопросы, Лирей, — сказала она. — В этом я уверена.

Я захлопала ресницами.

Волчица же говорила, что на те вопросы, что меня интересуют, может ответить только Фиар. А его нет...

В ответ на мой вопросительный взгляд волчица кивнула и как-то хитро улыбнулась.

К моему вящему недоумению, юные волчицы тоже разулыбались и обменялись многозначительными взглядами.

Наконец Эльза прыснула, а Джейси пробормотала:

— Все-таки в нашем слухе и обонянии есть свои преимущества.

— Что? Что вы пытаетесь мне сказать? — почти разозлилась я.

— Не нервничай, Эя, — миролюбиво сказала Адела. — Все ответы на свои вопросы ты скоро получишь. От него самого.

Я вскочила и оглянулась. Ажурная решетка беседки скрывает обзор. Чертыхнувшись, под сдавленное хихиканье волчиц я выскочила из беседки, совершенно не думая, как глупо, должно быть, выгляжу.

Оглядываясь по сторонам чуть ли не с открытым ртом и выпученными глазами, я поняла, что изо всех сил пытаюсь принюхаться. Я снова чертыхнулась, подумав, что общение с волками здорово сбilo с кого-то остатки воспитания (если они еще оставались после турне по Заповедным землям).

А потом кусты в дальней части сада дрогнули.

И я увидела его.

И в этот момент мир мог лететь в Пекельное царство, пространство могло расколоться на тысячу осколков, все на свете могло исчезнуть: запахи, звуки, краски... Все и так исчезло. Лишь на миг. Чтобы вернуться с удесятеренной силой!

Луна вернула его.

Целым. Невредимым.

Остальное было неважно.

Он замер, впившись в меня взглядом. Он оставался неподвижен. Лицо — само бесстрашие. Поза — сама стать. Но глаза... Его взгляд говорил о многом. Об очень многом.

Я перевела дыхание и ощутила, как щеки пылают так, словно к ним приложили угли. Только сейчас до меня стало доходить, какой я, должно быть, выгляжу. Невоспитанной, несдержанной... Выскочила из беседки в его ожидании, как самая последняя прачка... К тому же... Луна!

Так выдать себя, так опростоволоситься... Ведь я и в самом деле его ждала!

Луна! Как же стыдно!

Глава 9

Я не знаю, как дожила до вечера.

Когда он подошел ко мне, там, в саду... Луна! Я чуть было не потеряла сознание и не осела ему на руки, как какая-то изнеженная кокетка. Хорошо, что Джейси и Эльза были рядом. Ради разнообразия они решили сделать вид, что не слышат шиканья Аделы, а может, что не понимают его.

Девушки так бойко тархтели, приветствуя «живого и невредимого альфу», что отвлекли его внимание, а мне удалось отложить обморок на потом. К тому же Адела и сама недолго отсиживалась в беседке, шипя, как змея. Не выдержала. Да и как тут выдержать, когда твой практически сын возвращается живым и невредимым, когда ты уже отчаялась ждать?

Объяснимо, что после столь длительного отсутствия у Фиара было много дел. В замке, и не только.

Об этом он сообщил, склонившись над моей рукой в поцелуе, и пригласил сегодня вечером поужинать с ним.

И неважно, что его одежда была изорвана, треснула по швам — это значит, он принимал полуформу. Но меня несколько умилил тот факт, что она вообще на нем была. Ведь явно оборачивался в зверя, когда бежал по следу. Так удобней и практичней. Вот только... Обратно переоделся явно для меня. Потому что остальных в замке он вряд ли бы шокировал, предстань перед ними нагишом. Даже перед Джейси с Эльзой. У свободного народа совсем иные представления о приличиях (но они у них, несомненно, есть).

Когда там, в саду, он готов был развернуться и уйти, я наконец обрела дар речи.

— Альбина, — проговорила я одними губами, не в силах поднять на него глаза.

Зверь услышал.

— Она больше не вернется сюда, — ответил он, после чего удалился.

Во время ужина я едва ли ощутила вкус блюд, хотя Барса, конечно, постаралась на славу. Зверь ел сосредоточенно... и много. Я

украдкой бросала на него взгляды, отмечая, как он осунулся за эти несколько дней. Застав себя за тем, что разглядывала Фиара совсем уж неприкрыто, я покраснела. А когда он перехватил мой взгляд, покраснела еще больше.

Фиар ничего не сказал мне. Но уголок его рта дрогнул, словно он хотел улыбнуться, но передумал.

Я перевела дыхание и поправила салфетку на коленях.

Ужин наконец закончился, и я встала, чувствуя, как подкашиваются колени от близости Зверя, который отодвинул мне стул. Я вышла из-за стола и замерла, понимая, что этикет предписывает поблагодарить хозяина замка за ужин. В то время как мне хотелось благодарить Луну за то, что он здесь, он жив. Что снова в своем замке. Со своими людьми. Со мной... Последняя мысль заставила прихлынуть к щекам новую волну жара.

— Спасибо за ужин, — пролепетала я, приседая в книксене. — Это был длинный день. До завтра.

Твердые пальцы взяли меня за подбородок. Я застыла в полупоклоне, отчаянно краснея. Отчего-то показалось, что сейчас он склонится к моим губам и запечатлеет на них поцелуй. Но его большой палец едва коснулся моей нижней губы. После чего Зверь убрал руку. Когда я поднялась из книксена, волк склонился передо мной в изящном поклоне.

— Это я должен благодарить вас, леди Лирей, что составили мне компанию за ужином. Он был прекрасен.

— Д-да, — пролепетала я.

По интонациям Фиара я поняла, что он улыбается. Зверь улыбается! Впервые за все время, что мы знакомы! В своих видениях я видела, что он улыбался моему отцу... давно. Очень давно. Меня тогда еще не было на свете!

— Ты очаровательна, когда краснеешь, Эя, — тихо сказал Фиар. — И еще более очаровательна в своем любопытстве.

Я закусила губу и, хоть не осмеливалась поднять взгляд на альфу, ощутила, что он улыбается снова.

— Хочешь узнать, как все прошло? — тихо спросил Зверь.

Я помотала головой, зажмуриваясь.

Зверь кивнул.

— Тогда что?

Я сглотнула и решилась.

— Ты не дорассказал, — пролепетала я. — В прошлый раз. Что тогда случилось с тобой? Когда они ушли? Церковники, которые думали, что добились тебя...

Когда в затянувшейся паузе я осмелилась поднять глаза на волка, он выглядел задумчивым и сосредоточенным. Я уже хотела извиниться за неуместное любопытство и вообще за излишнюю навязчивость, когда он кивнул своим мыслям.

— Время пришло, Эя, — тихо сказал он. — Нам действительно есть о чем поговорить.

Через несколько минут мы были в его кабинете.

Я сидела в глубоком кресле перед камином, Зверь расположился в таком же. Прежде чем сесть, он водрузил на низкий столик между нами резную шкатулку из черного дерева.

Я упорно смотрела на огонь и старалась не думать, что последний раз, когда была здесь, прямо на этом месте на коленях стояла Альбина и просила, чтобы Фиар принял ее. Вспоминать о том, как она прикасалась к Зверю, было неприятно, и поэтому я попыталась отвлечься, в связи с чем начала изучать взглядом содержимое книжных шкафов.

«История Смутного времени», «Алхимия» в двенадцати томах, запрещенная в королевстве «Магия стихий», «Опыты над материей и пространством», «Магия потоков», «Магия иллюзий»... Стоило признать, это был кабинет мага... но откуда здесь все это?

Словно услышав мои мысли, Зверь произнес:

— Это кабинет твоего отца, Эя.

— Что? — я даже поперхнулась от замешательства, и Фиар заботливо протянул салфетку, а потом, хмуря брови, терпеливо ожидал, пока приду в себя.

— Как? — только и смогла я вымолвить, откашлявшись.

— Как и этот замок. По закону наследования он принадлежит тебе и входит в твое приданое, которое определил сам Анжу.

Я могла только хлопать ресницами.

— Этот замок принадлежал еще твоему далекому предку, прапрапрадеду по отцовской линии. Он был сильным носителем, как говорят в свободном народе, или магом-стихийником, как принято

говорить у людей. Несколько поколений твоих предков, Лирей, выросли в этом замке.

— Но как? — ко мне наконец вернулся дар речи. — Как это вообще возможно? Мы ведь на окраине Заповедных земель. Земель оборотней, проклятье Луны! Люди не селятся здесь...

— Уже нет, — подтвердил Фиар. — Но раньше селились.

— Давно? — прошептала я, и Зверь кивнул.

— Когда-то союз свободного народа и магов-стихийников был самым прочным. И мы, и они стояли на страже природы. Нашей общей матери. На страже истинной магии, которую сама природа дарует своим детям через четыре стихии. Только самым достойным даруется дар управлять стихиями. Самым сильным и благородным. Тем, кто достоин стоять на страже своей матери. Защищать ее. Беречь.

«От кого?» — хотела было спросить я, но не успела. Волк продолжал:

— Маги-стихийники были изначальными хранителями истинной магии. В современном понимании их бы даже не причислили к магам. Они просто хранили истинную магию, оберегали ее, практически не используя для себя, для своего блага.

Зачем им было это делать? Все, что нужно, мать давала своим детям. Силу. Благородство. Знание. Дети Луны и дети стихий жили бок о бок. Охраняя друг друга. Свободный народ был для магов-стихийников воплощением величия нашей общей матери-природы. Умение оборачиваться, звериная ипостась, полуформа — все это полагалось чудом.

Я слушала, затаив дыхание. Все, о чем говорил Зверь, не просто порицалось Церковью, но и приравнивалось к проискам дьявола.

— Мы ведь появились позже людей, — сказал Фиар. — Не намного, но все же... Стихийники называли наш народ благословенным. Мол, в нашей крови больше истинной, природной магии, чем у остальных созданий матери. Мы не маги и не умеем управлять стихиями, как первые люди, но само ее наличие в нашей крови делает нас сильными, ловкими, неуязвимыми... Почти.

— Сколько я общаюсь со свободным народом, столько думаю, что вы взяли лучшее — и от людей, и от... звериной ипостаси, — вырвалось у меня.

Волк замер. Казалось, он посмотрел на меня какими-то новыми глазами.

— Что? — не выдержала я, когда пауза затянулась. — Я сказала что-то не то?

— Ты представить не можешь, насколько *то* ты сейчас сказала! — выдохнул Зверь. — То есть почти слово в слово повторила слова своего отца. Моего брата. Мага-стихийника Анжу Альбето.

— Б-брата? — заикаясь, спросила я.

— Не по матери и не по отцу, — ответил волк. — Но по разуму и по крови. Он любил повторять, что эволюция — любимая игра матери-природы. И каждое новое создание совершенней предыдущего.

— Это о том, что свободный народ пришел позже людей?

— Позже первых людей, — подтвердил волк. — Для нас же маги-стихийники — люди, кто не имеет второй ипостаси, но зато умеет говорить на языке матери-природы, — были сродни божествам...

— А... — я замолчала, так и не начав говорить.

Зверь посмотрел на меня вопросительно.

— Я, — забормотала я, — сначала хотела спросить, куда делись маги-стихийники. А потом вспомнила, что в королевстве они объявлены вне закона. Мол, их магия — еще хуже, чем вторая ипостась. Почему-то считается, что оборотни не так опасны, как маги. Хоть волков больше... Но за магами охотятся с особым пристрастием. Виталина, моя старшая сестра, как-то сказала, что его величество чудом не лишил нас состояния и герцогства. Мол, в этом заслуга Андре, он ведь кузен королевы по материнской линии. Она сказала, что отец был магом, преступником... То есть отступником от Церкви, так принято говорить в королевстве. Я тогда не сдержалась, отхлестала Виталину по щекам. Фиар! — вырвалось у меня.

Зверь посмотрел вопросительно.

— Но они... Я имею в виду церковники, — при воспоминании о тех аббатах в шатре я содрогнулась. — Раз они отслеживают тебя или меня где-то неподалеку, они ведь могут проникнуть и сюда?

Волк покачал головой.

— Нет, Эя, — заверил он, и у меня вырвался выдох облегчения. — Сюда они проникнуть не могут. Ты забываешь, что этот замок, этот лес — наследие ветви сильнейших магов. До того, как герцоги Альбето переселились в королевство, тогда еще устанавливающего границы,

эта земля была оплотом стихийников, истинных магов. Сюда не проникнуть никому, кого не пригласят живущие здесь.

Я часто заморгала.

«Альбина!» — прозвучало в мыслях. «Альбина!» — было в моем взгляде. Отчего-то мысль о том, что Фиар мог ее позвать, причинила почти физическую боль.

Зверь понял.

— Я не звал ее, — тихо сказал он. — Но ты права. Я должен был сказать тебе. Сюда могут проникнуть те, с кем есть связь.

— Поэтому аббаты ожидали меня там, — вырвалось у меня.

— За пределами леса, — подтвердил Зверь.

Какое-то время мы молчали. Фиар бросил косой взгляд на шкатулку, что стояла между нами, а риолин на моей груди, и без того теплый от близости Зверя, шевельнулся. Я положила пальцы на камень, словно успокаивая его. И отчего-то захотелось открыть крышку шкатулки, заглянуть внутрь. Казалось, не зря Фиар поставил ее между нами.

Зверь проследил за моим взглядом, и в глазах его заплясали искорки, похожие на скрытую улыбку.

— Продолжим с того места, где закончили, Эя?

Я поерзала в кресле, устраиваясь поудобнее, чем снова вызвала скрытую полуулыбку Зверя.

— Мне нравится, что ты такая любопытная, Эя.

И вот кажется, он ничего такого не сказал... Но от интонаций, с какими это было произнесено, от его хриплого, вкрадчивого голоса, от его взгляда меня так и бросило в жар! А Зверь еще руку вытянул и накрыл ладонью мою кисть. И чуть пальцы сжал.

И таким жаром от него повеяло, а я... А мне почему-то подумалось, что если бы не сидела — упала бы. Точно. Потому что колени ни с того ни с сего какой-то странной слабостью налились, и дыхание перехватило, и... не знаю, что бы еще произошло, если бы он пальцы не отнял. И в то же время вот он убрал свою руку, а моей сразу как будто чего-то не хватает.

Я встряхнулась, словно щенок, что вылез из воды, и когда поняла, что действительно сделала это не таясь, а Зверь все это время пристально смотрел на меня, снова покраснелась как маков цвет.

А Зверь снова потаенную улыбку в уголках губ спрятал. И тут же стал серьезным, когда снова заговорил. Но сердце у меня долго еще колотилось.

— Меня, умирающего, истекающего кровью после пыток, лишённого звериной ипостаси, нашел маг-стихийник, Анжу Альбето. Твой отец, Лирей. Он же меня спас.

Я не успела спросить, что мой отец делал в Заповедных землях, как сейчас начинаю понимать, в резервации свободного народа. То, что их вытеснили со своих земель люди королевства, уже слышала от Фоссы, Виллы, Лил... Несложно было сейчас складывать два и два.

Словно услышав мои мысли, Фиар пояснил:

— Юный Анжу как раз узнал о своем даре. Даре магии стихий, который передавался в вашем роду из поколения в поколение. Независимо от численности потомства, дар передавался лишь одному ребенку. И когда Анжу узнал от своего отца, что унаследовал его, то ушел в Заповедные земли. Искать этот замок. Эту библиотеку, Лирей. Пробовать свои силы в магии. Как сама понимаешь, на территории королевства это было невозможно.

Я напряженно кивнула. Странно было слышать об отце... О том, какую жизнь он вел до моего появления на свет. Представила, каково было юноше, почти мальчику, узнать о том, что он носитель магии стихий... «проклятой магии» — так называла ее Церковь. Представила и содрогнулась.

Зверь между тем продолжал.

— Из небытия меня вывел голос юного мага, — нахмурившись, вспоминал Зверь. — Очнувшись, я сильно удивился, что жив. Просто над ухом раздавался чей-то голос. Постепенно возвращалась боль. Адская боль во всем теле. Но, возвращаясь, она постепенно отступала. Я думал, что умираю, что брежу. И лишь спустя какое-то время стал вслушиваться в слова, раздающиеся словно в моем сознании. «Мы объединим свою кровь и оба станем сильнее», — услышал я. Услышал и содрогнулся. Тот, кто сказал это, явно знал о пророчестве.

— О пророчестве, — повторили мои губы.

— Да, — кивнул Зверь. — Когда я проходил посвящение у Велеса, он сказал мне, что будет день, когда придет *кровь от крови чародея с кровью свободной*. И день, когда она вступит в союз с самым сильным

из благородных волков, будет первым днем освобождения истинной магии от темных сил...

Я слушала, затаив дыхание, опасаясь пропустить хотя бы слово.

— Тогда Анжу не знал о пророчестве. Но интуитивно сделал то, что позволило предположить: оно сбывается. Скоро закончится резня между церковниками и свободным народом, скоро мы сможем отбить Источник, вернуть в мир истинную магию, освободиться от проклятия и освободить наш мир от ложной богини.

— Источник? — одними губами переспросила я, но Фиар не услышал.

— Юный маг поделился с умирающим волком своей кровью. К тому времени, как он меня нашел, я потерял слишком много крови.

— Эволюционной крови, — вырвалось у меня. — Крови оборотня! То есть свободного... неважно!

— Ты умна, Лирей, — подтвердил Зверь и посмотрел на меня как-то слишком пристально. — Очень умна.

Я посмотрела на него умоляюще, и, снова усмехнувшись, на этот раз открыто, Фиар продолжил рассказ:

— Благодаря Альбине, которая вонзила оскверненный проклятой церковной магией кинжал мне в спину, я утратил ипостась волка.

— То есть твоя кровь оказалась заражена, — пробормотала я. — Произошло подавление эволюционной крови.

— Так сказал и твой отец, когда я пришел в себя, — подтвердил Зверь. — После того, как щедро поделился со мной своей кровью.

— И ты стал магом?

Зверь покачал головой.

— Это невозможно. Но благодаря церковникам я почти освободился от заклятия в моей крови, которое подавляло мою истинную природу. А благодаря Анжу по моим жилам потекла кровь человека. Новая кровь. Но все же не волка, а человека.

Я быстро пришел в себя. Твой отец не отходил от меня ни на шаг, ухаживая за мной, как за щенком. Пока я выздоравливал, он рассказал свою историю. Рассказал, что маг, что удалился в Заповедные земли в поисках замка и библиотеки своих предков, что встретил меня, умирающего, уловил воздействие церковной магии и не смог пройти мимо.

Я же рассказал ему свою историю. С ходу открыл тайну, что и есть тот самый Зверь, чье имя известно далеко за пределами Заповедных земель, что был вожаком и альфой Стаи Семи Лесов... Рассказал и об Альбине. Человеческой женщине, которая жила с моей стаей, вместе со всеми взывала к Луне, охотилась вместе со всеми, бывала в Священных землях. О том, что стая приняла ее за свою, все, кроме моего волка, и до поры до времени этому не было объяснения. А когда оно случилось, было поздно. Когда Альбина добралась до моего волка и, отравив кровь, лишила силы и звериной ипостаси, я удалился в леса. Я решил, что свободный народ не должен был видеть меня слабым. Да и я не вынес бы всеобщей жалости. Так я говорил... и лукавил. На самом деле мне казалось, что не вынесу, если кто-то, даже временно, займет мое место во главе стаи.

Зверь замолчал. Нахмурившись, посмотрел на огонь в камине с таким видом, что мое сердце сдавило от боли. За него. Столько было в этом взгляде... На его лице... Я крепко зажмурилась и поморгала, не желая оскорблять его воспоминания слезами. Он и так страдал, вспоминая обо всем и признаваясь в собственном тщеславии, в ложной гордости. Не хотелось добавлять ему страданий.

— Я был глупым щенком, — сказал наконец Зверь. — Мое решение... Это было глупо и неправильно. Проклятое самолюбие и самолюбование — вот до чего я дошел. Если бы я, наступив на горло собственным чувствам, остался в стае, я бы мог помочь своему преемнику ценными советами и не допустить раскола. А потом было поздно. Я узнал, что свободные перегрызлись между собой за право занять место на скале. Моя некогда единая стая, держащая под контролем все Заповедные земли, раскололась на семь стай, а от моего родного клана осталось одно название. Все это я рассказал твоему отцу.

Помолчав, волк продолжил:

— Твой отец сказал, что вернуть волка возможно, только как — он пока сам не знает. В любом случае, сказал он, восстановление займет много времени. Сколько — он не знал. Я помог ему разыскать замок его предков и удалился с ним сюда. Мне пришлось в буквальном смысле учиться жить заново. Больше двадцати лет я прожил как человек.

— Но как ты... — вырвалось у меня, и я потупилась.

Согласно видениям, которые послал мне Велес, Зверь ничуть не изменился. Точнее, изменился, но незначительно. Я видела их с отцом совсем уж молодыми людьми, почти юношами, и тогда папочка выглядел моложе. Тогда, когда отец, как я поняла, покидал Заповедные земли и возвращался в замок Ньюэйгрин. Спустя какое-то время, накануне смерти отца, я снова видела их вместе. И если эти годы отразились на герцоге Анжу Альбето, который скрывал свой дар даже от жены и детей, то Зверя они, казалось, не коснулись вовсе.

— Век свободных дольше века людей, — пояснил Зверь, который отлично меня понял. — Нашу продолжительность жизни можно сравнить, пожалуй, с продолжительностью жизни магов-стихийников, если бы их не истребила Церковь.

Слово «истребила» он выплюнул с такой ненавистью, что я рефлекторно впиалась пальцами в спинку кресла.

Заметив, что напугал меня, Зверь замолчал. А потом поднялся с кресла, отошел к столику в углу и, когда вернулся, поставил на наш столик два бокала: с вином — для меня, а для себя с водой. Я не успела сказать, что не очень хорошо переношу алкоголь. Пальцы сами обхватили ножку бокала, а в следующий миг я ощутила во рту терпкий, освежающий привкус. Приятное тепло разлилось по телу, я слегка обмякла в кресле, ощутив, что пальцы, которые до этого нервно барабанили по ручке, перестали дрожать. Заметил это и Зверь.

Кивнув, он продолжил рассказ:

— Преданные волки из моей стаи, те, кто не захотел присоединиться к другим или уйти в поисках новых лесов, чтобы создать собственные стаи, нашли меня в этом замке. Они остались с Анжу и со мной, признав мое превосходство. Если я утратил звериную ипостась, то они отказались от своей звериной природы добровольно. Некоторые даже дали обет, что обернутся только после того, как я верну своего зверя.

Я ошарашенно хлопала ресницами. Отпив из бокала, пробормотала:

— Вот это сила верности...

Зверь кивнул.

— И это для меня бесценно. Адела из таких. И Скиф. И Барса. И другие...

Фиар подбросил поленьев в камин и пошевелил угли. Пламя вспыхнуло с новой силой, обдав волной жара. Мне стало хорошо и спокойно. Я вновь пригубила вино, чувствуя, как согреваюсь и изнутри.

— Как видишь, моя история не такая и грустная, — сказал Зверь и улыбнулся уголком рта.

При этом он покосился на шкатулку между нами, и что-то мне подсказало, что к главному мы так и не подошли.

Я кивнула.

— Почему ты раньше не рассказывал мне?

Зверь посмотрел на меня так пристально, что я потупилась.

— Когда, Эя? — ответил вопросом на вопрос он. — Когда я должен был рассказать тебе? В Священных землях? Или когда ты попала в мой замок? Ты помнишь, как потеряла сознание от страха, увидев меня? Я знал о нашей связи, о том, что ты чувствуешь меня, — при этих словах у меня перехватило дыхание, но Фиар этого не заметил. — Знал, что ты, должно быть, видишь меня во сне и я пугаю тебя...

— О какой связи? — пробормотала я беспомощно, но Зверь остановил меня жестом, и я замолчала.

— Когда я должен был рассказать тебе? — продолжал Фиар. — Может, когда ты, захлебываясь слезами, рассказывала, сколько пришлось вытерпеть в Заповедных землях? Когда рассказывала, что потеряла жениха?

Я молчала. Ведь правда, Фиар не мог рассказать раньше...

— Мне тогда надо было сказать тебе, что ты принадлежишь мне? — тихо спросил он.

— Принадлежу?! — вырвалось у меня.

Зверь усмехнулся, словно его порадовала моя реакция.

Я смущенно опустила взгляд, а он сказал:

— Что ж, можешь считать, что это действует в обе стороны.

Я захлопала ресницами.

Фиар молчал. Явно выжидая моей реакции, моего ответа. И я сказала. То есть спросила.

— Зачем я тебе, Фиар? — вырвалось у меня.

Зверь осушил бокал с водой одним глотком и посмотрел на меня долгим взглядом.

Глава 10

— Ты моя, Лирей, — раздался его низкий, хриплый голос, от которого по коже забегали мурашки. — Моя по праву поединка.

В голове зашумело. Пальцы дрогнули. Я поставила недопитый бокал на столик. А потом подняла взгляд на альфу.

— Несмотря на то что мой отец стал тебе кровным братом, я не признаю ваши законы, — тихо, но твердо сказала я.

Зверь улыбнулся. Широко. Так, будто ему было что мне сказать. Точнее — было. Я кожей чувствовала, что было... А еще подумала, что ему очень идет улыбка.

— Ты не признаешь наши законы, Лирей, — назвал он меня полным именем. — Даже получив посвящение от Велеса?

Я зарделась. Упрек был справедливым. А смешинка, которая перебралась из уголков губ Фиара в его глаза... какой-то волнующей.

— Меня вынудили его получить, — тем не менее сказала я. — И — да, несмотря на это. Несмотря на то, что нахожусь в твоём замке. Ой, — я осеклась и невольно улыбнулась, — запуталась. Ведь это мой замок.

Улыбка Зверя сделалась открытой. Мальчишеской.

— Вообще-то, — сказал он хитро. — Сейчас этот замок принадлежит нам обоим. Эти земли Анжу включил в твоё приданое. Так что по человеческим законам он был бы моим... Но у свободного народа свои законы. У нас все общее. А ты сейчас — одна из нас.

Прежде чем я смогла заговорить, Зверь успел вновь наполнить наши бокалы. И я даже успела наполовину опустошить свой.

— Приданое, — пробормотала я, когда дар речи вернулся. — Как? Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что я твой муж, Эя, — сказал Зверь.

И пока я хлопала ресницами и хватала ртом воздух, добавил:

— Твой отец заключил брак от твоего имени. Родовой брак.

Я положила руку на грудь, поскольку показалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Родовой брак... Это то же... То же... что брак на крови. Своими корнями традиция заключения родového брака уходит в такую глубину веков... Для его заключения не требуется

согласия Церкви. Нужны лишь смешение крови двух домов и документ, подтверждающий это. Церковь не в восторге от подобного способа заключения браков, но так и не смогла запретить их. Возможно, потому, что родовой брак — это навсегда. В нем не предусматривается разводов... А имущество семей, заключающих такого рода брак, делится пополам... Некоторым аристократическим домам такой брак оказался более выгоден, чем тот, что скрепляет Церковь. Тем, кому невыгодно делить имущество. Тем, кто желал сохранить независимость дочерей. Надо сказать, влиятельным домам... Тем, кто смог хотя бы косвенно противостоять церковникам...

Я так и не смогла произнести ни слова.

Зверь взял шкатулку со стола и, открыв ее ключом, который висел на цепочке на шее, протянул мне.

Дрожащими руками я развернула верхний свиток.

Им оказалось Свидетельство о заключении родowego брака.

Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы избавить меня от последних сомнений. Бесспорно, это был почерк отца.

И его подпись. Кровью.

Что-то черное сдавило мое сердце. Какая-то ледяная лапа, которая показалась странно и страшно знакомой. Сглотнув, я прислушалась к своим ощущениям, закрыла глаза...

И на миг перенеслась на годы назад, в лес, в окрестностях замка в Ньюэйгрине. Увидела, как отец передает свиток Зверю. Тот едва успевает спрятать его за пазухой. А потом их обоих поглощает Тьма! Ужас! Что-то настолько ужасное, что у меня остановилось сердце! Что-то, от чего невозможно убежать, невозможно скрыться!! Что-то... Или кто-то... хуже кого нет никого в целом мире! В тысяче миров!

И среди этого всего я различаю крик! Знакомый... очень родной голос! Отец кричит... Но я с трудом различаю его слова... Тьма оглушает...

— Эя! Ты теперь отвечаешь за ее жизнь! Ты должен спасти ее! Спасти мою Лирей...

Крик оборвался.

А я полетела в пропасть.

Летела, переворачивалась в воздухе.

И кричала.

Захлебывалась от собственного крика...

А потом что-то принялось трясти меня.

Словно меня поймали во время этого падения в пропасть. Поймали и держали. Крепко. Откуда-то я знала, что из этих объятий меня не выпустят. Никогда.

Чей-то истошный крик почти оглушил. Через секунду узнала свой собственный голос.

— Эя! — раздалось прямо над ухом. — Ну же, Эя! Тихо, тихо девочка. Я здесь. Я держу тебя!

Я замолчала и, дрожа, прижалась всем телом к тому, кто держал меня на руках, словно ребенка.

Открыв глаза, обнаружила, что Зверь действительно держит меня, а я обнимаю его обеими руками за шею, прижимаюсь всем телом, дрожу... и плачу.

— Тише, девочка, — повторил Зверь и поцеловал в висок. — Тише, родная. Ты до смерти перепугаешь всех волков в этом замке, — заметив, что я пришла в себя, Фиар добавил: — И в его окрестностях.

До меня с запозданием стало доходить происходящее.

Я в кабинете отца, наедине с мужчиной.

Который волею отца... мой муж.

Муж.

И другого у меня не будет...

И вот он держит меня на руках, а я прижимаюсь к нему всем телом и плачу, как ребенок.

— Лирей, — мягко сказал Зверь и снова поцеловал. На этот раз в макушку. — У тебя только две реакции на мою близость. Или ты падаешь в обморок от страха, или плачешь, сетуя на свою долю. Я настолько неприятен тебе?

Закусив губу, я покачала головой.

— Тут другое, — прошептала я, сжимаясь в комок и боясь даже шелохнуться. Потому что близость с ним, жар его тела, голос, низкий, хриплый, вкрадчивый, — он раздается над самым ухом. Все это заставляет голову кружиться, сердце то замирать, то биться с утроенной скоростью, а я... я понятия не имею, как на это реагировать.

— Что же? — тихо выдохнул Зверь прямо мне в волосы.

— П-поставьте меня. Пожалуйста. Вот, — пролепетала я.

Вопреки просьбе, меня чуть сжали в объятиях, прижимая к себе еще ближе, и, прежде чем я успела подумать, как здесь хорошо, уютно и безопасно, с явной неохотой поставили на ноги. А потом придержали за плечи, терпеливо ожидая, когда смогу твердо стоять на ногах.

— А можно, — Зверь приподнял брови, изображая крайнюю степень заинтересованности тем, что сейчас скажу, — еще немного вина?

Фиар в третий раз наполнил мой бокал.

К этому времени я уже сидела в кресле. А на коленях у меня стояла та самая шкатулка. Несмотря на то что лежал в ней единственный запечатанный конверт, она была тяжелая. А может, тяжелая именно поэтому? Потому, что конверт был адресован мне? На нем было написано мое имя и стояла сургучная печать. Я узнала отпечаток перстня отца.

— Я понимаю, нелегко узнать такое, Эя, — сказал Зверь, передавая мне бокал. Когда я растерянно пригубила, принял его обратно и поставил на стол. — Можно было и не показывать тебе завещание Анжу и свидетельство о заключенном родовом браке. Ты и сама знаешь, что я говорю правду. Наша связь, о которой ты узнала сразу же после заключения брака, которая является лучшим доказательством того, что я не лгу, говорит сама за себя. Твой отец хотел рассказать тебе, он собирался это сделать, но...

— Но он не успел, — прошептала я, чувствуя на щеках мокрые дорожки.

— Откуда?.. — начал было Зверь, но замолчал.

— Я видела вас, — тихо произнесла я. — Еще там, у Велеса. Когда получала посвящение. Он показал мне, чтобы не думала, что отца убил кто-то из свободных. Я видела вас вплоть до того момента, как он передал тебе эти свитки, — я покосилась на свидетельство о заключении родового брака и на завещание герцога Ньюэйгрин, Анжу Альбето, — и сейчас увидела... в самый последний момент. А потом отца не стало.

Фиар нахмурился. Но одновременно с этим на его напряженном лице проступило облегчение.

— Поэтому так кричала? — тихо спросил он.

Я представила, как, должно быть, это выглядело со стороны. Он сообщает, что мы женаты. А я ору белугой и бьюсь в истерику. И снова

чуть было не теряю сознание...

Несмотря на трагизм ситуации, навеянный воспоминаниями Зверя, я улыбнулась. И Фиар ответил на мою улыбку.

— Ну что же, — протянул он. — Знать, что твою жену испугал не сам факт замужества, а некстати подвернувшееся воспоминание... Твой магический дар позволяет тебе путешествовать по воспоминаниям, Эя, — серьезно добавил он. — Не только собственным, но и чужим. Анжу говорил, что, когда ты войдешь в силу, сможешь воссоздать в своей памяти всю историю своего рода... Смутные века... И то, что предшествовало им...

— Я, — пробормотала я, часто моргая, — я не знала...

Зверь кивнул.

— Что ты могла знать, сидя взаперти в Ньюэйгрине? Никто, кроме отца, не знал твоей тайны... Кто-то догадывался...

— Церковники? — хрипло спросила я.

Зверь кивнул снова.

А затем указал глазами на письмо.

— Твой отец передал это для тебя.

Я закусила губу и надорвала конверт.

Вскоре на колени выпал листок.

Судя по исписанной части, письмо было коротким. А по неровным буквам, по тому, как строчки набегают одна на другую, отец спешил, когда писал. Возможно даже, у него тряслись руки.

Моя милая, моя любимая дочурка Эя!

Если ты читаешь эти строки, я мертв. Но не плачь, милая. Не хочу допускать и мысли о том, что ты несчастна.

Осознание, что я сделал все для твоего счастья и безопасности, согревает мою душу в мои последние дни. Увы, я узнал слишком много и должен уйти. Чтобы отвести подозрения от своей семьи.

Все же я смог защитить тебя, моя маленькая дочурка. Я защитил тебя в самом детстве, когда ты была совсем крохой.

Надеюсь, эти строки ты читаешь, когда уже выросла и созрела для брака. Хотя мне и не дано видеть будущего, уверен, что ты выросла и превратилась в ослепительную красавицу.

Узнав, что я заключил родовой брак от твоего имени, не спеши осуждать меня.

Поверь, этот брак, Лирей Анжу Альбето, — твое единственное спасение. Подробности и причины тебе поведаст твой муж. Он единственный, обладающий достаточной силой, чтобы защитить тебя.

В доказательство, что это моя воля, я посылаю ему наш фамильный герб. Он отдаст наследие рода Альбето тебе, и это будет значить, что ваш союз заключен.

Я надеюсь... Я почти уверен, что в день, когда риолин вернется к моей наследнице, к самому сильному магу за семь поколений нашего рода, к тебе, моя милая дочурка, наследная герцогиня Ньюэйгрин, леди Лирей Анжу Альбето, к твоему мужу вернется его истинная ипостась.

В день, когда Фиар передаст тебе камень, он получит недостающую силу, которой оказалось недостаточно у меня, от моей прямой наследницы и своей супруги, связанной с ним кровным браком.

И его волк пробудится.

Я хочу, чтобы ты знала, моя крошка, я всегда буду любить тебя. И я счастлив, что могу позаботиться о тебе даже с далекой Звезды.

Ты — мое счастье, моя любовь, милая.

И надежда нашего мира.

Фиар поведаст тебе о пророчестве.

Мы думали, что «кровь от крови свободной с кровью чародея» — это я. Поскольку мы с Фиаром, с моим братом, имя которому Зверь, смешали кровь. Но только сейчас я понял, что мы ошибались.

Речь в пророчестве шла не обо мне, а о тебе.

Это ты — кровь от крови свободной и при этом кровь чародея, милая Лирей.

Тебе по судьбе начертано вступить в союз с самым сильным из благородных волков, чтобы остановить безумие Аты... Безумие, охватившее умы тех, кто присягнул на верность забытой богине.

Церковники питают ее безумие разумом, что воруют у людей. И безумная богиня становится все сильнее.

День, когда Ата завладеет Источником, станет началом конца.

Но если пророчество будет исполнено, этого не произойдет.

Я верю в тебя, Лирей. Верю в тебя и в своего брата, твоего мужа.

Я знаю, что ваш союз остановит силы зла.

И также я знаю, что он будет счастливым.

Твой любящий отец, герцог Анжу Альбето

Какое-то время я молчала. Наверное, долго. Потом поняла, что под пальцами стало мокро, и поспешно подхватила последнее письмо отца, помахала им в воздухе. Часть букв успела расплыться, но все же большая часть письма сохранилась. Надо оставить его как память.

Я положила его, как было, в раскрытом виде, прямо на столик, разделяющий меня со Зверем. Все равно... Все равно он знает, что там написано.

А у меня к нему появились вопросы. Церковь против мифологии, даже с исторической, с научной точки зрения. Старая Пепа рассказывала про забытых богов, про безумную богиню Ату в том числе... Но однажды это услышала мама, и рассказы прекратились. Сколько ни пытались с сестрами разговорить няньку, Пепа была нема как рыба.

— Неча, — говорила она. — Я еще пожить хочу, даром что восьмой десяток разменяла. Не дай Богиня, узнает кто и церковникам доложит, что я тутось мету. Оно же и для вас вредно. Слушайте лучше про Бову-королевича.

И мы слушали. Послушно слушали. В сто первый раз.

— Кто такая Ата? — спросила я Зверя.

Тот кивнул. Он ожидал этого вопроса.

— Сейчас, с легкой руки Церкви, ее называют Богиней. Имя не упоминается. Но все же оно есть. Ее зовут Ата. И она безумна. Безумна сама — и делает такими других. Тех, кто ей служит, и не только. Известно, что боги низвергли ее с небес на землю. Заточили глубоко-

глубоко под земной твердью. Но даже там она опасна. Своим приверженцам она посылает магию иллюзий.

— Магию, что использует Церковь, — вырвалось у меня.

— Да, — кивнул Зверь. — И как безумие, все, что делает Ата, заразно. Но не так опасно, как звучит. Истинная магия, которая сама суть матери-природы, была способна противостоять магии безумия.

— Истинная магия? — переспросила я.

— Она сосредоточена в Источниках, — подтвердил Зверь. — Именно оттуда черпали свою силу маги-стихийники. Церковники оттеснили наш народ в резервации и захватили Источник, с которым ты связана, Эя. Связана силой магии своего рода.

— Кажется, ты говорил, что Альбина нанесла тебе удар осколком Источника, — вспомнила я.

Фиар кивнул.

— Пока Источник истинной магии во власти служителей безумной Богини, он плодит безумие. И становится сильнее с каждой каплей крови мага-стихийника, пролитого на него.

— Крови?! — вырвалось у меня, и я закрыла рот ладонью.

— Тебе грозила та же участь, — серьезно сказал Зверь. — Церковники должны были доставить тебя к Источнику.

Что-то внутри замерло. А сердце...

Сердце словно заledenело.

— Где находится Источник? — глухо спросила я.

— На территории Панемуса, — сказал Зверь. — На церковной территории. Та, что примыкает к герцогству Ньюэйгрин. Ты всю жизнь прожила недалеко от Источника.

Я выдохнула. Противоположное направление от Делла-Рова. Кажется, именно где-то там, на границе Ньюэйгрин, я видела отца в последний раз... И то страшное, фиолетово-черное, что накрыло их со Зверем страшной пеленой...

Я вздрогнула. А потом вдруг ледяные пальцы, сжавшие сердце, стали понемногу отпускать. Все-таки Андре вез меня не на мою гибель... На свою...

Я попросила у Зверя воды и осушила бокал залпом.

— Я ничего не знаю о Богине, то есть об Ате, — наконец сказала я. — В церковных книгах написано, что она стояла во главе святых

праведниц, коих насчитывается двенадцать в истории. Известно, что они повели за собой людей на войне против оборотней.

— Святые праведницы? — невесело переспросил Зверь. — Это были даже не праведники, Эя. И расправлялись они в первую очередь с женщинами и детьми.

Я замолчала.

— Фосса рассказывала мне, — сказала я после паузы.

— Фосса помнит.

— Что ты делал после того, как... расстался с моим отцом? — спросила я.

— Я жил в этом замке жизнью человека и не думал о возвращении в стаю, тем более знал, что кланы противодействуют друг другу и разбились на несколько стай, — начал рассказывать волк. — Я не собирался покидать замок, не хотел, чтобы бывшие соплеменники видели меня таким. Ведь несмотря на все ухищрения Анжу, да и на то, что давно восстановился после полученных ранений, волк ко мне так и не вернулся. Но однажды пришла весть от моего брата по духу и крови, от Анжу Альбето, который отправился в земли королевства, чтобы узнать правду о церковной магии. О том, почему она столь губительна для разума и природы. Оказалось, Анжу выполнил свое обещание. Узнав о том, что кроется под «милостью Богини», которой поклоняется Церковь, он подписал себе смертный приговор.

Я всхлипнула.

Зверь посмотрел на меня с нежностью, как бы спрашивая: не продолжать? Слишком больно?

Я неопределенно помотала головой, а потом закивала, показывая, что, мол, выдержу. Как ни странно, Фиар меня понял. Потому что продолжил:

— В послании Анжу не просто просил защитить его дочь, он говорил, что откроет мне суть главной опасности, исходящей от людей.

Когда я пришел по первому зову, как обещал когда-то, Анжу сказал: моей дочери небезопасно среди людей, ты должен защитить ее. Мы заключим родовой брак, чтобы ни одна сила не смогла вырвать ее у тебя. Тогда же он отдал мне этот камень. «День, когда этот камень вернется к моей наследнице, станет днем вашего союза», — сказал он. День, когда камень вернулся к тебе, Лирей, был днем возвращения волка.

— Велес? — спросила я, всхлипнув. — Велес помог?

Зверь кивнул.

Но насчет лесного божества я и сама поняла.

— Что же делать? — пробормотала я.

Зверь посмотрел на меня долгим взглядом, и я потупилась. Как-то с запозданием стало доходить, что мы женаты. Поэтому поспешила перевести тему. Точнее, увести от мыслей, тревожащих меня.

— Как защитить Источник от Аты? — спросила я. Глаза Зверя полыхнули алым и погасли. — Я правильно поняла? Мы должны сделать это? Низвергнуть культ Аты? Вернуть Источнику изначальную чистоту?

— Источник нужно отбить у людей, — сказал Зверь после долгой паузы. — Для этого свободному народу надо вернуть собственные земли. И это не твоя забота. Моя. Я вернусь в стаю. Плевать на разобщенность. Я брошу вызов всем вожакам. Я снова стану альфой Стаи Семи Лесов. Под моим предводительством свободный народ пойдет и защитит свое по праву.

— Но отец говорил, что я должна... Что мы должны... Оба.

— Ты сможешь вернуть Источнику изначальную силу, Лирей, — сказал он серьезно.

Я кивнула на письмо.

— Отец пишет, то есть... неважно... что подробности, как это сделать, расскажешь ты.

— Ты должна раскрыть потенциал своей магии, Эя, — хриплым голосом сказал Зверь. — Только она имеет истинную природу.

— Но как? — спросила я, отчего-то краснея.

— Путем слияния, — ответил Фиар, — со своим мужем. Со мной, Эя.

Я покраснела так, что о мои щеки, можно было, вероятно, зажечь лучину.

— Я... я, как же... это? — забормотала что-то невразумительное.

— Пойдем спать, Эя, — сказал Зверь.

И вот кто-то думал, что покраснеть сильнее невозможно!

— Спать? — пролепетала я. — Как — спать?

Моя реакция вызвала улыбку у Фиара.

— Спать — значит спать, моя нетерпеливая женушка, — хриплым голосом проговорил Фиар, и я замерла, боясь даже вздохнуть. — Это

был долгий и очень трудный день. Нам обоим отдых пойдет на пользу.

Я кивнула, чувствуя, что дар речи пропал в очередной раз за вечер.

— Завтра продолжим, — сказал Зверь, склонившись в поцелуе над моей рукой.

И прежде чем я успела что-то сказать, распрямился, и запечатлел поцелуй на щеке.

Я вспыхнула, даже приложила к щеке пальцы, словно не верила, что он поцеловал. Снова. Но Фиар уже удалялся в сторону своей спальни.

И, по-прежнему не отнимая пальцы от щеки, я скользнула в покои.

А когда приблизилась к ложу и откинула прозрачную ткань балдахина, застыла как вкопанная.

На аккуратно застеленной кровати лежал почтовый голубь. Из магической бумаги. То есть из церковной. Той самой, что в огне не горит и в воде не тонет.

И почерк на очередном за сегодняшний день послании...

Этот почерк я узнала бы из миллиона.

Глава 11

На щеке все еще горел поцелуй Фиара, а я уже вчитывалась в написанное. Было трудно: руки тряслись крупной дрожью, которую было не унять. Я мотала головой, моргала, зажмуриваясь изо всех сил. Бесполезно. Письмо никуда не исчезало. Как и то, что было в нем написано.

Когда я пробежала взглядом написанное в третий раз и, сглотнув, ощутила, как щиплет глаза, бумага вспыхнула прямо в моих пальцах. Не обожгла, не причинила боли, просто осыпалась горсткой пепла.

Когда я вернулась из оmyвальной, переодевшись в сорочку, ветер, что врывается в открытое окно и треплет занавески, уже смахнул пепел с покрывала. И больше ничего не напоминало о письме.

Я думала, не смогу заснуть. Думала, что мысли, как поступить, как обмануть Фиара, моего мужа, не дадут заснуть. Но я переоценила свои возможности. Помимо потрясений этого дня, сказалась еще бессонная ночь.

Поэтому стоило лишь коснуться щекой подушки, как я провалилась в сон. И спала, не просыпаясь, без сновидений, до самого утра.

На мое счастье, завтракала я одна. Джейси с Эльзой поинтересовались, спущусь ли на кухню, они же сообщили, что Фиар покинул замок на рассвете.

Я рассеянно кивнула и сказала, что, как только приведу себя в порядок, спущусь на кухню. Не хотелось вызывать ненужных подозрений, нарушая установившийся порядок.

Волчицы переглянулись, как мне показалось, с разочарованием, и сказали, что будут меня ждать.

Лишь когда девушки оставили меня одну, поняла, что разочарование на их мордашках обусловлено не тем, что я пообещала спуститься к завтраку, а тем, что... в общем, что ночевала одна.

«Ты должна раскрыть потенциал своей магии, Эя. Только она имеет истинную природу».

«Но как?»

«Путем слияния со своим мужем. Со мной, Эя».

От одной мысли о близости волка... Зверя, который волею судьбы, рока и моего отца является моим мужем перед силой рода, силой крови, перед богами и людьми, я зарделась.

Оказавшись в замке Фиара, то есть теперь уже известно, что в нашем с ним замке, в замке моих предков, мне казалось, что он не оставляет мне выбора. Теперь же понимала, что выбора не было и у него. Я *была* его женой задолго до того, как попала в Заповедные земли. Он дрался за меня в Священных землях, потому что *должен был* драться. И победил.

У него тоже никто не спросил, хочет ли он этого. Хочет ли быть моим мужем. Никто. Ни мой отец, ни пророчество, ни Велес...

Впервые я задумалась о том, что Зверь сам, должно быть, не хочет становиться моим мужем по-настоящему. Он — волк. Все волки в Заповедных землях, с которыми встречалась, все, что хотели меня, заявляли об этом сразу и прямо. Даже пытались принудить, вызвать страсть своими касаниями.

Зверь же оказался совсем другим.

Может, это оттого, что он более двадцати лет прожил человеком?

А может, просто потому, что не хотел... не любил меня?

Может, он все еще любит свою Альбину? Любил...

Страшно было переспросить, что с ней стало. Я видела, какую боль причиняют ему воспоминания об этой женщине, и не хотела бередить рану. Слишком болезненны оказались воспоминания... Несмотря на совсем небольшой жизненный опыт, я понимала, что Зверю пришлось куда хуже, чем мне.

Я отмерла посреди гардеробной с платьем в одной руке и сорочкой в другой. Увидев свое отражение в зеркале, подивилась, как я пропустила тот момент, когда собственная нагота перестала меня смущать? Раньше я старалась одеваться быстро, очень быстро. Ужом юркала в лохань для мытья или в купель, считая себя донельзя распущенной, поскольку любила купаться обнаженной. Согласно заверению Виталины, истинная леди даже во время омовения остается в сорочке.

— Ага, в сорочке она купается, якобы леди, — вырвалось у меня. — А замуж-то выскочила тайно, под покровом ночи, вон как не терпелось заполучить герцога Эберлея в свою постель!

Сказала так и закрыла рот рукой, в которой до сих пор сжимала сорочку. Ветерок из окна похолодил влажную после омовения кожу. Оставив платье на стуле с высокой спинкой, я натянула сорочку, подумав, что была права: я, наверное, вконец испорчена, раз думаю и даже говорю так о сестре.

Надев платье, я опустила его до талии и потянула за завязки сзади, затягивая шнуровку на спине. Затем, зажав в зубах несколько деревянных шпилек, вооружилась расческой и приблизилась к зеркалу, где долго причесывала огненные локоны. Наконец, когда с третьего раза получилось заплести косу, убрала шпильки, которые так и не понадобились, обратно в резную шкатулку, а в косу вплела голубую атласную ленту в цвет платья.

Нахмурившись, посмотрела на свое отражение.

На меня задумчиво смотрела невысокая рыжая девушка в голубом платье, с косой через плечо.

— Не потому ли он ушел, — пробормотала я. — Что попросту не хочет... ну... исполнять супружеский долг?

Еще раз окинув платье придирчивым взглядом, разгладила пару несуществующих складок.

— Ну и пусть, — вырвалось у меня. — Я тоже не хочу... Так... По принуждению... Я всегда думала, что таинство, которое происходит между мужем и женой за закрытыми дверями, в супружеской спальне, для рождения детей, происходит только по любви. И мама... Она обещала всем нам, что нас не выдадут замуж, пока мы не полюбим.

А потом вспомнилось, что не так давно считала, что выхожу замуж по любви. Не так давно, а кажется, это было в какой-то совсем другой жизни.

Во время завтрака Эльза пообещала, что если я и дальше буду пялиться в пустую тарелку и хмурить лоб, придется кормить меня с ложки. И Джейси была согласна с кузиной, потому что иначе им альфа задаст жару.

— Что? — невпопад переспросила я.

— Ешь давай! — почти приказала Барса и подвинула мне миску с кашей и тарелку со свежее испеченными булочками с корицей. Тонкий аромат защекотал ноздри. Я принялась послушно есть, только вкуса почему-то не ощутила.

Надо сказать, чувства снова куда-то делись. Я ничего не почувствовала, когда покидала пределы сада. Когда вышла на тропинку, следуя указаниям уже знакомой стрелки на ладони.

И даже когда кусты расступились и вышел Андре, тоже ничего не почувствовала. Почти.

* * *

Он совсем не изменился. Те же светлые локоны, рассыпанные по плечам. Голубые глаза. Вспомнилось, как я смотрела на него и думала: «Может ли мужчина быть красивее?» И ответа не было. Думала ли я так сейчас? Не знаю. Одно было понятно: думать о нем было больно. И видеть тоже.

Едва увидев меня, он просиял улыбкой. Рванулся навстречу. Но, должно быть, что-то такое было в моем лице. Андре замер.

А я скользила по нему взглядом. И казалось, не было всего того, что произошло. Не было этого страшного на границе.

А еще на нем был тот же (или точь-в-точь такой же) фиолетовый камзол и кюлоты на оттенок темнее... И любящий взгляд... Любящий?

Слезы застлали глаза. Я с силой зажмурилась, закусив губу, поморгала. Пелена перед глазами исчезла, и я вынуждена была признать: Андре такой же, каким я его запомнила... А сама я казалась себе совсем другой.

— Ты изменилась, Эя, — тихо сказал Андре.

А мне почему-то от звука его голоса совсем больно стало.

— Разве? — хрипло спросила я и пожала плечами.

— Ты стала, — Андре попытался подобрать слово, — другой.

А я сделала шаг навстречу... Еще один...

А потом как-то неожиданно для себя оказалась в его объятиях. Только почему-то не чувствовала себя в безопасности. Или, может, это оттого, что риолин на груди стал холоднее льда.

— Эя, малышка, моя маленькая Эя, — шептал Андре и гладил по волосам, прижимал к себе, теребил как маленькую.

Я же казалась себе застывшей ледяной статуей.

Когда Андре мягко отстранил от себя и попытался поцеловать, отвернулась.

— Что это, Эя? — спросил он, нахмурившись и отступил на шаг.

Я проследила за его взглядом и ответила:

— Риолин.

Андре протянул руку и тут же отдернул пальцы. Лицо его на миг исказила судорога. Я поняла, что прикоснуться к камню он не может. Ко мне — может. К камню — нет.

— В нем скрыта магия моего рода, — отстранению проговорила я. — Ты же знал, что отец, — мой голос сорвался, — был магом?

Андре посмотрел на меня задумчиво. Потом кивнул.

— Я не смог защитить его, Эя, — тихо сказал он. — Хотел. Но не смог. Сам я... никогда... Я любил дядю Анжу. Я был слишком благодарен ему за последние годы жизни моей матери, чтобы причинить вред. Она умерла по вине моего отца. Он отбил ей что-то внутри. Я не знаю, как это работает. Лекари были бессильны. Она умирала медленно... И умирала, когда твой отец женился на ней. Я, хоть был ребенком, знал, что ей недолго осталось. Но я также знал, что она умерла счастливой. Благодаря твоему отцу. Я никогда бы не сделал ему ничего плохого.

— Вообще-то бездействие — значит согласие, — тихо сказала я, отступая на шаг.

Андре посмотрел на меня долгим взглядом. Я видела, что ему больно слышать это... Или... мне показалось?

— Ты стала жестокой, Эя, — тихо сказал Андре.

Я пожала плечами.

— Где ты, Эя? — спросил Андре. — Куда делась моя малышка? Моя маленькая фея Эя?

Я криво улыбнулась.

— Должно быть, ее убили оборотни. Там, на границе с Делларовом.

Голубые глаза Андре потемнели, погасли. словно солнце скрылось за грозовой тучей или будто бы в хорошо освещенной комнате одним щелчком пальцев погасили всех осветительных мотыльков.

Казалось, еще немного — и в глазах Андре встанут слезы. Но мгновения летели, и ничего не менялось.

— Как так случилось, Андре? — спросила я. И когда он не понял, пояснила: — Как случилось так, что ты до сих пор жив? Что выжил

там, когда напали волки? Я своими глазами видела, как они... они скрыли под собой твоё тело.

«И остановившийся взгляд, в котором отражается небо, тоже помню», — хотела добавить я. Не смогла.

Андре заговорил не сразу. Но когда справился с собой, его голос был твердым. Не дрожал, как у меня. Можно даже сказать, лился, словно ручей. А я вспомнила, каким замечательным рассказчиком всегда был Андре. Какие замечательные истории рассказывал. Сказки...

— Ты помнишь, у меня был с собой священный сосуд, Эя? — сказал Андре.

— Помню, — ответила я глухо. — Ты воспользовался им, чтобы изъять память Милы.

Андре передернуло. На щеках его заходили желваки. Но все же он нашел в себе силы продолжить.

— Я защищал тебя, — сказал он.

— Я поверила тебе, — кивнула я и добавила: — Тогда.

Андре сглотнул. Посмотрел на меня как-то по-новому. Но через секунду во взгляде его вновь появилось обожание. А мне отчего-то стало так липко на душе.

— Воспользовавшись магией священного сосуда, я смог притвориться мертвым, — закончил Андре свой рассказ.

Я кивнула. Пожала плечами.

— А меня в это время унесли волки.

— Я не смог защитить тебя тогда, — тихо сказал Андре, и голос его дрогнул. — Как не смог защитить дядю Анжу. Но я пришел за тобой сейчас. Я знаю, что делать, чтобы спасти тебя.

Я кивнула, пристально глядя в его глаза. Раньше я видела в них небо.

— А как ты смог проникнуть сюда? — спросила я, вспомнив, что проникнуть сюда может далеко не каждый. Кажется, Зверь говорил, что только тот, с кем у обитателей замка есть связь.

— Магия Альбето, — пробормотал Андре. — Ты о ней?

Я кивнула, не отвечая.

— Мы связаны, Эя, — подтвердил мои мысли Андре.

Я снова кивнула, принимая этот аргумент. Фиар с Альбиной тоже были связаны.

— Зачем ты пришел, Андре?

Он вздрогнул от этого вопроса. И все же ответил:

— Я пришел за тобой, Эя. Я знаю, что делать, чтобы спасти тебя.

— Несмотря на то, что я маг? — не сдавалась я. — И магия моя пробудится от... слияния?

— Я люблю тебя. Всегда любил. И буду любить. *Любую.*

Он так странно сказал это слово — «любую»... Но мне было не до мыслительного анализа. Слишком было больно, неприятно на душе. Липко и душно. Мне словно не хватало воздуха. А хуже всего было то, что мои детские чувства к Андре... Они словно проснулись. И несмотря на то, что мне было откровенно гадко, я не могла не признать, что меня тянуло к нему. Слишком у нас было много общих воспоминаний. Слишком многое было связано с ним.

Я вспомнила письмо от мамы, слова: «Подумай об Андре». Подумала так и усмехнулась собственным мыслям. От мамы ли?.. Можно было сейчас спросить об этом у Андре. Но рот попросту не открывался. Я больше не верила ему. Как бы ни хотела... Не могла поверить.

— Лирей, — глухо позвал меня Андре. Должно быть, понял по моему взгляду.

Я покачала головой. А когда он приблизился на шаг, отступила.

— Стоит мне закричать — здесь будут волки, — тихо сказала я. — Я больше чем уверена, они до сих пор не напали только из уважения к моим чувствам. К чувствам своей госпожи.

— Лирей, — повторил Андре и посмотрел на меня умоляюще.

— Уходи, — попросила я.

— Эя...

— Уходи.

Не говоря ни слова, Андре скрылся в кустах.

Ничего не напоминало о его присутствии. Уже давно.

— Я привыкла, что ты умер, — прошептала я.

«А к тому, что предал меня, — нет», — подумала, но не смогла произнести вслух.

Кусты справа зашевелились. Я даже не посмотрела туда и совсем не удивилась, когда из них вышел Фиар.

Он видел все. Все слышал. Как его жена обнималась с другим мужчиной — тоже, — пронеслось в голове. И при этом было как-то...

все равно.

— Ты не ушла, — сказал Фиар.

Я покачала головой. Я и вправду не ушла.

— Почему? — спросил волк.

Я посмотрела ему в глаза.

— Я твоя жена.

Зверь посмотрел на меня долгим взглядом. Я не опустила глаз. Просто было как-то все равно. Я чувствовала опустошение, словно из меня вынули душу и вывернули ее наизнанку. И теперь непонятно, как быть. Как сделать все, как было. Как жить дальше.

— Почему не закричала? Не позвала на помощь? — продолжал наседать Зверь.

Улыбка вышла кривой. Невеселой.

— Он бы ничего мне не сделал, — сказала я, а когда Зверь хотел возразить, добавила: — В такой близости от замка. Он никогда не был дураком.

— Ты давно его подозревала? — спросил Фиар.

Я пожала плечами.

— С тех пор, как получила от него голубя, — я задумалась, говорить или нет, а потом решилась: — Со вчерашнего вечера.

— Ты так просто говоришь мне об этом, — нахмурился Зверь.

Я пожала плечами.

— Я твоя жена.

Фиар сделал шаг. А я подумала, если сейчас он прикоснется ко мне, поцелует, скажет, что я принадлежу ему, что я его по праву, я закричу. Но Зверь замер. Смотрел на меня, словно выжидал чего-то. Я перевела дыхание и поняла, что стало легче дышать. Не намного, но все же.

— Не делай так больше, Эя, — тихо сказал Зверь.

— Как? — безразлично спросила я, подумав, что он имеет в виду, должно быть, наши с Андре объятия. При одном воспоминании о них меня передернуло.

— Не подвергай себя опасности, — серьезно проговорил Фиар.

Я пожала плечами.

— Я получила голубя ночью. Тревожить тебя не могла. А утром тебя не было в замке.

Зверь подошел совсем близко. Почти вплотную. Я привычно опустила взгляд. Не потому, что боялась смотреть в глаза альфе, а потому, что... не хотелось смотреть ему в глаза.

Твердые пальцы обхватили мой подбородок и подняли вверх.

— Посмотри на меня, Эя, — приказал Фиар.

Я вздрогнула, но подчинилась.

— Никогда не лги мне, — сказал Зверь.

Сглотнув, я кивнула.

Он продолжал смотреть долгим взглядом, словно что-то хотел увидеть в моих глазах. Не знаю, увидел или нет. Но произнес тихо:

— И никогда больше не подвергай себя опасности.

Его пальцы отпустили мой подбородок, но я продолжала стоять и смотреть на него. Когда с запозданием дошло, что смотрю в глаза альфе Стаи Семи Лесов, стало не по себе. Но взгляд не отвела. И показалось, что этого от меня и не ждали.

— Мне не грозила опасность, — сказала я тихо. Когда Зверь нахмурился, а глаза его полыхнули огнем, добавила еще тише: — Он ничего бы мне не сделал.

Зверь нахмурился еще больше, а потом поднял руку. Указывая глазами на небольшой плоский браслет из странного материала на запястье, он словно приглашал к нему прикоснуться.

Я кивнула и осторожно положила пальцы сверху. К моему удивлению, они прошли сквозь браслет. Хотя моя рука лежала на матовой поверхности, под пальцами я ощущала горячую кожу оборотня.

— Знаешь, что это? — спросил Зверь и я покачала головой.

— Кажется, я видела его раньше, — пробормотала я. — И с ним ничего не случается после оборота. Как... с остальной одеждой. Но что это, я не знаю, — я пожала плечами, — как-то не задумывалась. Не до того было.

И это была чистая правда.

— Подарок Анжу, — пояснил Зверь, и я часто заморгала. — Браслету и вправду не страшен ни оборот, ни полуформа. Более того, он продолжает работать.

Я не удержалась и снова провела пальцами по матовой поверхности. Ощувив руку Зверя, сглотнула и отдернула пальцы.

— Для чего он? — спросила я.

Зверь кивнул.

— Правильный вопрос, Эя. Анжу дал его мне, чтобы я мог издали определять церковников.

Меня передернуло. Слишком явно перед глазами встал фиолетовый шатер, гроза, что грохочет снаружи и происходящее внутри.

— Браслет предупреждает меня об опасности, — сказал Зверь. — Тот, с кем ты только что встречалась, готовил тебе ментальное вмешательство.

И вот вроде бы было все равно, пусто, даже опустошенно, но как-то все равно. А от этих слов Зверя вдруг стало больно. Невыносимо больно. Глаза защипало, а горло словно что-то сдавило. Андре? Мне? Ментальное вмешательство? Нет! Этого просто не может быть! Но память услужливо подбросила картину, как мы с Андре бежали из Ньюэйгрин, показала пустые глаза Милы, голубой свет, что течет из ее рта и стекает в священный сосуд, опустошая память... С Милой Андре смог. Почему со мной не стал бы делать подобное?

— Нет, — помотала я головой. — Нет, не может быть. Андре никогда не стал бы... Нет!

Зверь посмотрел на меня хмуро и с жалостью одновременно.

— Браслет Анжу сообщает о священных сосудах поблизости, Эя. У этого... человека был с собой священный сосуд. Он бы опустошил твою память. Ты бы и не вспомнила, что происходило с тобой в Заповедных землях. И скорее всего, после всего этого стала бы безвольной куклой. Магия Аты опасна. Ее вмешательство в разум не проходит бесследно.

— А ты, — вырвалось у меня, — ты же был у них в плену... Как тебя?.. Почему ты?..

И я замолчала. Зверь и так много вынес в плену у церковников, с моей стороны чистым свинством было бы спросить его, как он не утратил память. И вместе с тем вопрос рвался наружу.

Зверь меня понял.

— На разум свободного народа не действует магия Аты. На нас можно наслать иллюзию, заставить видеть или не видеть какое-то время то, что надо магам церковников. Но повлиять на нашу память невозможно. Магия безумной Богини почему-то не действует.

— Не действует? — опешила я. — То есть вам нельзя стереть память, как человеку с одной ипостасью?

Фиар снова помотал головой.

— Нет, Эя, — подтвердил он. — Мы неподконтрольны вашей Церкви. И это еще одна причина истреблять нас.

Я замолчала. Стояла так какое-то время, зябко поводила плечами, хмурила лоб. Фиар стоял рядом, не делая попытки приблизиться, словно понимал, что меня сейчас трогать не следует.

— Фиар, — позвала я его по имени и, когда Зверь кивнул, продолжила, стискивая пальцы: — Но это же ужасно... Это позволяет им... Абсолютный контроль... Они же так с каждым могут. С любым лордом, леди... С его и ее величествами, — я закрыла рот ладонью, а зубы клацнули от ужаса. — Это ведь... Ведь все сделают, что скажет Церковь. Она будет править королевством. Она уже правит!

В глазах потемнело, картинка чуть поплыла. В тот же миг меня придержали под локоть, а в следующий я оказалась прижатой к мускулистой груди. Не Зверь прижал меня к себе, нет. Я сделала это сама. Он же замер, как замирает человек, когда к нему на колени прыгает кошка. Только бы не спугнуть. Лишь спустя какое-то время его горячая ладонь аккуратно легла мне на плечи. И стало до того уютно, что я не выдержала, шмыгнула носом. Тут же меня прижали сильнее, а затем провели ладонью по волосам, успокаивая, как маленькую.

— Это ужасно! Ужасно! — вырвалось у меня.

— Пока не настолько, — проговорил Зверь. Продолжая успокаивать меня, он пояснил: — Церковь не подвергает ментальному воздействию тотально. Пока. Слишком очевидны признаки вмешательства.

— Пока? — переспросила я и почувствовала, как Фиар кивнул.

— Пока оскверненный магией безумной Богини Источник не обрел полную силу, — сказал Зверь. — Андре говорил, что это произойдет не раньше чем он получит кровь очень сильного мага. Последнего мага в роду.

Риолин на груди дернулся. Вспомнились слова Велеса, что в камне заключена вся магическая сила нашего рода. Вспомнилось и то, что Андре не смог прикоснуться к камню. Ко мне смог, а к камню нет. Значит ли это, что, если убить меня там, у этого Источника, тот

получит силу магии всего моего рода? Камень связан со мной, это я уже поняла. Он холодеет, когда мне грозит опасность, и становится теплее в противоположном случае. Опасность именно для меня. Не для камня. То есть его магическая сила существует только при моем участии. В противном случае камень бессилен. Он долгие годы находился у Фиара, но его волк был слишком далеко. Где-то там, откуда его невозможно вернуть. В день, когда камень попал ко мне, Зверь вернул своего волка. И отец знал это. Он просил Фиара позаботиться обо мне, а камень вообще отдал ему на хранение, зная, что получу этот камень я только тогда, когда окажусь в Заповедных землях. Не раньше. Если бы камень был у меня раньше, Заповедных земель я бы не увидела никогда. Значит, вот чего хотят церковники. Получить всю силу магии рода Альбето для Источника. Который некогда принадлежал истинной магии, магии природы, жизни... Но после того, как попал в руки приверженцев безумной Богини, стал Источником магии Аты. И хуже всего то, что Андре с ними заодно. Или нет? Он ведь ушел? Когда я прогнала его, он ведь ушел?!

Мысли роились, неслись кувырком, собирались будто снежный ком и катились по разуму сокрушительной лавиной. Их было слишком много, и все они были безжалостны. Беспощадны.

Я всхлипнула.

Рука Зверя на моей макушке тут же напряглась.

— О чем ты думаешь, Эя?

— Почему он ничего мне не сделал? — глухо спросила я, не ожидая ответа. — Я прогнала его, и он ушел. Ты сам видел. У него был с собой священный сосуд, да, я знаю, я знала это... Но он не воспользовался им, чтобы причинить мне вред. Он бы никогда...

Голос сорвался. Я содрогнулась от рыданий, а Зверь тяжело вздохнул.

— Не только мы чуем их, Эя, — сказал он. — Церковники научились обманывать наше чутье с помощью магии иллюзий, и вот мой брат-маг сделал этот браслет и несколько таких же для моей стаи, чтобы мы могли опознавать их проклятую магию на расстоянии. Но и они становятся все изворотливее, все хитрее. Конечно же, он знал, что за ним следят волки.

— Волки? — переспросила я.

Зверь успокаивающе погладил меня по плечу.

— Сейчас здесь уже никого нет.

Я прислушалась. Было так тихо... Только ветерок шелестел ветками на голове, слышалось пение птиц... Под сенью разлапистых деревьев было свежо и уютно, воздух был приправлен запахами леса — ароматных трав и прелой прошлогодней листвы. Я понимала, что нужно возвращаться в замок, но Зверь не напоминал об этом, а я медлила. Хотелось побыть здесь еще немного, подальше от чужих, пусть и доброжелательных глаз. Хотелось побыть с ним наедине.

Возможно, если бы Зверь вел себя иначе, как Грэст например, я бы сделала все, чтобы избежать его общества, таких вот минут наедине. Подумав об этом, я невесело усмехнулась. С Грэстом бы это не сработало. Как не сработало бы ни с одним волком, кроме... Фиара. Почему?

Я подумала, что, возможно, веду себя распушенно, прижимаясь к мужчине и не делая никаких попыток отпрянуть, но в следующий момент вспомнила, что этот мужчина — мой муж. И хоть Церковь не слишком одобряет родовые браки, но все же признает их, а значит, ни один приверженец морали и вообще безбрачия не нашел бы сейчас в наших действиях ничего предосудительного.

Какое-то время мы молчали. А потом я заговорила:

— Я видела, как убили оборотня.

Зверь вздрогнул. Я ощутила, как он напрягся. Но почему-то чувствовала потребность высказаться и откуда-то знала, что он предоставит ее мне. Поэтому я говорила и говорила, начав с того, как подралась с Виталиной из-за того, что та назвала отца преступником, рассказала, как отхлестала сестру по щекам, как та в отместку на всю зиму заперла меня в башне. Рассказала, как там было плохо и временами так холодно, что приходилось жаться к камину... А еще тяжело и одиноко. Рассказывала, как мерила шагами мою тюрьму, как смотрела вдаль и представляла, как скачу по лугам и равнинам на Леди... Рассказала, как пришла весна, и я не выдержала, сломалась, как принесла сестре извинения, и они оказались ей на руку... Рассказала об охоте... О том, как собаки почуяли волка, как Эберлей нанес решающий удар копьем в истыканное стрелами, бьющееся в агонии тело животного...

Как в тот же миг границы его тела поплыли, и спустя несколько мгновений на месте волка лежал человек с застывшим взглядом.

Истыканный стрелами, с пронзенным копьем сердцем.

— Я думала, это обычный волк, — всхлипывала я на груди Зверя. — Тот, что драл коз и телят и даже нападал на людей. Андре говорил, что за него не будут мстить, — почему-то посчитала нужным добавить я.

Ответ Зверя заставил меня окаменеть.

— Потому что это был не оборотень, Лирей.

Я отстранилась от Фиара с открытым ртом. Глядя мне в глаза, он кивнул:

— Не волк свободного народа.

«А кто?» — хотела спросить я, но продолжала открывать и закрывать рот и ошарашенно хлопать ресницами.

Фиар погладил меня по щеке, словно пытался понять, можно ли сказать мне то, что собирался. Подбадривая Зверя, я кивнула. А потом опустила глаза. Фиар вздохнул и заговорил снова. Голос его был тих и как-то бесцветен.

— Церковь владеет магией иллюзий, помнишь, Эя? — Я кивнула и волк продолжил: — Вы загоняли человека. Если бы это был волк из свободного народа, он остался бы в ипостаси зверя и после смерти.

Я молчала. Не верила своим ушам и в то же время знала, Зверь не лжет.

— Так что не в том случае, Эя. Ты не причастна к гибели никого из свободного народа. Это был человек.

— Не оборотень, — пробормотала я и услышала свой голос, словно со стороны.

— Их создает Церковь, — продолжил Зверь. — С помощью магии иллюзий. На самом деле человек не перестает быть человеком, просто все видят вместо него волка.

— Но почему он... не пытался объяснить, — пробормотала я и запнулась, понимая, как глупо это прозвучало. Попытался бы он, как же. Кто бы его слушал? Мы же все, все до единого видели волка. Внезапно перед глазами встал взгляд Андре. Он тоже был там. И смотрел. Он... Ведь у него был священный сосуд... Значит ли это, что он видел истинную картину вещей, или нет?

— Чаще всего несчастному перед подобным стирают память, — продолжал рассказывать Зверь. Он видел, как трудно мне приходится, и поэтому старался говорить кратко. И все же каждое его слово

отдавалось болезненным ударом в сердце. — После ментального вмешательства, глубокого ментального вмешательства человеком овладевает безумие. Он скитается, чаще всего по лесам. Ведь стоит выйти к людям, как на него бросаются с вилами, кричат, кидают камни.

Слезы не просто текли по щекам, они уже лились единым потоком.

— А потом их настигают и в лесу, — вырвалось у меня.

Зверь кивнул.

А у меня перед глазами мир померк. В этой вере воспитывают детей! Этим людям доверяют детей! Дворяне отсылают своих отпрысков, чаще всего младших, в монастыри. В Панемус — место, где находится Источник. А что касается бедняков... Они отправляют на воспитание церковникам сразу по несколько детей, особенно если деревня бедствует и нечем кормить лишние рты...

— Но это же, — не смогла я сдержаться. — Это бесчеловечно!

— Ожидать человечности от присягнувших Ате не следует, — мягко сказал Фиар. — Им надо было убедить всех, что оборотни наступают. Что все дальше заходят на земли королевства. Что прорываются сквозь патрули на границах и жаждут одного — крови. Как еще посеять страх и смятение в сердцах и умах людей? Церковники выбрали безошибочный способ.

Я не могла не согласиться. Но не могла и слушать его без слез.

Когда рыдания стихли, я подняла заплаканные глаза на Зверя.

— Теперь ты понимаешь, что, зная все это, я чуть с ума не сошел, когда увидел тебя здесь. С ним. С посланником Церкви.

Я заморгала. Чуть с ума не сошел? В это слабо верилось. Просто Зверь... он казался единственным здравомыслящим в этом стремительно погружающемся в безумие мире.

— Я боялся, что ты сбежишь с ним. То есть что *решишь* с ним сбежать.

Я вздрогнула. Значит, это была проверка. Решу или нет. И хоть после двух моих попыток бегства нельзя было сильно винить Фиара, все же стало обидно. Совсем немного. Наверно, поэтому я немного резче, чем следовало, ответила:

— Не сбежала же... Даже не подумала о таком.

— Не сбежала, — согласился Зверь. — Я хочу, чтобы ты знала еще кое-что о пасынке Анжу.

Я вздрогнула. Фиар что, знает? И сама себе ответила: странно было бы предполагать, что нет.

— Он — аббат, — тихо сказал Зверь.

Но для меня эта фраза оказалась подобно колоколу, гонгу и набату одновременно.

— Нет, он не принял сан. Его величество был против, — невпопад забормотала я. — Он усыпил служанку. Из священного сосуда. Он сказал, что украл его. Чтобы мне помочь. Украл. Это я виновата...

Зверь снова гладил меня по волосам, снова ждал, пока я успокоюсь. Затем продолжил. Видно было, что ему не доставляет ни малейшей радости открывать мне правду. Даже тени злорадства или удовлетворения ущемленного самолюбия не наблюдала я на его словно высеченному из скалы лице. И все же Фиар решил действовать, что называется, в один присест. Так поступает хирург, который знает, ему придется причинить пациенту боль, чтобы потом тому стало легче. И лучше резать сразу, не задумываясь, и наверняка.

— А ты знаешь, как наполняются магией священные сосуды, Эя?!

Я ошарашенно покачала головой. В который раз.

— Содержимое священных сосудов — память, которой лишили живых людей. Их разум, чувства, эмоции. Безумная богиня Ата ничего не творит. Лишь оскверняет то, что создано матерью.

— Природой, — пробормотала я, озираясь вокруг.

— Да, — подтвердил Зверь.

А у меня последний осколок в калейдоскопе встал на свое место. Вспомнила, как изо рта Милы потекло голубое сияние прямо в сосуд, который парил над ладонью Андре.

— Спасибо, — сказала я Фиару и, когда волк посмотрел на меня вопросительно, добавила: — За правду. За честность. За терпение.

Бровь Зверя приподнялась, и я пояснила:

— Ты, должно быть, разрываешься между тем, чтобы преследовать Андре, и остаться со мной.

По губам Зверя скользнула усмешка.

— Ты же, — я сглотнула, — хочешь убить его? Ты должен хотеть, — тихо добавила я.

— Хочу, — не стал кривить душой Фиар. — И лишь память Анжу мешает мне сделать это.

— Потому что Андре не убивал моего отца? — спросила я.

Губы волка сжались в одну линию. На щеках заходили желваки.

— Он бездействовал, — отрезал Зверь. — Он все равно что убил.

Я кивнула. В этом я была с ним согласна.

На мой вопросительный взгляд, мол, тогда почему же, Зверь нахмурился.

— Твой отец был удивительным человеком, Эя, — произнес он. — Я никого не встречал, равного ему по силе. Силе духа, твердости, силе сердца.

Я замерла, слушая Зверя.

— Сердце Анжу было огромным. Порой казалось, ему мало этого мира. Казалось, он родился не в том месте и не в то время. Не в свое время, понимаешь, Эя? Он слишком опередил нас. Он... просто не вписывался в эпоху.

Глаза у меня защипало. Я любила папочку, очень, очень любила. Как отца. Как любящего, заботливого родителя. Но любила ли я его как человека? Мага? Ученого? Человека, который опередил свою эпоху? Знала ли я его так хорошо? И что-то мне подсказывало: нет. И моя дочерняя любовь, которая до этого казалась мне бескрайней, безграничной, вдруг стала какой-то куцей и неполноценной по сравнению с огнем в глазах Зверя. Он действительно *знал* моего отца. Действительно его любил.

— Несмотря на то что Анжу знал правду о церковниках и даже докопался до тайной информации об Источнике, — продолжал Зверь, — он любил пасынка. Твой отец, Эя, знал, что так и будет. И взял с меня слово, что не трону его, что бы ни случилось.

— И ты дал слово отцу? — спросила я.

Зверь нахмурился.

— Мне пришлось. Если опасность не грозит мне или кому-то, и особенно тебе, я не трону его. И этот твой... кузен... словно знает об этом! Проклятье Луны! Он никогда не убивает своими руками!

— Он тоже хорошо знал папу, — вырвалось у меня.

А Зверь посмотрел на меня с облегчением. Должно быть, думал, что я не пойму.

Я мягко отстранилась от него и позвала:

— Пойдем домой?

Глава 12

Когда мы вдвоем появились в саду, там было пусто. И все же было ощущение, что за нами внимательно, пожалуй, очень внимательно наблюдают. А когда я по неловкости подвернула ногу и Зверь поддержал под локоть, к ощущению, что смотрят, прибавилось откуда-то знание, что еще и ликуют. И хоть в жесте Фиара не было ничего предосудительного, я густо покраснела и осторожно отстранилась. Он не настаивал.

Время близилось к вечеру. Обед мы оба благополучно пропустили.

Я ответила согласием на приглашение Фиара на ужин и, присев в поклоне, удалилась в свои покои, чтобы сменить туалет. В этом не было нужды: в Заповедных землях, даже если это замок рода Альбето, условности не соблюдались так уж строго, да что там, не соблюдались в принципе. Но находиться рядом с ним и молчать (потому что Зверь молчал) было как-то интимно, что ли... А говорить самой не то что было неуместно или глупо, просто за сегодня сказано было слишком много, и мной и им, и сейчас слова казались лишними.

Поэтому, когда подвернулся такой правдоподобный предлог, как смена туалета к ужину, я не преминула им воспользоваться. К тому, как нелепо выглядит эта смена туалета в то время, как расхаживаю по замку не только без белья и даже без чулок, я успела привыкнуть.

Когда осталась одна, выдохнула и, прижавшись спиной к стене, сползла вниз, усевшись прямо на ковер. Какое-то время сидела, обняв колени руками и раскачиваясь вперед-назад.

Один раз дверь даже приоткрылась, и внутрь просунулась взлохмаченная головка Эльзы. Я ожидала ахов, охов, восклицаний и обещаний не отходить от меня ни на шаг, заверений, что простужусь, ведь люди такие нежные... Но ничего из этого не последовало, меня снова оставили одну, за что я была благодарна. Я сидела бы так и дальше, но мысль о том, что опоздаю на ужин, а то и вовсе пропущу его, чем, несомненно, обижу Зверя, не давала расслабляться.

Я вытерла слезы (а их к этому моменту снова набежало предостаточно) и направилась в омывальную. Воспоминания о том,

что Андре прикасался ко мне, к моему платью, были опустошенно-болезненными, а еще какими-то липкими.

Откинув волосы назад, я забралась в каменную лохань и прикосновением к специальной выемке в стене вызвала водопадик. Сразу вода оказалась холодной, и я взвизгнула, но потом она потеплела, да и я привыкла, и поэтому долго и с наслаждением подставляла упругим освежающим струям тело, пока ощущение липкости не смылось окончательно.

Завершив омовение, я закуталась в полотенце и прошла в гардеробную.

В дверь постучали, и я откликнулась:

— Входи, Адела.

Волчица юркнула в комнатку и прикрыла за собой дверь, чтобы не напускать вечернюю свежесть. Но небольшой ветерок все же успел ворваться внутрь, и я зябко повела плечами.

— Я опаздываю? — поинтересовалась я.

Адела покачала головой.

— У тебя уйма времени, — сказала она, а потом, с подозрением глядя мне в глаза, решила спросить: — С тобой все в порядке?

— Сколько тебе лет, Адела? — невпопад спросила я волчицу.

Та недоуменно пожала плечами, но ответила:

— Восемьдесят.

Я кивнула своим мыслям.

— Значит, ты помнишь войну. Между людьми и... свободным народом.

— Войну, — глухо повторила волчица и криво усмехнулась.

Я поняла, о чем она. Бойня, избиение, уничтожение... Это действительно трудно назвать войной. Особенно поначалу, когда свободный народ был застигнут врасплох.

— Вас оттеснили с ваших земель. Отрезали от Источника.

Адела кивнула.

— Загон оборотней в резервации — так они это называли. На деле же истребляли нас сотнями. Тысячами. Мы сопротивлялись. Мы бились до последнего. Отстаивали свои земли, свое право на независимость.

— Но у них была магия, — глухо сказала я. — Проклятая магия Аты. Магия иллюзий. Магия безумия.

— Мы попадались в ловушки сотнями, — прошептала Адела.
Взгляд ее затуманился. Губы дрожали. Волчица вспоминала. И воспоминания ее не были радостными.

— А ваших магов с вами не было, — продолжала я.

Волчица вскинула взгляд.

— Стихийников, — подсказала я.

Адела кивнула.

— Мы называли их носителями, — сказала она. — Они несли в себе дар матери. Дар природы, дар жизни.

— Вам пришлось отступить, — сказала я. — И Церковь завладела Источником.

Адела неопределенно пожала плечами.

— Теперь им нужны и эти земли, — сказала она. — Церковники не остановятся, пока не уничтожат нас. Мы, на кого не действует стирание памяти, кто хранит в себе память Смутного времени, всегда будем угрозой для безумных жрецов. Просто потому, что помним. И свою историю, и историю людей.

— Значит, иллюзии действуют, а стирание памяти невозможно, — кивнула я своим мыслям. — Мне жаль, что тебе пришлось пережить все это, Адела.

Волчица пожала плечами.

— Я пережила. Несмотря ни на что. Много кто не пережил.

Голос волчицы дрогнул, и она замолчала. Я поняла, что Адела, должно быть, потеряла на войне много близких. Членов своей стаи... родных... Я хотела спросить, но не решилась.

Словно прочитав мои мысли, Адела кивнула, а потом прошептала:

— В первую очередь они расправлялись с самками и щенками, — она подняла на меня взгляд. — То есть с женщинами и детьми.

— Это бесчеловечно, — вырвалось у меня.

— Женщины рожают детей, — прошептала Адела. — Дети вырастают и становятся волками.

— Да, это я уже слышала, — сказала я. — Так говорила Фосса. Мать, потерявшая пятерых сыновей.

— Я знаю Фоссу, — кивнула Адела. — Нас не так много осталось.

— Как ты считаешь, Адела, — спросила я, пристально глядя в глаза волчице. — Если стаи вновь объединятся, у свободного народа есть шанс отбить Источник?

Волчица выдержала мой взгляд. Не отвела глаз. Но молчала. Наконец произнесла:

— Есть только один волк, кому под силу объединить кланы. Он делал это раньше, когда свободный народ был многочисленнее. Сможет и теперь.

Я закусила губу и кивнула. Я услышала, что хотела.

Адела посмотрела на меня вопросительно.

— Прости, что налетела с расспросами, — сказала я.

— Я сама пришла, — пожала плечами волчица.

Я в очередной раз подивилась, как сильно у волков развита интуиция. Ведь я не звала ее. Я только подумала, что нам надо поговорить. И все. И она пришла.

— Ты становишься одной из нас, Лирей, — серьезно проговорила Адела. — По-настоящему. Сердцем.

Я не ответила. Но мы обе знали, что она права.

— Ты собираешься одеваться к ужину? — спросила Адела. Волчица окинула взглядом мои голые плечи. — Или пойдешь так? Я бы посоветовала...

— Ты вряд ли такое посоветуешь, а Джейси и Эльза пришли бы в восторг, приди мне на ум идея выйти к ужину в полотенце.

— Джейси и Эльза? — переспросила Адела ангельским тоном. — Я знаю еще как минимум одного волка, кто пришел бы в восторг от этой затеи.

По тому, как запылали щеки, я поняла, что густо покраснела, и поэтому попыталась перевести разговор.

— А что Джейси и Эльза? Они так и не зашли. Правда, Эльза, пыталась, — добавила я после паузы.

— Я же говорю, ты становишься одной из нас, Эя, — серьезно сказала волчица. — Мы все чувствуем друг друга. Мы знаем, когда у кого какое настроение, когда кому больно или, наоборот, хорошо.

Я вспомнила, что меня всегда влекло подобное в дружбе Виллы и Фоссы, и других волчиц свободного народа. И вот теперь... Адела говорит, что становлюсь одной из них.

— Это после той ночи? — спросила я. — Когда мы все вместе зывали к Луне?

— То, что ты самка нашего вожака, сделало тебя госпожой, — серьезно проговорила Адела. — Но в ту ночь ты стала неотделима от

стаи. Ты стала одной из нас, Лирей. Не по крови, но по духу.

— Мой отец и Фиар... — начала было я.

— Я помню Анжу, — сказала Адела. — И конечно же, знаю, что они смешали кровь с альфой.

— Ты знала моего отца? — воскликнула я и подумала, что глупо удивляться. Адела старше Фиара, она была одной из первых, кто ушел за ним в этот замок и начал жить, как человек. Должно быть, это было в то время, когда мой отец еще жил здесь...

Адела кивнула.

— Я знала его достаточно хорошо, чтобы сделать все возможное для того, чтобы помешать ему вернуться в королевство. Но все оказалось впустую. Он все равно ушел. Он поставил перед собой цель: во что бы то ни стало докопаться до сути.

— И он докопался, — вырвалось у меня.

— Да, — согласилась волчица. — Ценой собственной жизни. В твоих силах, Лирей, поступить так, чтобы жертва Анжу не была напрасной.

— О чем ты говоришь?

— Ты знаешь о чем.

Пробурчав, что мне пора одеваться и что ужин остынет, Адела покинула гардеробную.

Я же закусил губу и подошла к зеркалу, прикладывая к себе платье.

Карминовый бархат, длинные рукава, отделка золотом. То, что нужно, чтобы скрыть излишнюю бледность и чуть припухшие от слез глаза.

Отец сказал, что моя магия поможет спасти Источник. Фиар объединит кланы, в этом я, как и Адела, не сомневалась. Наш союз позволит отбить Источник и земли свободного народа, остановит вторжение сил безумной Богини в мир. Так говорит пророчество...

И у меня не было никакого основания не верить ни ему, ни Фиару, моему мужу.

Я быстро скинула полотенце и натянула сорочку, а затем набросила платье. Пришлось повозиться со шнуровкой, чтобы оно село по фигуре, но результатом я осталась довольна. Волосы успели подсохнуть, поэтому довершила начатое подогретым полотенцем, а

затем тщательно расчесала их, после чего снова убрала в косу, перекинутую через плечо.

Когда снова взглянула в зеркало, на меня смотрела незнакомая девушка. Все было прежним: волосы, кожа... Черты лица. Глаза — зеленые-зеленые, как первая листва... Но выражение их стало каким-то другим. Из взгляда исчезли обреченность и затравленность. Мне не нужно было больше смиряться с судьбой. Теперь, когда прочитала письмо отца и выяснилась правда об Андре, я вынуждена была признать, что судьба вела меня так, как было нужно. И была со мной бережна...

Как сказала Вилла? «Тебя берегли так, как не берегут щенков...»

Именно. Судьба, как бы это ни выглядело со стороны, берегла меня так, как не берегут щенков.

Я снова посмотрела на свое отражение в зеркале и закусила губу.

Дело оставалось, как говорится, за малым. Как говорится...

Пробудить мою магию. Распаковать во мне, так сказать, всю магию моего рода. Дать мне возможность обрести магические способности. То, что мое по праву. И в этом же была загвоздка.

Сделать это можно не иначе как слиянием.

С моим мужем. Со Зверем. С альфой Стаи Семи Лесов. С волком, которого я не знаю и не люблю. И который не знает и не любит меня...

Почему-то последняя мысль причинила боль.

Я чувствовала себя загнанным зверем. Попавшей в мышеловку мышью. Этого последнего и решающего шага ждали от меня все. Зверь, который был со мной терпеливым. Волки. Черная стая. Должно быть, те волки, точнее, волчицы, с которыми удалось познакомиться до того, как встретила Зверя. Даже я сама, проклятье Луны, ждала от себя этого шага!

— Почему он так терпелив со мной? — вырвалось у меня. — Не лучше бы было покончить со всем этим одним разом? Почему все ждут какого-то моего согласия?

Говорила так и не верила себе. Просто-напросто знала, что если бы Фиар принуждал меня, то никогда бы ему не простила. Хотя он мог... И был бы в своем праве.

Какое-то время я бесцельно металась по гардеробной, перекладывала с места на место вещи. И лишь когда Эльза с Джейси

постучались в мои покои третий раз, вдохнула, выдохнула и пошла к выходу. Навстречу своей судьбе.

* * *

Когда я вышла на лестницу, оказалось, что Фиар ждет меня внизу.

Я опешила, думала, что волк будет ждать за столом, и потому застыла, как статуя.

А когда увидела взгляд Зверя, поняла, что не смогу сделать ни шагу.

Он просто стоял и смотрел... Когда увидел меня, лицо его практически не изменилось. Только, пожалуй, складка между бровей стала глубже, губы чуть больше поджались, а взгляд... Глаза вспыхнули каким-то новым светом. И свет этот преобразил это словно высеченное из скалы лицо с грубыми, но правильными чертами. И вот он смотрит... И я тоже смотрю, не в силах отвести взгляд.

Фиар вышел из оцепенения первым.

То ли шутливо, то ли всерьез он изобразил поклон, который сделал бы честь любому аристократу, учитывая, что ее величество особенно взыскательна к придворным во всем, что касается придворного этикета...

И я... У меня колени ослабли, и, чтобы удержаться на ногах, я положила руку на перила. Подумалось, что у меня не было дебюта при дворе, как у Виталины и Микаэлы, не было и никогда уже не будет. Я не буду участвовать в бале дебютанток, в новом белом платье, меня не будут представлять разным именитым домам, не придется приседать в глубоком реверансе перед его и ее величествами, не буду ловить на себе жадные, восхищенные взгляды. Этого всего не будет... И этого всего не хочется.

Здесь, в замке на самом севере Заповедных земель, на земле, которая веками принадлежала роду моего отца, а теперь принадлежит вожаку черной стаи, в этом огромном холле нет никого, кроме нас. Меня и... Зверя. И он смотрит на меня так, что этот взгляд стоит сотни тех, что бросали бы на меня при дворе... Потому что в нем есть и жадность, и восхищение, и даже как будто страх... спугнуть?

Осознав, что слышу чувства волка, я зарделась и потупилась. Как сегодня сказала Адела? Я становлюсь одной из них. Не по крови, а по сути. Одной из свободного народа. А нас со Зверем связывает еще брачное свидетельство, подписанное кровью моего отца. Моей кровью.

Я несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула. А Зверь продолжал ждать меня, словно ожидать у лестницы несколько минут — это нормально.

Пальцы с такой силой впились в деревянные перила, что пришлось чуть ли не разгибать их по одному.

Понимая, что это, в конце концов, неприлично, я снова выдохнула и принялась спускаться. Сердце грозило выпрыгнуть из груди, а пылающий взгляд волка, казалось, прожигал насквозь.

Когда оставалось несколько ступенек до низа лестницы, наши со Зверем глаза оказались на одном уровне.

И он протянул мне руку. Как тогда, когда восседала на ритуальной скале и с ужасом наблюдала за брачным поединком. Тогда я спрятала руку за спину и, кажется, покачала головой. Сейчас сделать подобное не представлялось возможным. Да и не хотелось.

Не отводя взгляда, я вложила пальчики в широкую ладонь, и пальцы Зверя сомкнулись поверх моих, словно силок, в который угодила птица. Так же не отрывая взгляда, Зверь склонился над моими пальчиками в поцелуе, и когда его губы прикоснулись к коже, по телу прошла теплая дрожь.

— Ты просто потрясающе выглядишь, Эя, — сказал волк, и столько искренности было в его голосе, что я невольно часто заморгала.

— Я никогда ни у кого не видел таких глаз, как у тебя, — продолжал Зверь, и помимо воли мои губы растянулись в улыбке. — И такой улыбки, — скупое усмехнувшись в ответ, произнес Зверь. — Мне хотелось бы, чтобы ты улыбалась чаще.

Как назло, все слова словно вылетели из головы. Она ощущалась пустой, как магический осветительный шар. Нет, пожалуй, внутри осветительного шара все же есть свет, у меня же в голове было пусто. Я понимала, что молчать, не отвечая на комплименты, — это, по крайней мере, неприлично, но ничего не могла поделать.

Вместо этого губы растянулись в улыбке еще больше. И, судя по взгляду Зверя, ничего другого ему не надо было.

— Улыбайся чаще, Эя, — повторил Зверь и снова склонился в поцелуе над моей рукой. На этот раз прижался губами сильнее и продержал мою руку у своих губ дольше, чем допускал этикет, но в зале не было ни одного блюстителя нравственности, вообще не было никого, кроме нас, а нам было все равно. Это я прочитала в глазах волка, и это, я знала, было написано в моих глазах.

— Герцогиня Ньюэйгрин, леди Лирей Анжу Альбето, позвольте сопроводить вас на ужин, — полушутливо предложил Зверь.

— Но, — запротестовала я, — если я твоя жена, должна носить твое имя.

И Зверь улыбнулся. Впервые за все время, что знала его, он улыбнулся так открыто и как-то по-мальчишески обескураживающе.

А потом развел руки в стороны.

— Увы, герцогиня, — сказал он. — У меня нет ни титула, чтобы передать вам и вашим детям, ни имени, которое могла бы взять жена. У свободного народа нет такой традиции.

— Как же зовется жена альфы? — отчего-то прыснув, спросила я. — Вожака? Главная самка? Вожачка?

Зверь хмыкнул, показав, что оценил шутку.

— Нет, — покачал он головой. — Не так.

— А как? — не унималась я.

— Если альфа зовется правой лапой, — начал он. — То его, — он смерил меня взглядом, — самка...

—левой лапой! — закончила я за него.

Волк кивнул с такой серьезной миной, что я не выдержала и, запрокинув голову, рассмеялась. А потом присела в книксене:

— Герцогиня Ньюэйгрин и Полерского леса, леди Лирей Анжу Альбето, левая лапа Стаи Семи Лесов, с удовольствием принимает ваше предложение, альфа.

Уголок рта волка дернулся. Насколько я успела изучить его, это должно означать усмешку.

— Черной стаи, миледи, — проговорил он. — Того, что от нее осталось...

— Не так уж и мало, — не сдалась я. — Но все же день, когда вы снова станете альфой Стаи Семи Лесов, муж мой, не за горами. Так

что с вашего позволения... — и снова присела в книксене.

— Объединить все стаи снова после того, как они, как им кажется, глотнули свободы и еще не вдосталь наигрались в борьбу за первенство... — Зверь хмыкнул.

— Именно! — воскликнула я. — Именно когда они более чем наглотались свободы, волки снова пойдут за тобой. Я же видела, я знаю, как они живут. Вожаки делают все возможное, это правда, но многие выходят из-под контроля в надежде когда-нибудь свергнуть вожака своей стаи и занять его место. Им всем не хватает главного. Еще одного вожака, альфы, который будет руководить всеми вожаками, как генерал офицерами!

В глазах волка блеснул неподдельный интерес. Или восторг? Нет, пожалуй, все-таки интерес... Дома я привыкла, что к мнению женщины не прислушиваются, то есть прислушиваются, конечно... в том, что касается заготовки солений на зиму, шитья, вышивания гобеленов, даже утепления доспехов. Но не более того. Разговаривая со Зверем, я просто забыла, что пересекла грань, куда, по заверению Виталины, женщине соваться не следует... И уж чего не ожидала, так это того, что мои слова не просто услышат, к ним... прислушаются.

— Это новость, — задумчиво проговорил Зверь, продолжая прожигать меня взглядом. — Моя женушка не только красива, обворожительна и смела до безрассудства, но еще и умна!

— Смела? — пискнула я, совершенно забыв, что мы по-прежнему беседуем на лестнице, в то время как должны были направиться к столу. — До безрассудства?

— Только очень смелая женщина бросится в бега по лесам Заповедных земель, — серьезно проговорил Зверь. И, не давая мне возможности как следует покраснеть от справедливого упрека, задумчиво произнес: — Значит, как генерал офицерами...

Я захлопала ресницами, неужели мои слова попали в цель? Зверь же продолжал рассуждать вслух, кажется, не одна я и думать забыла об ужине.

— Когда я водил за собой Стаю Семи Лесов, я был единственным вожаком. Единственным альфой. Другого не было...

— Должно быть, это было очень трудно. На грани невозможного, — заметила я.

Зверь пожал плечами. Если и так, то он явно не из тех, кто замечает трудности.

— И все же сейчас, когда кланы объявили себя стаями и живут как стаи...

— Достаточно контролировать их вожakov, а они уже обеспечат дисциплину в своих стаях, — снова пискнула я. — Более того, стаи тоже можно разбить на небольшие дивизии и в них тоже назначить главных. Теперь, чтобы завоевать первенство, самцы будут думать, что нужно одолеть как минимум трех вожakov. Но даже победа над вожакom своего клана не будет означать первенство стаи, потому что стая снова будет одна...

Я замолчала, перехватив взгляд Зверя. В нем точно было восхищение. И неподдельное изумление.

— Ты не в первый раз повторяешь слова Анжу, — глухо произнес Зверь. — Тогда я был слаб и не хотел даже слушать об этом... Где ты научилась этому? Я думал, человеческие женщины коротают время за вышиванием гобеленов.

Я польщенно хихикнула.

— Я изучала военное дело, — пояснила я и, когда глаза Зверя чуть не вылезли из орбит, поспешно добавила: — Теоретически. И историю, конечно. В том числе историю завоеваний. Папа настаивал, чтобы наше образование было разносторонним. Сестрам на таких занятиях было скучно, — я пожалала плечами, — а мне интересно.

Во взгляде Зверя сквозило такое неприкрытое восхищение, что меня понесло, как маленькую.

— А еще я хорошо сижу в седле и стреляю из лука. Деревенские мальчишки даже прозвали меня амазонкой!

— Признаться, когда я обещал Анжу позаботиться о его дочери и наследнице, пусть даже в качестве ее мужа, я ожидал... немного другого, — проговорил Зверь.

— Ты разочарован? — вырвалось у меня. И сердце заколотилось. Ведь говорила Виталина, не лезь никогда к мужчинам со своими советами, знай свое место...

— Разочарован? — вот сейчас Зверь выглядел действительно ошарашенным. — Я? Ты серьезно? Да одной твоей красоты и доброго сердца с лихвой хватило бы, чтобы сделать счастливым любого, Лирей. А ты еще, оказывается, невероятно умна.

Ужин пролетел незаметно.

Было много разговоров и смеха. Фиар достал альбом с большими листами, и мы принялись чертить на нем самые разные схемы. Зверь был искренне рад моим познаниям в области истории, из той ее части, которая повествовала о подготовке к битвам, стратегии, схемам ведения боя. Много, очень много он прекрасно знал и без меня, но сейчас, когда я, захлебываясь, рассказывала об этом (Виталина остановилась бы на слове «тараторила»), Фиар признался, что легче вникать в ту или иную стратегию, обсуждая ее.

А еще он был просто рад поговорить. Несмотря на то что в основном говорила я, Зверю тоже удавалось вставить слово или признать ту или иную стратегию провальной или выигрышной. Я подумала, как одинок, должно быть, был тот, кто априори выше всех своих людей, то есть волков, по «статусу», и как, должно быть, он привязался к моему отцу за время их совместного проживания в этом замке.

Конечно, мы поговорили и об отце. Фиар рассказывал об их разговорах, прогулках, тренировках, об опытах Анжу Альбето, о росте силы его магии. Впервые вспоминая папу, я не чувствовала грусти, может, совсем чуть-чуть, но она была такой нежной и щемящей, что испытывать ее было даже приятно.

Когда замковые часы пробили полночь, мы с Фиаром посмотрели друг на друга с изумлением, словно заигравшиеся дети, которых застали врасплох.

Обоим не хотелось, чтобы этот вечер заканчивался.

Зверь предложил прогуляться в саду и я с радостью согласилась.

И мы просто бродили по дорожкам, а над головами порхали мотыльки со светящимися крылышками, и где-то вдалеке раздавался волчий вой, но звучал он не тревожно, а как-то сладко.

Наконец Зверь проводил меня до двери покоев.

Когда он разогнулся после того, как поцеловал мои пальцы, я прошептала:

— Ты... ты не давишь... не настаиваешь.

Фиар сглотнул. Лицо его оставалось невозмутимым, но я постепенно училась распознавать эмоции Зверя. Несмотря на свою наивность, я знала о переполняющем его желании. По взглядам, которые бросал на меня. По осторожным, словно боялся спугнуть,

прикосновениям. По огонькам, которые то и дело вспыхивали в его глазах, по стиснутым зубам и ходящим на щеках желвакам.

— Мне показалось, ты начала доверять мне, — хрипло сказал Фиар.

Он сказал это просто, бесхитростно, и в то же время было видно, он ждет, что отвечу. Ждет подтверждения.

Я присела в книксене и прошептала:

— Не показалось.

Мою руку снова поднесли к губам, а в следующий момент я оказалась прижатой к рельефной мускулистой груди. Находясь так близко от Зверя, так, что ощущала, как гулко бьется его сердце, я почувствовала себя какой-то маленькой, слабой и очень беспомощной. Но от Фиара веяло такой силой и мощью, что я чувствовала себя защищенной от всего мира, и это ощущение было таким сладким.

И было еще одно чувство. Новое. Почти неосознанное, какое-то нераспознаваемое. Но именно оно заставило меня запрокинуть голову и приоткрыть губы для поцелуя.

И Фиар поцеловал.

Рука, которой он поддерживал мой затылок, дрогнула, что подсказало, что Зверь напряжен, и в то же время его губы едва коснулись моих. Поцелуй был нежный, невесомый, как случайное прикосновение крыла бабочки.

Я не знаю, что произошло со мной, возможно, после такого меня действительно следует считать распушенной... Но я приподнялась на цыпочки, подаваясь навстречу Зверю. Я обвила его могучую шею руками и прижалась губами к горячему рту.

Зверь замер, но только на миг. В следующий миг меня целовали... так, что кружилась голова, что слабели колени и подкашивались ноги. Если бы Зверь не держал меня, я упала бы, так внезапно я ослабла в его объятиях. Нежно, властно, с какой-то скрытой силой... Мне почти не с чем было сравнивать, но что-то подсказывало, такое не происходит во время поцелуев с каждым. Тело налилось какой-то звенящей легкостью, я словно парила в бездонной ночной синеве, словно кружилась в одном хороводе со звездами и знала... Я точно знала, мне не дадут упасть. Меня удержат.

Я пришла в себя и обнаружила, что, тяжело дыша, прижимаюсь к мускулистой груди Зверя. Запрокинув голову, посмотрела вверх и

зарделась, встретившись с ним взглядом. В его взгляде было много удивления, но также много и восторга, и нежности... И желания! Вспомнив об Альбине, я поняла, что не только я сейчас понемногу открываюсь своему мужу. Он тоже открывается мне. И это просто волшебно.

Большой палец Зверя скользнул по моим губам.

Склонившись к самому лицу, Фиар хрипло проговорил:

— Ты только начала доверять мне. Я не хочу утратить твоего доверия одним неосторожным жестом или поступком. Я хочу, чтобы ты привыкла ко мне. Чтобы раскрылась и подарила себя добровольно.

И он поцеловал снова.

В этом поцелуе было все: нежность, страсть, желание, скрытое ожидание и... надежда.

Не думая ни о чем, я обмякла в его сильных, надежных руках, и когда поцелуй закончился, пришлось какое-то время приходить в себя, потому что ничего, кроме чувства полета, я не ощущала.

В эту ночь я долго не могла заснуть, трогая свои губы, щеки, прислушиваясь к непонятному томлению в груди и внизу живота. Стоило подумать, что Зверь здесь, за стенкой, что наши спальни разделяет дверь, томление усиливалось... и вместе с тем знать это, думать о его близости было приятно.

Обняв подушку, я зарылась носом в подушку, вдохнула горьковатый и освежающий аромат лаванды и заснула. Крепко. Без сновидений.

Глава 13

Утро было светлым, солнечным, до того чудесным, что внутри что-то тревожно сжалось: в последнее время любое изменение в моей судьбе означало одно — жди беды. Сегодня, стоило проснуться и потянуться в лучах утреннего солнца, как кошка, я подумала, что давно не просыпалась в таком чудесном настроении.

Джейси и Эльза, которые, судя по одинаково хитрому выражению мордочек, давно караулили под дверью, прислушиваясь к малейшим шорохам, ворвались в опочивальню, когда я кружилась по ней в одной сорочке с лентой для волос в руке.

Тихо напевая под нос, я сделала еще несколько па, изображая, что ничего и никого вокруг не замечаю, прежде чем обернуться к юным волчицам.

Хитрющее выражение лиц сменило радостное. Восторженное, предвкушающее...

Вместе мы перестелили простыни на ложе, накрыли его тонким лавандовым покрывалом и опустили занавески балдахина, чтобы внутрь не налетели насекомые. Девушки унесли с постельным бельем, а я, по-прежнему напевая, удалилась в оmyвальную.

Когда спустя полчаса я появилась из гардеробной в новом нарядном платье цвета мяты, с лентой в тон в распущенных волосах, которые собрала с боков и завязала сзади, то замерла с улыбкой на губах прямо на пороге.

Фиар стоял у окна. Улыбался, глядя на меня. Но что-то мне подсказывало, что предшествовало этой улыбке хмурое и даже напряженное выражение.

— Добро утро, Эя, — сказал Зверь.

— Доброе утро, — ответила я и присела в книксене. — Что-то случилось?

— Ты не против? — спросил Зверь и показал взглядом на дверь, соединяющую наши опочивальни.

Я потупилась.

— Ты мой муж, — ответила после небольшой паузы.

А потом, не веря, что это происходит наяву, и вообще поражаясь собственной смелости, приблизилась к Фиару и, привстав на цыпочки, обвила его шею руками.

Когда в голове немного прояснилось после поцелуя, повторила свой вопрос:

— Что случилось, Фиар?

Зверь пришел в себя тут же. Чуть сильнее сжав меня в объятиях, он проговорил:

— Мне нужно покинуть замок.

Я подняла взгляд и попросила:

— Скажи... пожалуйста.

Ответ был кратким.

— Церковники.

Я кивнула. Чего-то такого я и ожидала. Да и наивно было думать, что Андре приходил за мной один. Наверняка он хорошо подготовился. Просто они не смогли подобраться к замку, не пустила магия рода Альбето. Андре же воспользовался тем, что был роду Альбето... не чужим. Был.

— Фиар, пожалуйста, — попросила я снова. — Скажи мне правду.

Зверь кивнул. Посмотрел на меня выжидательно, заправил локон за ухо, провел пальцами по щеке. Он смотрел на меня с сочувствием, словно знал, что то, что скажет, неизменно причинит боль. Но не сказать не мог. Я сама попросила сказать.

— Они похитили троих щенков, — глухим голосом проговорил Зверь. — Детей.

Я ахнула, зажав рот ладонью. Но быстро справилась с собой.

— Поспешి, — серьезно сказала я.

Зверь кивнул.

— Помни, Эя, — сказал он. — Это может быть поводом. Ловушкой. Не для меня, для тебя.

Я сглотнула.

— Возможно, это способ выманить меня из замка, — сказал Зверь. — Чтобы подобраться к тебе.

— Но подойти сюда они не могут, — прошептала я.

— Не все, — напомнил Фиар об Андре.

Видно было, что ему неприятно было делать это, но иначе Зверь поступить не мог. И я его понимала.

— Он не сделает мне ничего дурного, — пробормотала я, но голос дрогнул.

— Помни, Эя, — тихо сказал Зверь. — Когда умирал Анжу, этот подлец бездействовал.

Я кивнула.

— Его не сдержит магия Альбето, но замок охраняет черная стая, — сказал Зверь. — В прошлый раз волки подпустили его к замку...

— Потому что ты должен был знать, — закончила я за него.

Фиар кивнул.

— Я понимаю, — проговорила я.

— Замок хорошо охраняется, Эя, — сказал Фиар. — Но я прошу тебя: не рискуй больше. Не верь никому...

— Когда я попалась аббатам, — тихо сказала я, — тогда Альбина передала письмо от мамы.

Показалось, что я должна рассказать об этом. Давно надо было.

— От мамы? — переспросил Фиар. — Ты уверена?

Я кивнула.

— Это был ее почерк. И я... чувствовала.

Зверь сжал зубы так плотно, что на щеках заходили желваки.

— Не позволяй им поймать тебя на тот же крючок, — наконец сказал он.

— Обещаю.

Зверь помотал головой.

— Ты не понимаешь, Эя, — глухо сказал он. — Аббатам чуждо понятие благородства, чести, достоинства, жалости. Если есть хоть крохотная лазейка в твою душу, они сделают все, чтобы пробраться туда. Это может быть новое письмо, написанное твоей матерью... Может быть письмо с угрозами в ее адрес. Вплоть до локона волос или...

Зверь запнулся, не стал договаривать, но я поняла.

Сглотнув, я закусила губу и кивнула.

— Я смогу справиться с собой.

Фиар посмотрел на меня вопросительно, нахмурившись, и я, тряхнув головой, кивнула снова.

— Я дождусь тебя.

— Помни, здесь ты среди друзей, Эя, — сказал он. — Любой волк черной стаи будет защищать тебя ценой собственной жизни. Не рискуй моей стаей, Лирей. Доверяй им. Не пытайся справиться со всем сама. Если произойдет что-то непредвиденное, сделай все, чтобы дожидаться меня. Тяни время.

— Я понимаю, — шепнула я. — Обещаю, что буду осторожной.

— Я верю тебе, Эя, — тихо сказал волк.

— А я тебе.

И я привстал на цыпочки, чувствуя, как широкие ладони Зверя прошлись по спине, прижимая к себе так тесно, что не вдохнуть.

Поцелуй был коротким, и целовал Зверь с неприкрытой страстью, словно хотел сохранить память о нем. Он терзал мои губы, а я таяла в его руках, млела от восторга, парила где-то там... в пронзительной синеве неба.

С неохотой оторвавшись от моих губ, Зверь поцеловал еще в кончик носа, а потом в макушку.

Пообещав напоследок тоже быть осторожным, Фиар покинул опочивальню.

Весть о похищенных детях разнеслась по замку со скоростью молнии.

Завтрак прошел в тягостной атмосфере. Оказалось, что один из похищенных церковниками щенков — сын сестры Барсы. Я хотела освободить кухарку от ее обязанностей, предложила побыть нелегкое время с семьей, но волчица отказалась.

— Астра не одна сейчас, — сказала Барса. — Ее есть кому поддержать. Я не нужна в стае. Лучше буду здесь, чтобы не думать лишний раз...

Голос старой волчицы дрогнул.

— Фиар выследит их и непременно одолеет, — твердо сказала я. — Он вернет детей семьям.

Адела посмотрела на меня с жалостью. Во взгляде волчицы была боль.

— Еще ни один волк не выходил из рук фиолетовых живым, — бесцветным голосом проговорила кухарка. — Кроме альфы.

— И лишь потому, что они не считали его больше волком и думали, что добились, — добавила Адела. — Мы не сомневаемся в том, что альфа выследит их. И убьет.

— Но на то, что дети вернутся домой живыми, нет надежды, — сказала Джейси и заплакала.

У меня самой щипало в глазах, то и дело вставал ком в горле.

Чтобы не думать о печальном, мы с Эльзой и Джейси спустились в сад, где принялись за работу с каким-то остервенением. Я не чувствовала уколов шипов, не ощущала тяжести кадушек с землей, которые мы растаскивали по клумбам. Но когда запястье обвил зеленый побег, вскрикнула.

Джейси с Эльзой посмотрели на меня встревоженно, а потом Эльза побежала за Аделой.

К тому времени, как волчицы вернулись, побег обвил запястье еще дважды. Я не отнимала руку от живой изгороди, чтобы не повредить росток, и одновременно сердце колотилось как бешеное. В голове успела пронестись лавина догадок: или это какая-то магия церковников с целью заманить меня в ловушку, или сад каким-то чудесным образом ожил, как в сказках старой Пепы.

Но когда Адела увидела меня, растерянную, с беспокойством смотрящую на собственную руку, на лице волчицы проступило, облегчение, а глаза заблестели.

— Милость Луны! — вырвалось у нее, когда волчица перевела дыхание. — Носители вернулись в Заповедные земли.

— Какие носители? — опешила я.

— Носителями свободный народ называл своих союзников, магов стихий, — подсказала Джейси и захлопала ресницами. Они с Эльзой тоже ничего не понимали.

— Что ты чувствуешь, Лирей? — спросила Адела и посмотрела на меня внимательно.

— Что-то, — пробормотала я, бросив взгляд на росток. — Ладонь чешется. Полдня. Чесала, не помогает. Как будто крохотные пузырьки перекатываются под кожей.

— Но не страх? — уточнила Адела.

Я покачала головой. Страх не было.

— Его быть не должно, — сказала волчица и улыбнулась.

Я прислушалась. Предвкушение — точно. Еще ожидание какой-то нечаянной радости, как бывает, когда вот-вот увидишься с кем-то близким после долгой разлуки. Как будто какое-то томящее переполнение, словно внутри так сладко, и сладость эта вот-вот

просочится наружу. И чувство полета, невесомости. Оно было каждый раз во время поцелуя со Зверем. Даже его мимолетное касание вызывало похожие искры... Нет, страха среди всего этого не было точно.

— Это пробуждение, Лирей, — с улыбкой сказала Адела. — Пробуждение магии стихий.

— Что?! — сразу три пары глаз вытаращились на Аделу.

Волчица развела руками.

— Я не смыслю в этом. Просто помню из рассказов Анжу. Он говорил, что узнал о пробуждении своей магии, когда устроил небольшую грозу у отца в библиотеке. Ты же полдня возишься в саду, вот стихия земли и откликнулась на зов носителя.

— Я... я не звала, — пробормотала я, а росток вновь обвился вокруг руки, подбираясь уже к локтю, словно специально опровергал мое заверение.

— Само пробуждение магии — уже зов, — назидательно сообщила Адела и пояснила: — Это тоже говорил Анжу.

— Но как же, — пролепетала я, вспомнив, что для пробуждения магии нужно слияние, по крайней мере так говорил Зверь, — ведь ничего не было...

— Совсем ничего? — невинным тоном уточнила Джейси. Адела шикнула на дочь, а Эльза фыркнула.

Я зарделась, вспоминая прикосновения Зверя, его поцелуи...

Волчицы ахнули. Росток, обвивающий мою руку, покрылся крохотными розовыми цветочками. Сладкий, очень нежный аромат защекотал ноздри.

— Это волшебно! — воскликнула Эльза.

Мы все были с ней согласны.

— Адела, — попросила я. — Вспомни, пожалуйста, что еще отец рассказывал о пробуждении магии.

Волчица кивнула и нахмурилась, сосредоточиваясь.

— Кажется, он говорил, что это очень постепенный процесс. Магия пробуждается осторожно и усиливается...

Я зарделась, но тем не менее подсказала:

— Слиянием.

Джейси с Эльзой переглянулись и хихикнули, а волчица кивнула.

— А, — пробормотала я, снова бросив взгляд на росток, на котором распускались все новые бутоны. — У моего отца... Как это было?

Адела нахмурилась.

— Он пришел в наши земли, когда уже вошел в силу, — сказала она. — И стал учеником Велеса.

Я подумала, что когда-нибудь все это закончится, волчата смогут носиться по лесам, без страха быть пойманными, а матери и отцы будут уверены, что дети вернутся домой. Источник удастся отвоевать у приверженцев Аты и очистить от скверны безумной Богини. А мой дар... То, что унаследовала от отца и всех магов нашего рода, рядом со Зверем раскроется в полную силу. Тогда я тоже стану обучаться у Велеса. Обязательно буду. Картинка встала перед глазами такая яркая, что я невольно заморгала.

— Кажется, там была какая-то невеселая история, — донесся голос Аделы словно издалека. — Когда Анжу пришел в наши земли, ему было нечего терять, так он сказал.

А я задумалась... что я знаю о родителях? Только ту часть их жизни, когда я уже появилась на свет, и немножко того, что было до... А ведь задолго до того, как они встретились, у каждого из них была своя жизнь, полная целей, надежд, мечтаний. Может, даже приключений. Особенно приключений, учитывая, что отец, оказывается, был магом. Я запомнила герцога Ньюэйгрин, Анжу Альбето, как самого любящего отца на свете и нежного, заботливого мужа. А какая-то женщина, если еще жива его первая возлюбленная, должна помнить его совсем другим... Быть может, даже магом, чью силу она пробудила. Хотя это вряд ли. Магия под таким жестким запретом Церкви, что отец мог и не рассказать ей об открывшемся даре. Мог даже уйти в Заповедные земли, найти земли своих предков и учиться магии стихий у лесного божества, только чтобы оградить свою первую возлюбленную от гонений церковников, отвести от нее беду. Возможно, он скрылся здесь, чтобы защитить ее, а когда вернулся, научившись скрывать свой дар, что-то произошло. Может, она не дождалась его... А может, он встретил другую, мать Андре, встретил и полюбил... Стало немного грустно оттого, что я этого так никогда и не узнаю.

Но все же грустить было некогда.

Росток вокруг моей руки двигался. Прикосновения нежных прохладных листочков приятно холодили кожу, тонкий стебелек был живой и отзывался на малейшие мои эмоции.

Вспомнилось, как когда-то, увидев из окна башни, как Виталина с Микаэлой выезжают на охоту, я от злости отбила ладонь о подоконник, но смогла сдержать слезы обиды и разочарования. Я смогла, а небо нет. В тот же день охотничью процессию накрыло проливным дождем.

Потом вспомнилось, как грохотала гроза над фиолетовым, в звездах, шатром церковников, которые оказались вовсе не аббатами, как все их считают, а приверженцами культа безумной богини Аты... Мне было больно и страшно, страшными были и раскаты грома, и молнии, которые чудом не угодили в шатер.

— Значит, это было из-за меня, — пробормотала я, продолжая задумчиво разглядывать росток. — Значит, магия стихии словно спала во мне с самого детства, и в минуты обострения эмоций ее сон был поверхностен. А сейчас... Сейчас она начала пробуждаться.

Волчицы ловили каждое мое слово и удивленно смотрели на меня.

— Здесь же есть библиотека! — осенило меня.

Крик получился таким громким, что глаза Джейси и Эльзы еще больше округлись, а росток испуганно соскользнул с руки и устроился на кусте.

Я рассеянно погладила пальцами побеги. Они отозвались шелестом и прикосновением листьев.

— Здесь папина библиотека, — повторила я уже тише. — Я видела книги в кабинете Фиара. Папа должен был оставить записи... И я должна все это прочитать! Чтобы знать, что со мной происходит!

— Да и мне будет спокойней, если ты будешь находиться в замке, Лирей, — с облегчением выдохнула Адела.

Я кивнула и, подобрав юбки, понеслась к замку.

За мной понеслись Джейси с Эльзой.

Волчицы оказались очень полезными в поисках папиных записей. В шесть рук мы принялись орудовать на полках уже знакомого мне кабинета Фиара. Удача улыбнулась Джейси. Ей посчастливилось наткнуться на двойной книжный стеллаж. Видимо, в отчаянье от того, что ничего из искомого нам не встречалось, Джейси пнула ни в чем не

повинную стену и по случайности попала по тому самому кирпичу, который являлся рычагом.

Стеллаж с книгами по военному делу и истории благополучно отъехал в сторону, и мы (конечно, заслышав ликующий вопль Джейси, мы с Эльзой были тут как тут) увидели за ним то ли небольшой кабинет, то ли большую нишу, доверху заставленную футлярами со свитками и книгами с пожелтевшими страницами.

Я буквально онемела от восторга. Здесь хранились записи магов нашего рода. Очень многих магов. Что-то я слышала от родителей о своих предках, но о том, что они были сильнейшими магами стихий, понятно, умалчивалось.

Вильгельм Гийом Третий, его «Описание магии воды» в трех томах, с которой он знакомился на островах Океании, где провел тридцать лет бок о бок с морским народом...

Маркус Завоеватель, его «Исследования магии воздуха», «Трактат об управлении погодой» и даже «Руководство по полетам в грозу»...

Оскар Венценосный... Наш род всегда стоял близко к трону, а когда-то даже сидел на нем... Прапра... дедушка Оскар оставил мне в наследство несколько трактатов по управлению магией огня, а также воспоминания, как он лично спускался в жерла действующих вулканов для исследований.

И многое, многое другое.

У меня просто дух захватывало!

Дрожащими руками я взяла толстый гримуар в зеленом переплете, который выглядел самым новым из всех имеющихся книг. Их я обязательно прочитаю. Все. Но этот... Этот в первую очередь. Я узнала на обложке размашистый папин почерк.

Распахнула, и по щекам тут же пролегли мокрые дорожки.

На первом развороте было пусто, но из него прямо мне в ладонь выпал листок, явно вложенный позже.

На листке была одна строчка:

Любимой дочке, моей гордости и наследнице, герцогине
Ньюэйгрин и Полерского леса, леди Лирей Анжу Альбето.

Я поняла, что Фиар вложил этот листок сюда по просьбе отца много позже, чем Анжу Альбето сделал эти записи. Должно быть, отец

попросил его об этом, зная заранее, что буду искать и найду, и чтобы, обнаружив, поняла, что на верном пути...

— Этот лес называется Полерский, — сообщила я волчицам, которые заглядывали через плечо, а увидев на моих щеках слезы, смотрели настороженно.

Они закивали.

— Знали, да? — прогундосила я. — А я не знала...

А потом пришлось выпроводить волчиц из кабинета, потому что одно дело — это искать что-то с их помощью, перекрикиваться из разных углов библиотеки, и совсем другое — пытаться что-то прочитать в их присутствии, когда тебя то и дело толкают под локоть, сопят над ухом, через плечо заглядывая в отцовские записи, постоянно уточняют, понятны ли мне все эти странные значки и каракули, а что я прочитала, а это что значит, а точно ли я уверена, что хорошо поняла, а запомнила ли, а расскажи, а объясни и все такое.

Волчицы насупились, но послушались. Правда, вскоре вернулись с целым подносом вкусок в надежде, что позволю им остаться здесь или расскажу что-нибудь любопытное, но я была неумолима.

Учитывая последние события и подступающую к нам и всему свободному народу Заповедных земель опасность, у нас попросту не было такой роскоши, как время. И если мой пробуждающийся дар может помочь в грядущем противостоянии, я должна узнать о нем все, и даже больше.

Волчицы поджимали губы, сопели, но не возражали.

Оставшись одна, я устроилась за письменным столом и страницу за страницей поглощала записи, оставленные мне отцом.

За окном успело стемнеть, а Эльза с Джейси трижды заменить поднос с едой. Кажется, я ела... Не помню, чтобы чувствовала вкус. Но я читала, это точно! Глотала каждое слово, как голодный обжора свежее испеченные пирожки! Что-то перечитывала по два раза, а что-то и по три. Приволокла сюда же чистый альбом и чернильницу с подставкой для перьев. Что не понимала — прописывала, прорисовывала. Пересказывала своими словами — и понимать становилось проще.

Меня не трогали. Видимо, поняли, что бесполезно, и отстали.

Сейчас середину кабинета Фиара, к моему стыду и позору, украшала лужа с обгоревшим вокруг нее ковром.

Собственно, лужа появилась, когда прочитала, что вода конденсируется из воздуха, то есть, чтобы сотворить воду, необязательно, чтобы ее источник был поблизости. Щелкала пальцами чуть ли не до умопомрачения, так что пальцы эти совсем онемели, а лоб успел трижды покрыться испариной. Когда уже смирилась с временным (а на другое я согласна не была) поражением, с многострадальных пальцев потекла тоненькая струйка. Вызвавшая вопли восторга у меня и лужу посреди кабинета мужа.

Воодушевленная победой, я решила, что раз смогла лужу образовать, так же легко смогу ее же и высушить. Для этого я прибегла к магии огня... ну как прибегла... Воду удалось вскипятить и при этом прожечь ковер в кабинете, проще говоря, продырявить его... И вот сейчас в обгорелом кольце чего-то, что в прошлой жизни было ковром с мягким ворсом, задорно плескалась небольшая лужица, которая обратно конденсироваться, то есть испаряться, почему-то никак не желала.

Приходила Адела, демонстративно принюхивалась. Хотя чего тут принюхиваться? Запах гари буквально глаза ел. Меня ни тем, ни другим было не пробрать, поэтому, поглядывая на меня с сожалением, Адела распахнула окна и, пробормотав напоследок что-то вроде «вся в отца», снова оставила одну.

Спать я отправилась далеко за полночь, и то только потому, что, как оказалось, непреднамеренные «вбросы» дара, особенно если магия пока только зарождается, очень выматывают, сиречь оставляют без сил. Признавшись себе, что чудом остаюсь в сознании, а картинка перед глазами плывет все чаще, я со вздохом прижала папин гримуар к груди и удалилась в спальню.

Отчаянно зевая, приготовилась ко сну и легла, укрывшись тонким, но теплым покрывалом. Последние мысли были о Фиаре. Усилием воли я прогнала из мысленных видений страшные картинки, которые услужливо подсовывало воображение, и провалилась в сон.

* * *

Я хорошо помнила это место.

С легкостью узнала тропинку, деревья... даже небо над головой казалось каким-то родным. Я была в Ньюэйгрине, недалеко от замка, в котором родилась и в котором выросла. Кажется, граница нашего герцогства. С землями церковников — Панемусом.

Стоило вспомнить, как все вокруг заволокла тьма и в памяти воскресли воспоминания, когда была здесь в последний раз. Сначала в видениях, посланным Велесом, после — когда Фиар рассказывал правду об отце.

Я бежала через лес, продираясь через колючий кустарник, кашляла от густой, словно чернила, тьмы и знала: это ночь, когда умер отец.

Я спешила из последних сил. Падала и снова поднималась. Принималась бежать, но ноги словно деревенели, казалось, что я бегу, но вместе с этим не могла сделать и шага. И вместе с тем откуда-то знала, что все кончено. Что-то подсказывало, что отца больше нет.

Было в этой черноте, разлившейся в воздухе, не что-то тревожное, как в прошлый раз, а какая-то безысходность. Что-то, чего уже нельзя изменить.

Предчувствие не обмануло. Я опоздала.

Точнее, с размаху налетела на Андре.

Ахнула, отскочив назад, упала и принялась отползать.

Но вскоре поняла, что напрасно тревожусь. Андре не видел меня. Он с тревогой вглядывался куда-то позади меня.

Я оглянулась. Из кустов вышло трое.

Лицо одного показалось мне знакомым, и, узнав его, я зажала рот ладонью. Это был тот самый аббат, который вышел мне навстречу из фиолетового шатра. Вторым был настоятель монастыря Доринже, побочный сын отца герцога Эберлея. Третий... Его лицо мне было незнакомо.

— Все? — немного подавшись вперед, спросил Андре.

Настоятель Доринже кивнул.

— С герцогом покончено, — добавил аббат.

Я застонала от горя.

Во взгляде Андре не было и тени сожаления.

Губы его дрогнули, но никто на поляне не услышал его слов. Никто, кроме меня.

— Теперь ничто не мешает мне прийти за тобой, фея Эя.

Глава 14

Потянулись серые, похожие один на другой дни. С одной стороны, у меня были пробуждающаяся магия и куча новых знаний, которые надлежало усвоить, если хочу стать хорошим магом и добросовестным учеником Велеса.

С другой — грозовой тучей над всем Полерским лесом висела весть о пропаже волчат, а от Фиара не было весточки. Я ни на минуту не сомневалась в Звере, но словам Барсы, что ни один волк не выходил живым из рук церковников, тоже не было никакого основания не верить.

Постоянно, когда не сидела, закрывшись в кабинете, я думала о Фиаре и несчастных похищенных детях, и, должно быть, настроение мое передалось природе. Небо было серым, низким, неприятно набухшим. Иногда оно прорывалось ливнем, словно прохудившийся ковш, но чаще просто моросило грибным дождем.

Замок продолжал жить привычной жизнью, но днем волчицы ходили с опухшими от слез глазами, а ночью раздавался их слаженный вой. Призывы к Луне.

Меня с собой больше не брали, хоть я и просилась.

— Альфа сказал беречь тебя, — ответили мне, и этим было все сказано.

Я и сама понимала, что в то время, когда кругом рыщут шпионы церковников, покидать замок небезопасно, тем паче носиться ночами по лесам. И все же испытывала потребность в беседе с Луной. Поэтому выходила ночью на балкон и звала. Просила. Молила. Требовала.

Вернуть мне его. Живым. Невредимым. Вернуть волчат. Не дать детям пострадать в руках извергов... Просьб было много, очень много, а просить одной, без волков, без своей стаи... Яне знала, слышат ли меня.

Чтобы забыться, а также быть в боевой готовности, когда придет время, я училась.

Училась до скрежета в мозгах, до онемения рук, пальцев, до потери сознания.

Когда сил совсем не оставалось, я плакала, ощущая себя настолько тупой, что даже не в силах впихнуть в себя и капли знаний.

Пила крепкий кофе с таким количеством сахара, что напиток больше напоминал сироп, ела ложками мед и училась, училась, училась дальше.

Я понимала, что моих сил пока не хватит на что-то серьезное, вроде осознанного управления грозой или ледяных стрел, да что там... Меня не хватало даже на то, чтобы высушить лужу (та самая, первая, но далеко не последняя лужа высохла за ночь сама). И все же я хотела знать как можно больше, чтобы, когда придет час, не тратить драгоценное время и силы на подготовку.

А еще я узнала, что магия стихий бывает боевой.

Что есть в ней настоящие боевые заклинания.

И что многие мои предки (пусть все они будут безмятежны на далекой Звезде!) ими владели.

Ледяные стрелы, огненные шары, молнии гнева, стены огня, которые можно возводить между собой и противником, сферы с водой, в которых можно приподнимать противника над землей, кипящие ливни, заморозки, метеориты... Заклинаний было очень много, при грамотном бое их с лихвой хватило бы на уничтожение целой армии.

Но проблема была в том, что помимо того, что боевые заклинания требовали полноценного, раскрытого, реализованного дара, для их усвоения приходилось буквально издеваться над памятью. То есть они были сложные, очень сложные, и не дай Луна сбиться во время чтения или плетения пальцами, поменять местами буквы или слова... Поэтому я вытирала слезы и учила дальше, стояла насмерть, но поклялась себе и Луне, что мой отец еще сможет мной гордиться, что довершу начатое им бок о бок с дарованным мне судьбой мужем. С сильнейшим из благородных волков...

— Только бы бок о бок, только бы, — повторяла я в надежде, что муж вернется ко мне. — Как же я была глупа... Надо было тогда... в последнюю ночь... Чего я боялась? Ведь ясно, что нас тянет друг к другу... И что это неизбежно.

Я краснела, а с подрагивающих пальцев на многострадальный ковер осыпались искры. И я снова сжимала зубы и принималась штудировать учебники.

Когда становилось совсем туго, я выходила в сад. Не отходя далеко от замка, упражнялась. Магия земли, возможно, потому, что мой дар решил пробудиться именно с нее, а быть может, просто сказала любовь к природе, жившая во мне с детства, пока удавалась лучше всего.

Легко, можно даже сказать, играючи я приводила в порядок потерявшие вид участки сада. Бывало, приходилось попотеть. Но искренняя радость и даже восторг в глазах Эльзы и Джейси, да и возможность отвлечь волчиц от невеселых мыслей того стоили.

Жизнь неслась по кругу. Библиотека. Сад. Спальня. Иногда кухня. Но чаще еду мне приносили туда, где нахожусь. Волчицы просто поняли: напоминать бесполезно. Звать тоже. Поэтому терпеливо приносили завтраки, обеды, ужины, легкие перекусы туда, где находилась на настоящий момент.

Однажды Адела рассказала, что папочка, когда был молод, был таким же целеустремленным. Его дар был проявлен в полную силу, поэтому учеба во многом давалась ему легче, но в целом вел себя так же, как я сейчас, то есть, по словам Аделы, как сумасшедший. А еще он очень любил общаться с волками. Восхищался ими. Называл высшей ступенью эволюции.

— Его очень любили волчата, — сказала она как-то доверительным тоном. — А как не любить того, кто мог сделать ледяную горку или каток посреди лета или заставить цвести сад зимой?

— Расскажи об отце, — в который раз просила я.

И Адела в очередной раз рассказывала. А я слушала.

Регулярно сменялись стражи черной стаи, что охраняли замок, приходили и уходили посыльные. Я спешила к каждому, кто прибыл из-за территории Полерского леса, заглядывала в глаза, словно искала в них какого-то ответа, понять который смогу только я.

— Вы встречали его? — спрашивала я. — Слышали что-то? О нем? О волчатах?

Волки качали головами, разводили руками.

Нет, не слышали и не видели. Вообще все шпионы церковников, что рыскали по окрестным лесам, словно сквозь землю провалились. И Зверь вместе с ними... И пропавшие дети...

Я сухо кивала, сдерживая слезы, и шла заниматься. Надо было как-то отвлекаться от назойливых, как мухи, мыслей. И еще хотелось стать полезной для стаи. Как некогда были полезны мои предки, их союзники.

Только сейчас, когда побывала в руках так называемых церковников, когда узнала о предательстве Андре, я начала осознавать, что сделали для меня волки. И очень хотела быть им полезной. Отблагодарить за все.

«Не рискуй моей стаей, Эя», — попросил перед уходом Зверь, и я понимала, чего ему это стоило. Как, должно быть, он там, где бы ни находился, тревожится за меня и своих волков, за каждого из которых отвечает перед Луной.

Вспоминая о нашей связи, которая задолго до нашей встречи проявлялась во снах, каждый вечер я мечтала увидеть его ночью. Неважно, в ипостаси волка или в полуформе. Сейчас его заверение, что он идет ко мне, прозвучало бы для меня слаще райской музыки.

Но после того раза, как увидела во сне Андре, сны сниться перестали. Видимо, я выматывала себя до такой степени, что на сны просто не оставалось сил. Стоило голове встретиться с подушкой, как я проваливалась в черную, бездонную пропасть, в которой не существовало ни верха, ни низа, ни права, ни лева. И меня там тоже не было. Собственно, как и снов.

Однажды я наткнулась в гримуаре отца на целую главу, посвященную медитациям. Перечитала ее дважды, чтобы усвоить и запомнить наверняка. Отец писал о важности медитаций для сонастройки со своим даром, для его контроля и даже усиления. Кроме того, в гримуаре значилось, что медитации помогают копить силы и очень рекомендованы более зрелыми и опытными магами, особенно новичкам.

Вспомнилось, что в детстве, помимо других игр, мы с отцом играли «в камни». В деревья, в цветы, в растения, в озера. То есть игра заключалась в том, чтобы быть всем этим. Замереть, застыть в какой-нибудь удобной позе и представлять себя тем, кто ты по заданию. Когда, по мнению отца, мы освоили правила игры, они усложнились. Один из нас замирал и, закрыв глаза, представлял себя камнем, деревом, цветком... А другие должны были угадать, кем именно он себя представлял.

Конечно, интереснее было изображать животных, птиц, знакомых или героев сказок, но играть «в камни» мне тоже нравилась. А отцу очень нравилось то, что сестры и дети прислуги всегда угадывали, кого или что обозначаю я. Задания для меня усложнялись: нужно было представить себя каким-то определенным камнем, булыжником, например, или изумрудом, а остальные должны были угадать, что я имела в виду. Особенно радовало отца то, что мне с легкостью удавалось и это.

А потом об этих играх узнала мама и они почему-то прекратились.

Теперь я понимала, что отец с детства пытался привить мне любовь к медитации. А мама, несомненно, знала, что он был магом, была осведомлена, видимо, и о способах усилить магический дар. Иной версии, кроме как от отца, мне в голову не приходило. Видимо, мама волновалась, что кто-то узнает или увидит наши странные игры, которые заключались в том, что все участники превращались в статуи. Увидит и донесет церковникам. Которым несложно будет сложить два и два.

Но было поздно. Вкус к медитациям папе удалось мне привить.

Сейчас, изучив практическое пособие вдоль и поперек, я возобновила игру «в камни».

А потом поняла, что заниматься медитацией для знакомства со своим даром и даже для его усиления в библиотеке было не слишком хорошей идеей.

А может, было не слишком хорошей идеей, погружаясь в медитацию, представлять себя озером.

Я очнулась дрожащая, мокрая насквозь, сидя в луже на все том же спаленном мной ковре. Заменить его не успели, и, как оказалось, к лучшему.

Я торопливо поднялась, морщась от боли в затекших ногах, и старательно выжала подол платья. Закончив с этим и чуть увеличив лужу на полу, направилась в свои покои — менять одежду.

— Что тут скажешь, — пробормотала я под нос, когда столкнулась на пороге с Эльзой. Волчица смотрела куда-то за мое плечо. Брови ее были недоуменно подняты. — Хорошо хоть, книги не пострадали...

Не успела Эльза ответить, как я наставительно подняла палец и добавила:

— Хотя было бы худшей идеей представлять себя костром. Это уж точно!

И прошлепала мимо. Мокрая юбка неприятно хлюпала по босым ногам.

— Вся в отца, — буркнула проходящая мимо Адела, которой хватило беглого взгляда, чтобы оценить ситуацию.

И я от этих слов такой счастливой себя почувствовала!

Переодевшись, я еще раз пообещала себе устраивать такие эксперименты только в саду.

— Еще не хватало замок сжечь, — буркнула я под нос. — Или, того хуже, книги...

Продолжить решила на свежем воздухе.

Уютно расположившись на газоне поближе к замку, где меня хорошо было видно Скифу, который, вооруженный садовыми ножницами, хозяйничал на клумбах, и Аделе, как раз выглянувшей из окна второго этажа, и я помахала ей рукой и наконец решила продолжить, с чего начала.

Представлять себя озером больше не хотелось (хоть это, несомненно, вылилось бы во что-то крайне полезное газону), и поэтому я просто сконцентрировалась на своих ощущениях от земли.

Ласково провела рукой по травке. Сегодня, наверное в виде исключения, небо было почти чистым, и солнце, которое время от времени выглядывало из-за туч, за день успело прогреть землю.

Поэтому земля под пальцами была теплая, словно живая, травка приятно прохладная, а солнечные лучи, которые скользили по лицу, показались какими-то особенно ласковыми.

Как когда-то в детстве, я представила, каково это быть землей? Просто быть... Просто присутствовать, просто находиться... везде. На твоей поверхности растут прекрасные деревья и цветы, высятся горы, снуют звери и неприкаянные людишки, которым нет покоя ни днем ни ночью. Над тобой летают птицы. Стаями, косяками, вереницами... Очень красиво наблюдать за ними снизу. Все они — твои дети, одинаково любимые, одинаково достойные твоей заботы. А еще над тобой грохочут грозы, льются дожди, метут метели, светит солнце. По телу растекаются моря и океаны, приятно щекочут кожу полосы бурных рек. И что бы ни происходило, ты остаешься собой, единой, любящей матерью, щедрой, заботливой...

— Лирей! — донеслось как будто издалека.

— Эя! — кажется, это голос Эльзы, а перед этим, несомненно, кричала Джейси. — Ты уверена, что с тобой все в порядке?

— Цыц, вороны! — возник где-то совсем рядом третий голос... Адела. — Все с ней в порядке, не видите, сидит, занимается. А у вас, что ли, работы нет? Так я сейчас найду! Кто обещал циновки перетряхнуть и ковры выбить? С утра еще! О пыли я вообще молчу...

— Ну мама! Эя же обычно в библиотеке занимается! — запротестовала Джейси.

— А ты хотела, чтобы она такое в библиотеке устроила?

А что я устроила?

Адела шикала, юные волчицы препирались, но не сильно. Основной их посыл звучал так: мы не хотим перетряхивать циновки. Разобраться, что во дворе делает замершая, как статуя, Эя, куда интереснее!

Можно было снова попытаться отстраниться, снова погрузиться в медитацию, я понимала, что у меня получилось бы. Но было крайне любопытно узнать, чем таким мои занятия шокировали волчиц. Кроме того, ноги затекли, а открытые по локоть руки, сложенные на коленях ладонями вверх, что-то щекотало.

Открыв глаза, я ахнула.

Непонятно откуда взявшиеся ростки опутали меня, как в сказках старой Пепы змеи обвили Лаокоона.

Но стоило потрясти головой, словно щенок, что вылез из воды, и побеги словно потекли вниз, и вскоре только колышущаяся трава там, где они двигались, напоминала об очередном маленьком чуде, произошедшем со мной сегодня.

Я чихнула. Как-то сразу стало свежо. Посмотрев на солнце, которое уверенно катилось за замок, я поняла, что просидела в медитации до раннего вечера.

— Не сиди на земле, простудишься, — тут же нашлась Эльза, видимо довольная тем, что Адела временно забыла о циновках или делала вид, что забыла.

Простудишься? На земле? Ничего смешнее не придумать, когда ты только что сама была землей.

Но я все-таки поблагодарила волчиц за заботу, а потом, сославшись на усталость, удалилась в покои.

Свет померк сразу, стоило переступить порог.

Я успела подумать, что меня ударили чем-то тяжелым по голове, а потом наступила тьма.

Глава 15

Я пришла в себя от покачивания. Даже можно сказать, потряхивания. Меня мотало из стороны в сторону, как безвольную куклу, и я ничего не могла с этим поделать. Находясь на грани забытья и реальности, я принялась вспоминать, что случилось, что произошло. Почему меня качает и при этом ломит затылок. Мысли были вязкие, тягучие, слушались плохо. Понемногу события последнего дня стали восстанавливаться в памяти. Я занималась. В кабинете. Потом, после того как устроила потоп, вышла в сад. Продолжила медитировать... Удалилась в свои покои... А потом свет померк. Кажется, меня ударили чем-то. По голове...

Воспоминание об ударе пробудило окончательно, и я открыла глаза. Над головой качалось небо и верхушки деревьев. Я попыталась перевернуться. Отчего-то не удалось. Руки словно прилипли к телу. Ногами тоже не пошевелить.

Кажется, я лежу на чем-то деревянном, и оно покачивается подо мной. Скосив взгляд, обнаружила бортик из струганых досок. Повозка! Меня куда-то везут в повозке! Приловчившись к неспешному темпу, я приподняла голову.

Так и есть. Руки и ноги связаны.

Перекатившись на бок, я застонала. Повозку тряхнуло, и я вернулась в изначальное положение — на спине, руки связаны впереди и примотаны к телу веревкой, которая спускается ниже, на ноги.

Я приподняла голову, и лицо перекосило от ненависти.

Повозкой управлял человек в фиолетовом. Несмотря на то что он был в рясе, я сразу узнала его. Слишком знакомый разворот плеч, слишком красиво разбросаны по ним белокурые локоны...

Андре оглянулся и, увидев, что я пришла в себя, широко улыбнулся.

— Не слишком туго, маленькая?

В ответ я зарычала. От злости.

— Что тебе нужно?!

Злость опалила изнутри, серое рубище, в которое я была одета, начало тлеть. Воодушевленная победой, я полностью

сконцентрировалась на внутреннем огне и чуть не застонала от досады, когда Андре предупреждающе зацокал языком.

— Если не собираешься путешествовать голой, маленькая Эя, не советую даже пытаться освободиться магией. Или думаешь, я такой дурак, чтобы связать дочь Анжу Альбето простыми веревками?

Я чуть не зарычала от досады и разочарования. Действительно, тряпки на мне были прожжены на плече и боку, а веревки, которые теперь врезались в кожу, огонь даже не затронул.

Я хотела спросить Андре, зачем ему я, за что он так со мной, что я ему сделала, но вместо этого вырвалось хриплое:

— Что это на мне? Где моя одежда?

Андре кивнул, словно именно этого вопроса и ждал, и, обернувшись вполоборота, чтобы продолжать следить за лошадью и дорогой, принялся объяснять. Терпеливо, как ребенку.

— Твоя одежда сейчас далеко, маленькая Эя, — сказал он, улыбаясь, отчего я скривилась. Не обращая внимания на отвращение на моем лице, Андре продолжил: — Твое чудесное платье, сорочка и туфельки путешествуют сейчас по Заповедным землям, сразу в трех направлениях. Иначе говоря, сбивают волков со следа. Ты ведь не думаешь, что все это я проделал в одиночку? Естественно, мне помогли, и пусть Церковь и дальше продолжает считать, что это я помог ей, не суть. Мы же с тобой сейчас едем по той дороге, по которой нас не додумаются преследовать. Можно сказать, в обход.

Пока Андре говорил, я детальнее рассмотрела холщовую одежду на мне, грубые, но добротные туфли, натянутые на замотанные какими-то тряпками ноги, и поняла, что одета, как селянка.

— Почему не додумаются? — хмуро спросила я. К сожалению, по тону Андре я слышала, что он говорит правду. Он и в самом деле хорошо подготовился к моему похищению.

Андре кивнул, видимо предугадывая вопрос.

— Потому что никому не придет в голову, что мы покинем проклятые земли оборотней через селение одичавших.

— Одичавших? — голос был хриплым, срывался, видимо оттого, что в горле пересохло. — Кто это?

— Это люди, маленькая Эя, — пояснил Андре. — В Заповедных землях живут не только оборотни.

— И почему ты думаешь, что именно там нас не будут преследовать?

— Потому что, милая Эя, одичавшие — союзники волков, — Андре пожал плечами, — они же живут на одной земле. Неужели Зверь решит, что мы с тобой настолько безрассудны, чтобы идти к тем, кто выдаст нас волкам, и, конечно, в первую очередь ему же?

Я откинулась назад. Андре же продолжал делиться планами:

— Селение одичавших спускается к Южному морю, где заканчивается небольшой рыбацкой деревенькой. Мы возьмем у них лодку. В открытом море нас ожидает небольшой корабль. На корабле обогнем Заповедные земли и вернемся в королевство по окружному тракту.

Мне захотелось заскрежетать зубами от злости и досады. То, что рассказывал Андре, было и вправду выверено и спланировано самым тщательным образом.

— Почему же ты думаешь, что эти люди, кто живет бок о бок с волками, не выдадут тебя?

— Одичавшие? — переспросил Андре, хотя и так было ясно. — Да, они союзники волков, чего еще ждать от дикарей, но даже дикари чтут святую Церковь, Эя.

В ответ на мой ненавидящий взгляд Андре ничуть не стушевался и подмигнул.

— Они не могут не признавать наше могущество. Даже среди них нет дураков, чтобы связываться с аббатом.

— Ты не аббат! — вырвалось у меня. — То, что вы называете Церковью, лишь ширма для культа безумной Богини! Вы самые настоящие еретики! Жрецы Аты!

— А ты многое узнала, Эя, — улыбнулся Андре, и от его улыбки внутри похолодело.

А когда он крикнул «тпру» и, потянув на себя поводья, остановил лошадь, меня начала бить крупная дрожь.

Пока Андре слезал с козел и обходил повозку, у меня чуть ли не жизнь успела пронестись перед глазами. Одной лишь мысли, что он сейчас достанет священный сосуд и будет извлекать мою память, как тогда у несчастной Милы, хватило, чтобы начать выбивать зубами нервную дробь. Почему-то худшим казалось то, что забуду Зверя. Своего мужа. Забуду все, что со мной произошло в Заповедных землях,

забуду правду, которая далась мне такой дорогой ценой... И вернусь к прежней жизни. Может, даже в Ньюэйгрин. А быть может, в Делларов, как обещал Андре изначально... Представив себя, беспамятную, в его объятиях, я глухо застонала с досады и подумала, что лучше уж смерть. Это хотя бы честно.

Пока я представляла себе страшные картинки и тщетно пыталась освободиться от пут, Андре успел обойти повозку и одним прыжком запрыгнуть на нее. От толчка повозка качнулась, а я ударилась затылком и поморщилась от боли. Удар пришелся на то место, куда бил Андре в замке, чтобы лишить меня сознания.

Он сразу понял, что со мной.

— Прости, прости, маленькая Эя, — пробормотал он, становясь на колени рядом. — Я вынужден был обойтись с тобой грубо. Ведь ты не пошла бы со мной добровольно?

По моему взгляду Андре поняла, что нет, не пошла бы.

Правда, это его не смутило.

— Вот видишь, я вынужден был так поступить, — произнес он, разводя руками, словно приглашал присоединиться к его беде.

Затем подсунул мне какие-то тряпки под голову, убрал с лица волосы.

Мне очень не понравился его взгляд. Раньше, видимо, из-за моей неопытности и наивности, он казался мне влюбленным. Сейчас я отчетливо видела в нем безумие. Одержимость.

— Эя, — хрипло проговорил Андре и провел пальцами по моему лицу.

Я отвернулась, не в силах скрыть отвращение. И страх.

— Ты боишься меня, Эя? — пробормотал Андре, морща лоб. — Не надо.

Обе его руки принялись оглаживать мое тело. Не пропуская ни единой выпуклости, ни единого уголка. Меня затрясло от собственной беспомощности, от страха. Только сейчас с запозданием стало доходить, что я полностью в его власти. Во власти одержимого фанатика. Но каким еще может быть тот, кто присягнул безумной Богине?

Андре продолжал водить пальцами по моему телу, гладил, сжимал почти до боли.

— Ты совершенство, Эя, — бормотал он с безумным видом. — Совершенство!

Прикосновения Андре были не просто неприятны. То, что он делал, было отвратительно. И хуже всего была неизвестность. Он безумен — это я видела точно. Как далеко он зайдет сейчас?

Склонившись к самому моему лицу, Андре прижался губами к моему рту. Он старался целовать нежно, но я мотала головой, вырывалась. Тогда ему пришлось взять меня за волосы и, приподняв голову, впиваться в губы, щеки, шею болезненными поцелуями, больше напоминающими укусы.

— Не отталкивай меня, Эя, — шептал он в перерыве между поцелуями. — Не отталкивай, любимая, прошу. Ты так нужна мне... Нужна... Моя девочка... Моя маленькая фея.

Другой рукой он продолжал шарить по моему телу, мял грудь, до боли сжимал соски.

Было так страшно, больно, мерзко, что я сама не поняла, как по щекам хлынули злые слезы.

Андре тут же прекратил терзать меня. Хмурясь, он принялся вытирать мои щеки, но внутри словно прорвало плотину. Слезы лились и лились, мир перед глазами застлала пелена. Силуэт Андре превратился в расплывчатое пятно, и, надо сказать, так было легче.

— Я настолько неприятен тебе? — проговорил Андре, и в его голосе мне послышалась угроза. — Или... ты влюбилась в это чудовище? В этого монстра, Эя?!

— Пожалуйста, Андре, — захлебываясь слезами, попросила я. — Не делай этого. Не стирай мне память... Пожалуйста.

У Андре вырвался облегченный выдох.

— Вот чего ты боишься, маленькая Эя, — пробормотал он. — Ты никак не забудешь то, что мне пришлось проделать с Милой. Не волнуйся, твоя служанка не повредилась в рассудке.

— Правда? — всхлипнув, спросила я, готовая говорить о чем угодно, лишь бы отвлечь внимание Андре от меня.

— Правда, маленькая, — заверил Андре и погладил меня по голове. По телу прокатилась волна отвращения, которую Андре принял, видимо, за облегчение.

— Надо же, как тебя это испугало, — сказал он. — Но я говорил: пока ты со мной, тебе нечего бояться!

Во взгляде его вновь сверкнуло безумие. Рука Андре легла мне на грудь и сжала ее. Я закусила губу, чтобы не вскрикнуть от боли, а губы Андре растянулись в улыбке. В страшной, одержимой улыбке.

Продолжая терзать мою грудь, он принялся гладить второй рукой по голове, время от времени целовал, спускаясь ниже, покусывал соски зубами прямо через одежду и говорил, говорил...

— Церковь решила принести тебя в жертву Ате. Твоя кровь, она так сильна, Эя... Она желанна Богине... Попав на Источник, она помогла бы ей подняться. Восстать.

Он в очередной раз больно укусил за сосок, и я дернулась, прилагая нечеловеческие усилия, чтобы не заорать от ужаса, от безысходности, от отвращения.

— Но моя беда в том, что я люблю тебя больше, чем Богиню, Эя, — хрипло прошептал Андре и потерся щекой о мой живот. — Ты не достанешься ей. Ты не достанешься никому, кроме меня. Ты моя, и только моя. И будешь моей.

— П-пожалуйста, — пробормотала я, закусывая губу. — Н-не надо...

— Не бойся, маленькая, — сказал Андре, к моему облегчению, приподнимаясь. — У меня и священного сосуда-то с собой нет. Я спрятал недалеко. У проклятых оборотней есть артефакты, позволяющие распознать Милость Богини за версту. Скоро селение одичавших. Будь хорошей девочкой, пока я отлучусь и верну свое имущество, хорошо?

Он нагнулся и поцеловал меня снова. Я собрала волю в кулак и кивнула. Неизвестно, на какое время он покинет повозку, но, возможно, мне удастся развязать проклятые зачарованные веревки, позвать на помощь... Меня наверняка ищут, и найдут... Обязательно найдут! Нужно только время. Хорошо бы нашли до того, как Андре увезет меня на корабле. Поэтому время... Нужно выиграть время.

Конечно, Андре не знал о том, что творится в моих мыслях, а знал бы, не был бы так беспечен. Но, кажется, ему понравилась моя покорность. Даже умилила.

— Ну вот и умница, фея Эя, — сказал он и поцеловал еще раз. — Я скоро.

Стоило ему покинуть повозку, я принялась кататься по ней, пытаюсь развести руки и ноги. Это было бесполезно. Веревки были

крепкими, и я чуть не плакала от досады. Вскоре, когда, по моим подсчетам, Андре должен был отойти достаточно далеко, чтобы не услышать, я принялась звать на помощь:

— Помогите! Кто-нибудь! Помогите! Меня похитили! Кто-нибудь! Эй!

Я кричала, я орала так, что сорвала голос.

Меня не остановило даже появление Андре. Только когда он опустился рядом на колени, осуждающе качая головой, замолчала. По щекам снова хлынули потоки слез. Я впервые казалась себе настолько жалкой и беспомощной...

Помня о том, как поступили со мной аббаты, я не ожидала ничего хорошего. Думала, что Андре обругает меня, возможно, даже ударит. Но он просто смотрел своим полубезумным взглядом, от которого кровь стыла в жилах. И улыбался.

— Нет, видя твою целеустремленность тебя нельзя оставлять одну. И с открытым ротиком. Ну-ка, дай мне напоследок свой розовый язычок...

Он припал к моим губам в поцелуе, а у меня просто не осталось сил, чтобы сопротивляться, мотать головой... Вместо этого я сделала вид, что поддалась, а потом с силой укусила его за губу.

Даже за такое он не ударил.

Посмотрел на окровавленные пальцы, затем перевел задумчивый взгляд на меня.

— Моя девочка растеряла хорошие манеры, пока жила у оборотней, — сказал он. — Ничего. Скоро ты не вспомнишь о них, а я позабочусь о том, чтобы вложить в твою очаровательную головку правильные мысли. Но за то, что ты сделала, ты должна быть наказана. Ты согласна со мной, фея Эя?

Я обреченно помотала головой.

Но мое согласие не было нужно Андре.

Он рывком притянул меня к себе, а потом принялся задира́ть платье. Несмотря на то что юбка была всего одна, грубая, холщовая, приподнять ее одним рывком мешали веревки. Я же извивалась, пыталась дрыгать связанными ногами, чем мешала Андре. Но все же ему удалось приподнять подол настолько, чтобы сунуть под него руку.

Когда пальцы скользнули в самое потаенное местечко, я принялась кричать, вырываться с еще большим остервенением.

— Кричи, кричи, маленькая, да, стони, да, у тебя так замечательно это получается... Это не займет много времени... Оставим игры на потом. Вместо этого я лишь слегка накажу свою маленькую Эю, ты же не против, правда? Можно? Можно я слегка, совсем чуть-чуть тебя попользую?

Мой крик перешел в хрип.

Пальцы Андре скользнули внутрь, и маску безумия на его лице сменило недоумение.

— Волк не пользовал тебя, Эя? — спросил он, не в силах справиться с изумлением.

Я покачала головой.

— Видимо, на этот раз ты говоришь правду, маленькая, — сказал Андре. — Ты до сих пор девственница. А как же пробуждение магии? Вон прожгла платице, глупышка... Впрочем, ладно. Я как-то обещал тебе, что твой первый раз будет не второпях, не в дороге. И слово свое сдержу, Эя.

С этими словами Андре опустил подол вниз, так что он прикрыл колени, а затем, не обращая внимания на сопротивление, вставил в рот кляп. Потом завязал пыльную тряпку на затылке, предварительно пригладив волосы.

— Так-то лучше, фея Эя, — пробормотал он. — Ты сама виновата, не оставила мне выбора. Мы же не хотим, чтобы ты принялась звать на помощь одичавших и выбалтывать им секреты святой Церкви, верно? Ну же, малышка, перестань плакать. Скоро все будет позади. Скоро ты будешь дома, где ни один поганый волк не сможет тебя достать, обещаю тебе.

Повозка тронулась. Я перекатывалась с бока на бок и роняла злые слезы. Андре не скрывал своих намерений в отношении меня, не скрывал, что лишит памяти. И учитывая, что нас до сих пор не догнали, план его был безупречен.

Перед тем как въехать в селение, Андре еще раз запрыгнул в повозку. Снова шарил по моему телу руками, снова целовал, оттягивая голову за волосы назад... А потом накрыл меня пыльной рогожей.

— Так будет лучше, маленькая Эя, — пробормотал он. — Нечего грязным одичавшим плясать на мою крошку.

Едва услышав это, я поняла, что внимание селян, или, как их называл Андре, одичавших, теперь моя единственная надежда.

Поэтому я временно успокоилась, набираясь сил. Чтобы, когда въедем на территорию селения, трепыхаться, как птица в силке.

Вскоре повозка снова замерла, и раздались голоса.

— Что везем, ваше высокблагородие?

— Не видите, кто перед вами, отребье? — раздался ледяной голос Андре. — А ну, дорогу! У нас договор с вашим епархом.

— Подожди, милейший, не спеши, — раздался другой голос, уверенный. Услышав его, я поняла, что он принадлежит тому самому епарху. — Договор договором, а и моих молодцов пойми. Приказ у них никого без досмотра не пропускать. Сам наставлял. Пусть, говорю, ваши папа с мамой на облучке сидят, а телегу непременно обыщите.

Говоря это, епарх обошел повозку. Я будто почувствовала его взгляд на себе, поэтому принялась извиваться, стучать пятками по дощатому дну, мычать.

— Э, почтеннейший, — раздался довольный голос епарха, и я поняла, что мои отчаянные попытки не остались незамеченными. — Да ты, я смотрю, не один, а с интересной поклажей.

— Твое какое дело? — раздался голос Андре тоже рядом, и я поняла, что он спрыгнул с козел и подошел к епарху.

Священный сосуд он не применит, поняла я, на них смотрит стража. Убивать епарха на их глазах тоже не будет. А справиться со всеми сразу не сможет. И неважно, сколько их тут. Андре не будет рисковать. Ведь ему надо провезти меня через все селение. Поэтому я принялась буквально кататься по повозке и мычать, словно одержимая.

— Кто там у тебя, высокблагородие? Волчица? — тон епарха не предвещал Андре ничего хорошего. — Они обычно дикие, как демоницы.

— Тебе какая разница? — спросил Андре. — Вы-то не звери, а одичавшие.

— Осторожно, аббат, — сказал епарх. — Для нас как раз большая разница. Хотя мы, как ты сказал, не звери, но у нас с волками уговор. Они нас не трогают, мы — их. Нам неприятности не нужны.

— Не горячись, епарх, — раздался шлепок, какой бывает от столкновения ладони с кожаными латами, из чего я поняла, что Андре похлопал старосту селения по плечу. — Ну какая волчица? На кой мне эти зверюги? Так, украл невесту из-под венца.

— Не сумел совладать со страстью, аббат? — издевательски проговорил эпарх. Слышно было, что он лишь подыгрывает Андре. На деле же показывал, что не даст себя одурачить.

Я продолжала кататься и мычать, причем старалась имитировать интонации волков, чтобы звуки, издаваемые мной, были больше похожи на рычание. Я кожей чувствовала, что это очень не нравится эпарху и недоверие к Андре растет, с каждым мигом.

— Она принадлежит Церкви, — спокойно сказал Андре. — Была обещана с самого рождения. Как и приданое, которое любящий отец дал за любимую, пусть и младшую дочурку.

Я застонала от досады. Видимо, Андре подготовился к такому разговору. Потому что его версия звучала более чем убедительно. Младших дочерей действительно часто отдают в монастыри, и церковники наследуют их состояния. Небольшие для какого-нибудь знатного лорда, но с миру по нитке, как говорится... Церковь не брезгует ничем.

— Ее приданое по уговору принадлежит нам, — спокойно рассказывал Андре. — Ее отец был настоящим сыном Церкви. Почтительным и смиренным. Но, к несчастью, он умер, и жадный дядя девчонки решил заработать на ней. Он хотел попросту продать ее соседу. Девочка седьмая в семье, и, заметь, почтенный, все дети выжили. А сосед ее дяди недавно овдовел, наследников у него нет, вот он и предложил ее опекуну сделку: берет девчонку без приданого. В расчете, что она нарожает ему целый замок наследников.

— Приданое, понятно, любящий дядюшка решил оставить себе? — хмыкнув, проговорил эпарх.

— Сразу видно умного человека, — сказал Андре. — Умного и сообразительного.

Раздался звон монет.

Я поняла, что помимо «договоренного раньше» еще один кошель перекочевал к эпарху за пазуху.

— Что же девчонка, если она невеста одного из лордов королевства, делает в Заповедных землях? — все еще с сомнением в голосе проговорил эпарх. Но слышно было, что сомневается он скорее для вида, может, надеется еще на один кошель.

— Быстро бегаешь, — сказала Андре, и я представила, как он пожал плечами и развел руки в стороны.

Они с епархом дружно засмеялись. Это объяснение, опять же, звучало правдоподобно. Видимо, здесь тоже знали, как люди боятся Церкви. Судя по тому, что сами не хотели связываться, точно знали.

— В эти ваши церковные штучки я не лезу, — проговорил епарх, словно прочитав мои мысли.

— Ну вот и не лезь.

— А как я пойму, что ты мне не врешь? — все еще сомневался епарх. — Вдруг у тебя там, положим, не волчица, а одна из наших девушек? Мы-то, почтенный, вроде как ничем вашей Церкви не обязаны. Так и вы нас не трогайте.

Показалось, что я слышу, как Андре скрежещет зубами.

— У меня благородная госпожа, — сказал он ровным голосом. — У вас таких нет. Посмотри сам.

Повозка дрогнула и закачалась дважды, когда внутрь забрался сначала Андре, а потом и епарх.

Андре сдернул рогожу с моего лица, и в тот же миг глаза епарха расширились, а на губах зазмеилась улыбка. Он разглядывал меня с таким видом, словно обнаружил слиток золота там, где меньше всего ожидал его найти. Не понравился взгляд епарха и Андре. А также то, с каким задумчивым видом он переводил взгляд с меня на Андре, а с него куда-то вперед, где, должно быть, дежурит стража.

— Сразу предупреждаю, — тихо сказал Андре. — Если захочешь оставить девку в деревне, тебе не поздоровится. Она принадлежит Церкви.

Епарх хмыкнул и почесал подбородок. Намерений своих он в общем-то и не скрывал.

— Значит, богатая? Наследство ее прикарманить хотите?

— Не твое дело, — отрезал Андре. — Хотим.

Епарх вновь заскользил по мне масляным взглядом, задержавшись на голом плече, боку, груди... интимном месте. Его, несмотря на гневный вид Андре, он разглядывал долго, очень долго. Меня передернуло от отвращения.

— Слушай, аббат, ты только сразу не серчай, — с трудом оторвав от меня взгляд, проговорил епарх. — С вами, церковниками, связываться и в мыслях нет. Оно себе дороже, каждому известно. Но больно уж хороша девка. Оставь ее у нас, а? А взамен бери любую из

деревни. Хоть племяшку женки моей, она сирота, никто плакать не станет.

— Дурак, что ли? — процедил Андре, и даже я подивилась его сдержанности. — Эту в лицо знают, понимаешь, эту! Чтоб ты понимал, она дочь виконта, а не кого-то там...

— Дочь виконта? — повторил эпарх и поскреб лысеющую макушку. — Ух ты ж так твою налево! Кому расскажешь, не поверят. Слушай, а можно с ней... ну, того... один разок, а? Ни разу аристократку не пользовал. Вам-то какая разница, а я заплачу...

Глаза Андре превратились в щелки, губы сжались в одну линию, а на щеках заходили желваки.

— Твое счастье, эпарх, что я спешу, — процедил он.

В его голосе было столько стали, холода и обещания поквитаться, что эпарх торопливо сглотнул. Бросив на меня взгляд, он пробормотал:

— Понял, не дурак. Хорошей дороги, ваше высокоблагородие.

Прежде чем соскочить с повозки, еще раз прошелся по мне взглядом.

— Эх!..

— Ну вот и все, малышка Эя, а ты боялась, — ласково сказал мне Андре, прежде чем снова накинуть на голову рогожу.

Прежде чем въехать в селение одичавших, эпарх снова остановил Андре и сообщил, что лучшую лодку предоставит брат его жены всего за каких-то пару серебряных монет. Он же довезет господина и госпожу до корабля и не задаст ненужных вопросов.

Мы долго ехали через селение, и я поняла, что земли одичавших достаточно обширны. Можно сравнить с небольшим городком или большим селением.

Когда нос учуял соленый воздух, стало ясно, что мы приближаемся к причалу.

От осознания собственной беспомощности накатывала паника, по щекам все катились и катились слезы. Вскоре наша лодка оттолкнется от берега, а когда я буду уже на корабле, преследовать меня будет бессмысленно. Андре лишит меня самого ценного.

Воспоминаний.

Он не отдаст меня Церкви. Оставит для себя.

Своей игрушкой. Бесправной рабыней.

Без памяти и права на собственное мнение.

Я думала, мы уже подъехали к причалу, но ошиблась. Андре снова остановил повозку, а потом слез с козел и запрыгнул внутрь.

Осторожно, как если бы я была хрустальная, он приподнял меня и заботливо усадил, привалив к борту повозки спиной.

Затекшее тело тут же заломило. Онемение начало проходить, вместо него пришло болезненное покалывание в руках, ногах, поясице. Я поморщилась.

Бегло оглянувшись по сторонам, поняла, что повозка стоит меж покосившимися рыбацкими сараями. Моря отсюда не видно, но хорошо слышно, как оно плещется о камни, а ноздри щекочет соленый ветерок. Зачем Андре остановился здесь? Он явно не хочет, чтобы нас видели...

Дыхание перехватило от страха и тревоги.

Когда Андре извлек флакон со светящейся голубоватой жидкостью, казалось, волосы встали дыбом от ужаса. Нет! Он же не собирается лишить меня памяти прямо сейчас? Луна!

Вспомнила, как это было с Милой, и чуть не застонала от ужаса.

А потом поняла, что сейчас он извлечет кляп из моего рта. Чтобы Андре мог воспользоваться священным сосудом, я должна говорить что-то, неважно что... Я с силой втянула носом воздух и приготовилась кричать так, как не кричала еще ни разу в жизни. Хоть шанс и ничтожен, я должна попытаться!

Вынимая кляп у меня изо рта, Андре склонился к самому лицу и тихо проговорил:

— Один неосторожный звук, маленькая Эя, и твоей леди-матери не поздоровится. Я сумею это сделать.

Его слова так потрясли меня, что я закашлялась.

— Значит, это правда? — прошептала я, не осмелившись кричать. — Мама жива?

Андре пожал плечами.

— Тетю Иоланту пришлось пригласить какое-то время погостить в одном из монастырей, — ответил он.

— Чтобы проще было на меня воздействовать? — спросила я. — В случае, если заупрямлюсь?

— Для того чтобы окропить твоей кровью Источник Богини, ты должна была достигнуть совершеннолетия, — пояснил Андре. — Раньше магия просыпается редко. Поэтому изначальный план был

таков: герцог Эберлей должен был присвоить твое приданое и поселить тебя в башне. Естественно, болван Эберлей должен был считать, что додумался до этого сам. Я же знал тебя слишком хорошо, Эя, я знал, что рано или поздно ты попытаешься сбежать. И сбежишь. Я убедил в этом своих братьев и сам поехал спасать тебя. Я не врал тебе, маленькая, просто не говорил всей правды. Я бы нашел где спрятать тебя и от родственников, и от своих братьев.

— Но если бы я не согласилась? — вырвалось у меня.

— Ты бы на все пошла ради матери, — сказал Андре. — Тетя Иоланта нашла бы способ уговорить свою дочурку.

— А сейчас мама где?

Андре пожал плечами.

— Дома. В Ньюэйгрине, Эя. Можешь мне верить. Тебя Иоланта ни о чем не знает, может, догадывается, но молчит. Она одна из нас. Человек, Эя, понимаешь? Не волчица, не магиня, человек. Преданная слуга короны и верная дочь святой Церкви.

Я выдохнула, услышав, что мама жива. И похоже, Андре говорил правду. Ей и в самом деле ничего не грозит. Пока...

— И ты одна из нас, маленькая Эя, — продолжал Андре. — Тебе только нужно кое-что забыть.

— Нет, пожалуйста, — прошептала я сквозь слезы, не осмеливаясь кричать. — Не надо...

Андре словно не слышал меня.

— И лучше сделать это до того, как ты попадешь на корабль и начнешь болтать своим розовым язычком.

Он повел пальцами, и флакон со светящейся жидкостью поднялся над его ладонью и завис в воздухе.

Я поняла, что сейчас со мной произойдет страшное.

То, страшнее чего еще не случалось.

И вряд ли случится.

Глава 16

— Расскажи, крошка Эя, что ты видела в Заповедных землях? — вкрадчивым голосом попросил Андре. — Расскажи, милая. Мне так интересно...

Показалось, что пространство сдвинулось с места с каким-то странным звоном. Сглотнув, я пригляделась и поняла, что звон раздается из сосуда. Флакон над ладонью Андре засиял так ослепительно, что невольно захотелось зажмуриться и прикрыть рукой глаза.

Я попыталась это сделать, но тело словно сковало льдом. Я поняла, что не могу пошевелить и пальцем. Не могу даже моргнуть. В то время как сосуд над ладонью Андре звенел все громче и сиял ярче тысячи звезд.

— Скажи, маленькая, не молчи, — продолжал уговаривать Андре. И его голос звучал так вкрадчиво и убедительно, что захотелось поведать ему обо всем. Обо всем, что ему хотелось знать. И даже больше. Я поняла, что *хочу* рассказать ему.

Где-то на задворках разума шла тяжелая борьба: прежняя Эя понимала, что стоит раскрыть рот хоть на миг, произнести хоть один звук, и будет поздно. Новая Эя, одурманенная магией иллюзий, хотела говорить, хотела рассказывать... неважно о чем. Главное, говорить. И неважно, что одно слово чревато потерей памяти о самых дорогих сердцу воспоминаниях.

— Ну же, маленькая Эя? — продолжал уговаривать Андре. — Ты же хочешь сказать, я слышу. Говори, фея Эя, не мучай себя.

Из глаз покатались слезы. Я сопротивлялась из последних сил. Но что я могла? Связанная, обессиленная, наедине с аббатом и священным сосудом, полным проклятой магии...

С каждой секундой подбородок дрожал все больше, и я понимала, что вот-вот губы разомкнутся.

Возможно, мне не давало окончательно покориться зову магии иллюзий присутствие риолина. Всю дорогу он был ледяным, а сейчас начал слабо подергиваться, словно камню... там, где-то внутри, было

очень больно и он молил о помощи... Только пульсация куска льда на груди позволяла не утратить разум окончательно.

А потом он вдруг затих.

И начал теплеть.

Я часто заморгала, и в тот момент, когда мои губы дрогнули, пространство пронзил оглушающий рев. А затем что-то черное влетело в повозку и подмяло под себя Андре.

Звон пространства усилился. Клубок из зверя и человека перекатился по дощатому дну. Зверь ревел от боли, и мне казалось, что виной всему проклятый сосуд, который продолжает парить в воздухе, словно его все еще держит над своей ладонью Андре.

Клубок из тел врезался в меня. Бедро опалило болью. А в следующий миг я смогла двигать руками и ногами. Не сразу осознала, что веревка, которой я была связана, лопнула, а затекшие члены смогли двигаться. Пальцы не почувствовали риолин, кожа, казалось, утратила чувствительность. Но я отчаянно отдавала мысленный приказ: возьми камень! — хоть и не понимала, зачем мне это.

Дальше все произошло очень быстро.

Рука с риолином дернулась вперед, разрывая цепочку и опаливая кожу болью.

А в следующий миг свечение священного сосуда покинуло хрустальные грани и ушло в камень.

Я ошалело покрутила головой.

Где-то рядом раздался удар о землю.

А потом прозвучал плеск. Словно что-то тяжелое упало в воду.

На моих глазах тело черного волка принялось растягиваться, слышалось лопанье кожи, хруст костей... Я могла отвернуться, но не отвернулась. То, что я видела, было самым прекрасным зрелищем в жизни. Тот, кого я видела, был сейчас дороже и желанней самого этого света.

— Фиар! — я бросилась на шею Зверю и вцепилась в него с такой силой, словно он мог исчезнуть в любой момент.

— Эя, — прорычал Зверь, сгребая меня в охапку и прижимая к себе.

Я чуть отпрянула, а потом наши взгляды встретились.

В следующее мгновение встретились и наши губы. Зверь целовал яростно, жгуче, словно кусал. Опьяненная его жаром, я отвечала на

поцелуи. Я стонала в его руках, выгибалась ему навстречу, терзала твердые властные губы, как он мои. Мы оба словно тронулись рассудком, но не в силах были оторваться друг от друга. Жаркий, страстный, какой-то удушающий поцелуй, казалось, длился вечность. Пространство плыло, дощатый пол повозки ходил ходуном, словно началось землетрясение. Я не в силах была оторваться от губ Фиара. Зверь был здесь, рядом. Огромный, сильный, живой и близкий. И мир вместе со всеми жрецами Аты, Источниками, королевствами и Заповедными землями мог разлететься на тысячи кусков — сейчас бы мы не ощутили этого.

Отрезвление принес солоноватый привкус во рту. В сознании мелькнуло, что кто-то из нас, я или Зверь, не сдержан настолько...

Наверное, все же я... Потому что стоило Фиару распробовать этот вкус, Зверь нашел в себе силы оторваться от меня и прижать к себе с такой силой, что хрустнули ребра. Я чувствовала себя легкой и ослабевшей одновременно, я заранее доверяла любому движению волка, и это словно обезопасило меня от его силы, которая раньше так пугала. Я была мягкой и слабой настолько, насколько он твердым и сильным. Словно нож входил в подтаявшее масло... разве может быть маслу больно?

— Прости, Эя, — хрипло сказал Зверь, чуть ослабляя хватку и глядя меня по голове. — Я обезумел, когда думал, что мог потерять тебя. И я ничего не желал сильнее, чем убить его. Того, кто вздумал тебя отнять.

Я отпрянула от Зверя и ошалело потрясла головой.

— Андре остался жив, — прошептала я, и Зверь кивнул. — Все было как в тумане... Пространство плыло и звенело, священный сосуд... риолин, — я перевела взгляд на камень, потрогала гладкий зеленоватый бок. Он был теплым, прозрачным... прежним, словно не втянул в себя проклятую магию. — Я ничего не успела понять, — прошептала я. — Вы дрались, я помню, а потом удар... всплеск...

Зверь поморщился, нахмурился.

— Я был оглушен, — пробормотал он. — Было трудно, очень трудно. Но я понимал, чем это грозит, если выпущу его. Не мне. Тебе. Потом оглушение прошло. Но в тот же миг он покинул повозку. Быстро, словно исчез. Надо было следовать за ним! Но я не мог оставить тебя, не убедившись, что с тобой все в порядке!

В ярости Зверь обрушил кулак на ни в чем не повинный борт повозки, так что щепки полетели в стороны. Я поняла, Фиар винит себя в том, что отпустил Андре.

Мои пальцы скользнули по твердому запястью со вздутыми венами.

— Нет, Фиар, — пробормотала я. — Андре воспользовался сосудом, чтобы скрыться. Пусть на волков не действует магия подчинения... Но все же магия Аты действует на вас. Я уже видела такое, я помню. Она словно оглушает, заставляет видеть иллюзии. Думаю, последние мгновения схватки ты бился не с Андре, а с его фантомом, в то время как Андре покинул повозку и прыгнул в воду. Сейчас он вплавь добирается до корабля.

Зверь слушал меня хмуро, а потом отпрянул.

— Я догоню его.

— Нет, Фиар! — вырвалось у меня, прежде чем успела понять, что делаю.

Руки обвилились вокруг могучей шеи, израненные, опухшие губы вновь прижались к губам мужа.

— Не делай этого, — попросила я.

— Не делай... чего? — хмуро переспросил Зверь, отстраняясь.

— Не оставляй меня одну, — попросила я. — Теперь, когда ты здесь, мне ничего не страшно, — словно в противовес собственным словам, меня начала колотить крупная дрожь, — прошу, там, на корабле, священники... Я не верю, что все, что произошло, было планом заманить тебя на корабль и обезвредить окончательно. Но жрецы Аты умеют использовать обстоятельства себе на пользу. Я боюсь за себя и за тебя.

По мере того как я говорила, взгляд Зверя смягчался. Заканчивала свою речь я прижатой к мускулистой груди.

— Я подумал, что ты испугалась за него, Эя, — хрипло вымолвил Зверь.

Я скрежетнула зубами в ответ.

— Мне кажется, я сама, своими руками могла бы вырвать его сердце, — проговорила я. — За папу. За маму. За тебя, Фиар.

Зверь снова прижал меня к себе, вновь припал к губам в поцелуе. На этот раз полным безграничной нежности, и я ощущала, как пальцы, которыми он гладил меня по волосам и щекам, дрожат. Фиар

сдерживал свое желание. А я, отвечая на его поцелуи, хотела, чтобы он перестал сдерживаться.

— Он ничего тебе не сделал? — раздалось хриплое.

Я покачала головой. Почему-то было приятно, что Зверь спрашивает об этом только сейчас. Моя жизнь, моя безопасность, самочувствие интересовали его больше моей чести.

— Скажи, Эя, — попросил он.

— Он собирался, — честно сказала я и добавила торопливо, видя, как глаза Зверя вспыхивают углями: — Но не успел.

Зверь выдохнул.

— Сначала он собирался лишить меня памяти, — сказала я. — Потому что понимал, добровольно я никогда не буду принадлежать ему.

Зверь хмуро кивнул и отвел взгляд.

А я погладила его по щеке, а когда он снова посмотрел на меня, приблизила лицо и выдохнула чуть ли не в его губы:

— Потому что я твоя, Фиар. Только твоя. И он понял это.

Я припала в нежном поцелуе к губам волка, а затем отстранилась и, глядя в глаза альфе, призналась:

— И я поняла...

И меня снова прижали к себе. Нежно-нежно. И держали долго, словно не верили в то, что я только что сказала. А затем Зверь выдохнул:

— Я нашел тебя, Эя, это главное.

Я отпрянула и подняла на него взгляд.

— Пойдем, Эя, — сказал волк. — Нужно выбираться отсюда.

— Мы вернемся в замок? — спросила я.

Зверь покачал головой.

— У нас нет времени. Жрецы Аты готовят вторжение. Пришла пора объединять стаи, чтобы ударить первыми, чтобы быть готовыми отразить их атаку. А для этого мне предстоит сразиться с вожаками стай, одолеть их и объяснить, что только вместе мы остановим жрецов и магию безумной Богини.

Зверь посмотрел на меня с таким видом, как будто решал математическую задачу в уме.

— Ты вернешься, в замок с моими братьями, Эя. Я позвал их, и скоро они будут здесь.

— Нет, — вырвалось у меня.

— Что? — переспросил Зверь.

— Нет, Фиар, — повторила я уже более уверенно. — Я с тобой.

Зверь не ответил. Просто смотрел на меня молча. Пришел мой черед говорить.

— Кровь от крови чародея с кровью свободной, — проговорила я. Поначалу голос мой дрожал, но с каждым произнесенным словом становился все уверенней. — Это я, Фиар. Я — дочь своего отца, герцога Анжу Альбето, мага стихий, носителя дара жизни. Он отдал свою кровь тебе, Фиар, и ваша кровь смешалась. Отец отдал меня тебе, потому что знал: лишь наш союз остановит силы зла, силы богини Аты.

Зверь хотел что-то сказать, но я прижала пальчики к его губам, и он замер с уже привычным мне видом, как будто не хочет спугнуть котенка.

— Ты хочешь сказать, что мне необязательно быть там, с тобой. Что я могу сидеть в замке и одно мое присутствие в твоей жизни и жизни Заповедных земель поможет. Нет, Фиар. Я должна быть там. Я смогу противостоять магии Аты. Я знаю... Я почти знаю, что делать с Источником, когда вы отвоюете его.

— С Источником? — переспросил Фиар.

Я кивнула.

— Чтобы очистить его от скверны.

Зверь молчал какое-то время. Несколько раз порывался заговорить и каждый раз сжимал губы и отводил взгляд. На щеках играли желваки. Перевитое веревками мышц тело было напряженным. А до меня с большим запозданием дошло, что он... голый. Совсем. Чтобы не смущать меня, он замотал вокруг талии ту самую рогожу, которой Андре накрывал меня, предварительно оторвав широкую полосу. Но там, под ней... у него же ничего не было. И почему-то мысль об этом заставила щеки запылать, а низ живота странно запудрить.

«Пришла пора воплотить пророчество», — пронеслось в мыслях, и от сладкого и в то же время какого-то стыдного предвкушения я закусила губу.

— Эя, — наконец произнес Зверь хрипло.

Я робко подняла на него взгляд и ощутила, как тугой теплый комочек внизу живота сжался еще больше.

— Что же ты делаешь, — сказал Зверь и повел носом.

— А ч-что я делаю? — пробормотала я.

— Воздействуешь на меня, — прорычал Фиар. — Запахом своего желания.

— Вовсе нет, — вырвалось у меня. — Я просто хочу быть с тобой, — я задохнулась, — там. И... просто хочу быть с тобой.

Зверь протянул руку и погладил меня по щеке. Пальцы его дрогнули. Большой палец заскользил по моим губам, приоткрывая их. Такое простое прикосновение оказалось почему-то слишком волнующим, теплый комок внутри дернулся. Захотелось припасть к губам Зверя в поцелуе, а еще почему-то захотелось впиться зубами в его могучую шею... сбоку... там, где она переходит в плечо.

По взгляду Зверя я отчетливо видела, что его пламя пылает куда ярче моего. Не знаю, где Фиар черпал силы, чтобы сдерживать себя, я сдерживаться не могла... И не хотела...

— Я не могу потерять тебя, Эя, — глядя мне в глаза, проговорил волк. — Не могу. Не смогу без тебя, девочка, понимаешь?

Я захлопала ресницами, а внутреннее пламя, казалось, вот-вот вырвется наружу, и в нем сгорю не только я, не только мы оба, но и весь мир.

Зверь же продолжал. И только его хриплый голос удерживал мое внимание, не позволял броситься ему на шею, начать покрывать поцелуями это могучее, увитое веревками мышц тело...

— Ты вернула меня к жизни, девочка, понимаешь? Ты вернула мне волка. Вернула мою природу. Ты слишком драгоценна для меня, чтобы можно было рисковать тобой. Чтобы просто помыслить о том, что с твоей головы надет хотя бы волос, — хрипло произнес Зверь. — Я знал, что однажды это произойдет, придет время, и я возьму свое по праву. Свою жену, Эя... Но разве мог я подумать, что с твоим появлением мир вновь обретет краски, а сердце в груди снова начнет биться. Ты мое сердце, Лирей. И тем хуже для меня, что мое сердце находится отдельно от тела. Я с ума схожу, когда тебя нет рядом, но не знаю, что со мной случится, если тебе будет грозить опасность.

Зверь замолчал.

— Фиар, — сказала я после паузы. — Я... Я слышу тебя, слышу не твои слова, а тебя, представляешь? Я чувствую... я знаю тебя, Фиар... Не знаю, почему так... Я не в силах с этим бороться, и я не

хочу с этим бороться, но я чувствую тебя, Фиар. Так сильно, так остро. Я не знаю, что такое любовь. Прежде я только читала о ней в книжках. И думала, что любила. Но это была не любовь, Фиар, это были только мечты о ней! Мечты о любви к образу, который я сама создала в мыслях! То, что я чувствую к тебе, то, как я чувствую тебя... это по-настоящему. В этом есть жизнь. Мое желание быть с тобой, прикасаться к тебе, оно полно жизни. Я не знаю, это магия, которая перешла мне от отца по наследству, а сейчас хочет вырваться наконец на свободу, или это то самое воплощение древнего пророчества... Неважно. Это все неважно, Фиар. Это все позже. Потом. По сравнению с тем, что я чувствую, оно всегда опаздывает. Ты для меня ближе, чем биение сердца. Ближе, чем дыхание. Я... наверное, я люблю тебя, Фиар.

— И я люблю тебя, Эя, — проговорил Зверь. — Больше всего на свете. Больше собственной жизни, больше этого мира. Я никогда и никого не любил так. Я никого не любил до тебя. Думал, что любил, — по лицу Зверя скользнула тень, — но это была не любовь. Ты права. Это было не по-настоящему.

— Я должна идти с тобой, Фиар, — тихо сказала я. — Со всеми вами. Моя магия пробудится, и я буду биться наравне со всеми. За своих волков. За свою стаю. За свою землю. За свой мир, в котором нет места жестокости и насилию. Нет места безумной магии Аты.

Зверь замешкался на пару мгновений, не больше. Затем тряхнул головой.

Он соскочил с повозки и протянул мне руки.

Я прыгнула в его объятия, обхватив его за шею, прижимаясь всем телом к буграм обнаженных мышц. В голове зашумело, колени обмякли, а внутри стало как-то очень легко и очень горячо.

А потом в животе забурчало. Громко. И я вспомнила, что не ела со вчерашнего дня.

Зверь поцеловал меня в кончик носа и улыбнулся.

— Голодная?

— Очень, — ответила я честно. Правда, имела в виду не только этот голод. И кто-то понял, потому что рыкнул и понес меня куда-то.

— Если задержимся здесь хотя бы на миг, женушка, — прорычал он, — боюсь, меня уже ничто не остановит.

— Поставь меня на землю, — пробормотала я, в то время как сама обнимала Зверя за шею. А потом укусила за мочку уха.

Зверь зарычал в ответ, а внизу дернуло.

Осторожно, словно хрустальную, меня поставили на землю.

Я опустила взгляд вниз: ноги были босыми, я оставила туфли в повозке, но возвращаться туда не хотелось. Прикосновение к мелкому песку, нагретому солнцем, было приятно. Покосилась на Зверя и усмехнулась.

— Что тебя рассмешило? — не понял он.

— Превосходно выглядите, муж, — сообщила я. — Я читала, что есть страна, где мужчины не носят ни портков, ни кюлотов, а лишь куски ткани, обернутые вокруг бедер.

Зверь хмыкнул, а я продолжила потешаться, на этот раз над собой.

Одеяние селянки сидело сикось-накось, было слишком широко в талии и жало в груди. От близости Зверя грудь стала какой-то чувствительной, и от соприкосновения с грубой тканью по телу прокатились волны желания, которые отдавались сладким спазмом внизу.

— Я предпочел бы не сосредоточивать внимание на твоём наряде, Лирей, — прорычал Зверь сквозь зубы и потянул меня за руку. — Если мы не собираемся заночевать в этом селении.

Я послушно пошла за мужем. Но в следующий миг он остановился.

— Ты босая, Эя, — сказал он. — Давай я возьму тебя на руки. Ты поранишься.

Я покачала головой.

— Мы же все равно купим здесь припасы на дорогу, — сказала я. — Заодно возьмем для меня крепкую обувь и более удобную одежду. А пройтись босиком по селению я смогу.

— Припасы, да, ты же голодная, — пробормотал Зверь. — Я пообещаю вознаграждение. Позже. Или можно расплатиться дичью, это быстро.

Я взяла Зверя за руку.

— Пойдем в дом местного эпарха, — попросила я.

— Эпарха? — переспросил Зверь.

Я кивнула.

— Моя просыпающаяся магия говорит, что он будет счастлив дать нам все, что попросим, и даже больше, бесплатно, — невинным тоном произнесла я.

Глава 17

— Так и получилось, что новая Церковь владеет ментальной магией, в то время как стихийникам была подвластна материя, — рассказывал Зверь. — Анжу узнал, что не так давно было время, когда союз стихийников и волков был самым прочным.

— Как же произошло, что истинных магов практически не осталось? — пробормотала я.

— Церковь обманом выманивала их из Заповедных земель, — пояснил волк. — И истребляла поодиночке. Каждого было на что купить: союз, обещания объединить магические силы, семья... Только сейчас я понимаю, что и Анжу выманило из замка его предков желание узнать, что скрывает Церковь. Он хотел узнать, что замышляют жрецы Аты. Дар его был силен, и он думал, что сумеет его скрыть. Он сумел, — Зверь тяжело вздохнул. — Но Церковь как будто заранее знала, что он придет.

— Андре, — пробормотала я. — Возможно, церковники переманили на свою сторону Андре, когда он был совсем мальчишкой, чтобы непрерывно следить за моим отцом.

Зверь кивнул.

— Я тоже об этом думал. И считал пасынка Анжу не таким уж и виноватым. Думал, он лишь орудие в руках церковников.

— Но он стал одним из них, — пробормотала я. — Я знала другого Андре. Думала, подлинного, но с самого начала это была игра. Лишь то, что он позволял видеть остальным.

— На мое счастье, пасынок Анжу воспылал к тебе чувствами, Эя, — хмуро сказал Зверь. — По-настоящему. Он стал одержим тобой.

— На счастье? — переспросила я.

Зверь кивнул.

— Он мог убить тебя еще ребенком. Ему ничего не мешало. Но он полюбил тебя. Тебя невозможно не полюбить, Эя.

Я содрогнулась. Стоило вспомнить, как часто в детстве оставалась с Андре наедине. Он действительно мог сделать со мной что угодно. Сделать так, чтобы я упала с лошади. Столкнуть с обрыва. Утопить.

Просто оставить одну в лесу... И представить все как несчастный случай...

Я еще крепче вцепилась в руку мужа.

Мы покинули селение пару часов назад. Фиар настаивал, чтобы я поела, но я согласилась лишь выпить наспех бокал молока с пирожком. Хотелось отойти подальше от селения, о котором были не самые приятные воспоминания: когда меня, связанную, с кляпом во рту, везли по единственной улице. Да, они не видели меня. Но, конечно, знали, что в повозке везут связанного человека, женщину. И не вмешивались. Пропустил эпарх — и все остальные тоже пропустили. Может, бросали на повозку беглые взгляды, а может, отворачивались.

Эпарх, как и подсказывало предчувствие, лебезил и отводил глаза. Увидев меня с Фиаром, тут же понял, кто я. И что он чуть было не подписал себе и всей деревне смертный приговор, позволив увезти жену Зверя, хозяина леса.

Он предложил нам кров, одежду, еду со своего стола, будь его воля, мы с Фиаром вывезли бы все содержимое закровов, причем всего селения.

Мы выбрали холщовый заплечный мешок с широкими лямками, который не будет натирать мне плечи, немного еды и переоделись в более подходящую для похода одежду. Плюнув на этикет и высокое происхождение, я облачилась в мужские портки, подпоясанную рубаху навыпуск, жилетку. Из обуви выбрала почти не ношенные мягкие туфли. Грубоватые, но удобные.

Зверь тоже выбрал широкие холщовые портки. Я отлично понимала, что они не так ему и нужны, а стоит снова войти в лес, и вовсе не понадобятся, мы договорились, что добираться до остальных стай быстрее в ипостаси волка, но муж решил проявить уважение ко мне, отлично видя, что краснею, стоит натолкнуться взглядом даже на его мускулистый торс, не то что ниже...

Селение мы покинули одетые, как селяне. Зверь нес заплечный мешок и держал меня за руку. Волосы я собрала в косу, которую скрепила узлом на затылке, чтобы не мешала. Жена эпарха, оказавшаяся милой уставшей женщиной, любезно предоставила в мое распоряжение все свои ленты для волос. Я выбрала самую скромную и небольшую, отметив про себя, что надо будет отблагодарить добрую

женщину, а еще позаботиться об ее племяннице, пока корыстолюбивый эпарх не сделал этого раньше...

Расстояние до привала преодолели быстро, почти бегом. Рядом с мужем я совсем не ощущала усталости, а неутоленный голод обострил инстинкты. Тело ощущалось легким и готовым к чему угодно, как сжатая пружина, которая вот-вот разожмется. Фиар настаивал, что нужно поесть, подкрепить силы, но не возражал, что сделать это можно и за пределами селения. Даже объяснил, как в звериной ипостаси чувство голода обостряет инстинкты и позволяет загонять добычу.

— Звери едят не каждый день и уж точно не трижды в день, — пояснил он. — Потяжелевший от пищи зверь просто не сможет загнать добычу.

Когда чувство голода пересилило усталость, мы наконец устроили привал.

Небольшая и очень живописная бухта в устье реки словно ждала нас, чтобы порадовать красками цветов и сладкими ароматами трав и плодовых деревьев.

В считанные минуты Зверь разложил костер, из больших продолговатых листьев устроил что-то вроде ложа. Пока я собирала потрескавшиеся от спелости плоды, Фиар вернулся с охоты с добычей, которую быстро освежевал, а затем, разделав, завернул в листья и разложил на углях.

Я украдкой скользила взглядом по его мускулистым плечам, спине, по которой перекачивались бугры мускулов. Иногда черная прядь падала ему на лоб, и вид у Зверя сразу становился беззаботный и мальчишеский. Он сдувал прядь со лба, ловил мой взгляд и улыбался. Широко и так тепло, что внутри все согревалось от этой улыбки.

Когда мой взгляд перехватывали, я чувствовала себя как воришка, которого застигли на месте преступления. Щеки алели сами собой. Я заправляла локон за ухо, стыдливо отводила взгляд, скользила им уже по водной глади, над которой ветерок гнал пушистые семена — по кувшинкам, белым, розовым, с круглыми и желтыми, как солнце, серединками, по изумрудной зелени травы, синим склоненным головкам колокольчиков. Вдыхала свежие, сладкие и насыщенные запахи, от которых внутри разливалась томная нега, а на душе становилось легко и спокойно.

Упругие воздушные струи ласкали щеки, шею, обнаженную кожу рук, трепали выбивающиеся из косы локоны.

Мы были вдвоем, отрезанные рекой от всего мира, и никого и ничего, кроме нас, как будто не существовало. Не могло существовать. Только Зверь и я. И то робкое и прекрасное, что начинало зарождаться между нами.

Несмотря на то что чувства вдруг несказанно обострились, а краски мира, запахи, звуки усилились, я едва ли ощутила вкус пищи — мяса, хлеба, мягкого деревенского сыра и фруктов. Я даже голода больше не ощущала. Просто стоило поднять взгляд на Зверя и увидеть пламя в его глазах, которое, я знала, было лишь отражением пламени сердца, внутри все замирало в волнующем предвкушении.

— Эя, — Зверь протянул руку и осторожно провел шершавыми пальцами по моей щеке. — Моя жена.

— Твоя, — подтвердила я, потупившись и закусив губу.

— Твои волосы похожи на жидкое золото, — произнес Зверь. — Ты можешь сделать это? Для меня? Распустить их.

Неловкими, дрожащими пальцами я распустила косу. Локоны рассыпались по плечам. Я помотала головой. Непослушные рыжие потоки окутали меня, скрыв плечи и руки сверкающим в солнечных лучах покрывалом.

— Ты — чудо, Эя, — хрипло сказал Зверь. — Ты — совершенство.

Я облизнула пересохшие губы, и Фиар сглотнул.

Во взгляде его было такое неприкрытое желание, что у меня перехватило дыхание. От легкого сладкого страха. От волнения. От предвкушения.

Подрагивающими пальцами я потянула шнурки на груди, развязывая узел на тесемке, которая соединяла борта жилета. Стоило освободиться от него, как стало легче дышать. Правда, лишь на пару мгновений. В следующий миг ощутила, как мешает грубая деревенская рубаха, как домотканое полотно почти царапает ставшую вдруг невероятно чувствительной грудь...

Рубаху я сняла через голову, и, откинув рыжие локоны за спину, посмотрела на Зверя.

В следующий миг оказалась опрокинутой навзничь на ложе из листьев, поверх которых Зверь накинул полотно, взятое в селении,

чтобы мне было чем укрываться ночью.

Я задохнулась, несмотря на то что Зверь держал свой вес на руках. Жар от его тела был каким-то неистовым, всепоглощающим. Фиар склонился и поцеловал меня в губы. Нежно, осторожно, словно боялся спугнуть или причинить боль.

Но когда я обвила его шею руками и, с силой притянув к себе голову, впилась в его губы, словно жаждущий в пустыне во флягу с водой, Зверь зарычал и принялся терзать мои губы.

Тело пронзило сладкой молнией и вместе с тем захотелось еще чего-то. Сладкого. Волнующего. Незведанного. Я зарывалась пальцами в шевелюру Зверя, с жаром отвечая на его поцелуи, извивалась под ним, выгибалась навстречу, неосознанно терлась обнаженной грудью о его горячее тело, отчего внутри начинали стрелять все новые и новые стрелы.

— Эя, — хрипло прошептал Зверь. — Ты — настоящее искушение. И ты моя.

— Твоя, — вторила я ему, вновь и вновь принося к его губам поцелуем.

Когда его язык вторгся внутрь моего рта в неистовом танце и начал терзать мой собственный, я застонала от удовольствия в голос. И вместе с тем мне было мало, ничтожно мало.

Внизу почти непрерывно пульсировало, грудь словно налилась изнутри и стала до болезненного чувствительной. Поэтому, когда Зверь отпустил мои губы и принялся за нее, я вскрикнула и прогнулась, подаваясь ему навстречу.

— Да, — шептала я. — Пожалуйста, еще, еще... Еще!

— Ты меня с умаводишь, — хрипло прошептал Зверь, спускаясь поцелуями ниже.

Внутри все затрепетало.

Я сама приподняла бедра, помогая ему оставить меня без одежды.

Охнула, когда то, что он творил с моим телом своими губами, перешло границы разумного. И при этом подавалась бедрами навстречу, раскрывалась перед ним, чувствуя, что умираю, исчезаю, уношусь куда-то ввысь с каждым прикосновением.

Мир качнулся перед глазами, заполнился до предела присутствием самого близкого, самого дорогого мне существа. Моего Зверя. Моего защитника. Альфы, вожака, моего волка.

Кажется, я кричала. Когда наполненность стала нестерпимой, с силой вгрызлась в его плечо. Несмотря на вкус крови во рту, не могла оторваться. Зверь укусил тоже. Поначалу осторожно, словно сдерживая себя. Я прижалась к нему бедрами, принимая в себя до основания, до конца и вместе с тем подставила шею, молясь про себя, чтобы укусил. Вгрызся. Пометил.

Когда наши губы встретились снова, а мир закачался в неистовом ритме, поцелуй окрасил солоноватый привкус. Терпкий. Желанный. Такой яркий, что я чудом сохранила сознание.

— Моя, моя, моя, — рычал он, продолжая раскачивать мой мир, наполняя его таким острым, таким нестерпимым удовольствием, что я не верила, что такое возможно.

— Да, да, да! — отвечала я гиганту, накрывающему меня своим телом, и кричала: — Еще! Мне тебя мало! Мало!!!

— Эя!.. — рычал Зверь, и я пила его рычание прямо с губ, сталкивалась языком в диком, пламенном танце.

— Фиар, — стонала я, и, кажется, по щекам текли слезы, и Зверь собирал их с кожи жаркими поцелуями.

Я не знаю, сколько длилось это безумие. Мне казалось еще миг такого острого, сильного наслаждения — и я умру. Исчезну. Но это продолжалось... Пока мир не запылал тысячей радуг, а небо не зазвенело и не обрушилось на нас, погребая под своими осколками.

А потом мы долго лежали рядом, и Зверь сжимал меня в объятиях, и целовал в щеку, висок, в макушку. Я провела рукой по щеке и поняла, что она мокрая. И увидела, что глаза Зверя тоже блестят. Станным блеском. Что с тобой, любимый? Ты плачешь, сильный и могучий Зверь?

— Эя, — прошептал Фиар, подтягивая меня еще ближе, хотя казалось, что это невозможно. Зарылся лицом в растрепанные волосы, нежно поцеловал. — Моя Эя...

— Твоя, — я тоже пыталась прижаться к Зверю еще теснее. — Только твоя. Мой Зверь.

Меня снова поцеловали в висок. Даже не видя его, я знала, чувствовала, что Зверь улыбается.

— Я не знала, что это так, — прошептала я. — Так невероятно... До невозможного хорошо.

— Значит, тебе понравилось? — спросил Зверь. — Я не причинил тебе боли?

Я покраснела.

— А я? — я приподнялась и красноречиво покосилась на его плечо. Во время нашей полной любви и страсти схватки мне не показалось. Я укусила его до крови. Затем робко повела собственным плечом. Метка Зверя ощущалась...

Зверь широко улыбнулся.

— Откуда ты знаешь о брачном ритуале свободного народа? — спросил он.

— О чем? — удивилась я.

— Ты укусила меня, — напомнил Зверь, и я потупилась. — И хотела, чтобы я укусил тебя (кто-то смущенно кивнул). Так делают, когда клянутся в верности перед Луной.

— Перед Луной? — зачарованно повторила я.

— И перед стаей, — хмыкнул волк.

Краска залила меня по уши. Насладившись моим смущением, Зверь добавил:

— Так было раньше. В глубокой древности. Свободный народ не понимал, зачем скрывать от других свою любовь. Свои сердца.

Я кивнула.

— Судя по тому, что я видела в Заповедных землях (перед глазами предстала голая Лил с окровавленными губами, которая прошла мимо новенькой, покачивая бедрами. Волчица явно возвращалась с удачной охоты, но что-то мне подсказывало, что ее не смутили бы и брачные игры на глазах у остальных), — я сглотнула, — этот обычай не совсем умер и по сей день.

Зверь хмыкнул и притянул меня к себе, нежно поцеловал в висок.

— Боюсь, тяжело придется чопорной наследной герцогине, — делано сокрушился он.

— Ах, чопорной герцогине! — возмутилась я и хлопнула мужа по руке.

Тот шутливо заслонился ладонью.

— Думаю, муж поможет мне преодолеть природное стеснение и привнесенную воспитанием добродетель, — тоном монастырской воспитанницы пробормотала я и подняла взгляд к небу.

А затем рывком поднялась и погладила свою грудь, при этом призывно облизала губы.

Глаза Зверя потемнели.

— Эя, — прорычал он. — Ты же... Только...

— Может, уже перестанешь лежать без дела и начнешь раскрепощать жену прямо сейчас? — прошептала я, не торопясь смыкать губы в конце фразы.

Зверь сглотнул.

Ловко увернувшись, я встала на ноги и, отступив на шаг, с удовольствием потянулась. Что-то сладко-запретное было в том, как я дразнила мужа, представ перед ним полностью обнаженной и принимая соблазнительные позы. Греховное, как учила Церковь, и восхитительное, как подсказывала моя истинная природа.

Мир вокруг стал ярче, выпуклее, глубже. Запахи и звуки пронзали насквозь, границы плыли и каким-то чудесным образом стирались. Пространство становилось единым целым со временем, как мы несколько минут назад, они так же пульсировали в едином ритме.

Я поняла, что таким образом пробуждается моя магия. Стихийная магия. Природная магия. Истинная и единственная.

— Эя, — раздалось чье-то рычание, и я поняла, что продолжаю сладко потягиваться, в то время как кое-кто смотрит на меня снизу. А я еще чуть ноги расставила, чтобы стоять было устойчивее.

Я отступила на шаг, еще на шаг. А потом развернулась к мужу спиной.

Когда услышала его хриплое дыхание сзади, по телу прошла сладкая дрожь.

Нарочито медленно нагнулась, прошла пальцами и ладонями по прохладным стеблям травы, перевела взгляд на огненные сполохи, что тяжелым потоком обрушились на землю. Одним рывком выпрямилась и отбросила волосы назад. От прикосновения локонов к коже по телу прошла новая сладкая волна.

Я обернулась к мужу и невинно улыбнулась.

— Значит, чопорная герцогиня? — поинтересовалась я.

— Я не знал, что жена у меня такая развратница, — проговорил волк, щурясь и как-то подбираясь, словно хищник, который выследил добычу и готовится прыгнуть. — Твой розовый зад так и просит, чтобы его отшлепали как следует.

Сама мысль о соприкосновении грубой ладони Зверя и места, о котором леди не скажет вслух, вызвала новый прилив тепла к низу живота.

И в тот момент, когда Зверь прыгнул, я отскочила к воде.

— Сначала поймай! — крикнула я и засмеялась.

А потом с визгом бросилась в воду, потому что Зверь готовился прыгнуть снова.

Подняв целый фонтан брызг, я с головой погрузилась в реку, снова уходя буквально из-под пальцев мужа. Он успел лишь коснуться моей поясицы, отчего внутри выстрелила сладкая молния.

А в следующий миг тело обнимали и баюкали упругие струи, бьющие со дна реки.

Несмотря на то что ключи были холодными, даже ледяными, холода я отчего-то не ощущала. А потом вспомнила о наших с отцом играх, когда представляла себя водой, и исчезла даже легкая прохлада. Я была частью этой реки, была самой водой, границы между ней и моим телом исчезли, стерлись...

Какое-то время с хохотом уплывала от волка, уворачивалась от его сильных родных рук с проворством настоящей ундины, но долго ускользать не получилось. Вскоре меня прижимали к себе, а я радостно обхватывала мужа руками и ногами, покрывала торопливыми поцелуями его щеки, виски, губы... Дразнила языком, делала вид, что ускользаю, и он следовал за мной, врывался внутрь, проникал глубже.

А потом последовало одно пикантное открытие. Оказалось, что в воде... быть с мужем тоже можно. Только на этот раз кусать его не хотелось. В перерывах между поцелуями Фиар объяснил, что метка Луны ставится на избранника волка один раз.

— И на всю жизнь, — хрипло прошептал он и, с силой сжав мои бедра, рванул на себя.

Я закричала, запрокинув голову, прижимаясь к мужу как можно теснее. А когда сладкие судороги прекратили сотрясать тело, положила голову на его плечо.

— Мне тебя мало, — прошептала я и, играючи, чуть прикусила.

— Ты не представляешь, как я этому счастлив, — хрипло ответил Зверь.

Я подняла голову и посмотрела на него лукаво.

— Представляю, — заверила я его и ответила на поцелуй.

Это была очень длинная ночь. Почти нескончаемая. Невероятно глубокая, яркая, чувственная. Мир жил и дышал в едином ритме с нами. Сжимался. Расширялся. Пульсировал. Пространство и время покачивались в парном танце. А звезды сияли так, что я иной раз боялась ослепнуть.

Благословляя наш союз, Луна снова и снова спускалась так низко, что занимала полнеба. Или это мы взмывали так высоко...

Разбудило меня деликатное покашливание.

Я открыла глаза и увидела в десяти шагах четырех волков. По цвету кожи и волос, строению тела, чертам лиц узнала двух лирых, тилатина и элсмирца.

Зверь приподнялся с ложа, прикрывая меня краем домотканого полотна.

— Что вам нужно? — без приветствия спросил он.

— В стаях проведали о том, что Зверь жив, — ответил лирый. — Как и о том, что грядет вторжение в Заповедные земли. Мудростью совета решено собрать черную стаю. Вернуть тебя.

Зверь кивнул.

— Я уже иду к вам, — сказал он и, покосившись на меня, добавил: — Мы идем.

Я принялась осматривать место нашей стоянки в поисках своей одежды.

При этом, несмотря на четырех волков, собственная нагота впервые не смутила меня. Подумалось, что, узнай о таком Виталина, сестрица упала бы в обморок. От зависти.

Глава 18

Дни слились в единую нескончаемую череду событий. Ярких. Контрастных. Непривычных. И при этом похожих друг на друга.

По мере нашего продвижения по Заповедным землям к нам присоединялись новые волки.

Мы двигались с севера на юг, поэтому первыми стаями, что мы посетили, были полярные и элсмирцы.

Оба раза наши остановки начинались одинаково и одинаково заканчивались. Зверь побеждал в поединке, а потом сообщал, что ему не нужна эта стая. Одна. Он рассказывал волкам о своем плане снова сбить вместе все семь стай. Возродить Стаю Семи Лесов. Отвоевать земли, с которых люди вытеснили волков. Отвоевать Источник. Уничтожить проклятую магию, насылаемую безумной Богиней.

Я была рядом с мужем и вместе с мужем. Мы рассказывали волкам о пророчестве, и моя пробудившаяся магия была самым красноречивым тому подтверждением.

День за днем я осваивала управление своим даром, снова и снова вспоминая прочитанное в гримуаре, оставленном отцом. Я являла грозу, молнии, град, однажды даже расколола рассохшееся дерево надвое небольшим метеоритом.

Зверь настаивал, чтобы на время поединков я держалась подальше. Это было разумно. Так как не всегда получалось контролировать магию, я могла нечаянно помочь мужу и даже повредить его сопернику. Зверь же хотел победить честно. И именно такой победы я желала мужу.

После поединка он не скрывал, что победа далась нелегко, и радовался этому как мальчишка. Я тоже была рада, что наша растущая стая столь сильна. И знала, что самый сильный в ней — мой муж. Мой Зверь.

Волки поначалу сторонились меня, но потом любопытство пересиливало. Меня расспрашивали, просили явить чудо. И не всегда по моей воле, но чудеса случались. Старые волки (таких нашлось всего двое на обе стаи) говорили, что не чаяли вновь когда-нибудь увидеть живого носителя. Даже, пользуясь своим возрастом и

авторитетом, наставляли Зверя, призывали его беречь меня пуще зеницы ока. Мы заверяли, что бережем друг друга.

Возможно, это была всего лишь игра моего воображения, возможно, фантазии или мечты, но казалось, что мой муж, альфа Стаи Семи Лесов становится сильнее и увереннее в своей силе с каждым днем. Я и раньше знала его как сильнейшего, но сейчас казалось, мы оба переживаем некий расцвет. Я — магии, он — силы и мудрости. Наши дни были полны красок и событий, а ночи — страсти и нежности. Каждый день мы узнавали друг друга еще лучше, заново, и казалось, никогда не устанем удивляться тому чуду, которое свело нас вместе. Потому что представить пару, которая подходила бы друг другу больше, чем наша, мы просто не могли. И не хотели. При этом было понятно, что именно так ведут себя и ощущают все счастливые пары в мире, и было радостно осознавать свою сопричастность к этому единому, общему счастью.

Мы передвигались бегом. Бежали волки. Я ехала верхом на черном вожаке. Бег волка был стремительным, прыжки мягкими. Они дарили ощущение полета и в то же время почти не ощущались. Я всегда хорошо держалась в седле, но даже будучи хорошей наездницей, могла запросто отбить зад во время затянувшихся прогулок или если лошадь, скажем, понесет.

С ездой на волке все было по-другому. Когда бег становился таким стремительным, что мимо с невероятной скоростью неслись деревья, поля, кустарники, реки и озера, я, продолжая держаться ногами, ложилась плашмя на спину волка, цеплялась пальцами рук за густую черную шерсть. И мир словно замирал, словно останавливался. Казалось, мы стоим на месте, а леса, горы, реки несутся мимо.

В том же темпе мы проехали земли красных и серых.

Пока Фиар бился за первенство и говорил с вожаками, я упражнялась в магии, медитировала, все лучше и лучше брала под контроль собственный дар. Сила моя выросла настолько, что порой я сама себя боялась. Однажды я вспыхнула во время поцелуя, но огонь не причинил никакого вреда ни мне, ни мужу. Чего не скажешь о шалаше из огромных листьев. Те волки, кто видел это, поклялись, что расскажут щенкам своих щенков.

На середине пути к нам присоединились почти все волки, которые служили в замке. Даже старый Скиф заявил, что не собирался умирать

от старости, а Барса добавила, что естественная смерть слишком скучна и даже альфа не вправе приговорить к такому.

Джейси и Эльза выглядели повзрослевшими и серьезными. Они по-прежнему подтрунивали над молодыми волками и хихикали с волчицами, но глаза у обеих были вдумчивыми, взрослыми.

Волки готовились не просто к битве, которая освободит проход к Источнику.

Наша стая готовилась к войне.

Дыхание приближающейся грозы витало в воздухе, сквозило из желтых и красных глаз, чувствовалось в каждом скупом, выверенном движении.

* * *

Через несколько дней мы приблизились к земле, которую делили две стаи: лирые и тилатины.

Вилла, Туран, Майгон, Дреко, Лил, Фосса, даже Рив, Вирд и Грэт — все вышли встречать нас на опушку леса.

Самки и самцы вытаращились во все глаза, когда я, завизжав, прямо на ходу спрыгнула с черного волка и побежала обнимать знакомых волчиц. Первой не выдержала Лил. Взвизгнув, понеслась навстречу. А потом и Вилла с Фоссой. И несмотря на почтенное положение — Вилла вон вообще левая лапа стаи, — обе визжали, как девчонки.

На знакомом месте, собственно, первом из всех, с каких началось мое знакомство с Заповедными землями, я отчего-то почувствовала себя дома.

Пока самцы дрались за первенство — причем оба вожака готовы были уступить альфе Стаи Семи Лесов без боя, но Фиар настоял, чтобы все было, как и с остальными стаями, мы с волчицами уединились возле целебного источника, на земле союза матерей.

Подросшие волчата даже узнали меня, но все равно клацали зубами и рычали, делая вид, что пугают, а я усиленно делала вид, что пугаюсь. А еще забавляла их, показывая язычки пламени и крохотные фонтаны, бьющие из ладоней.

— Значит, ни о чем не жалеешь? — хмыкнув по своему обыкновению, спросила Вилла.

— Ты посмотри на нее, она же светится, — фыркнула Лил. — Никогда не видела ее такой счастливой.

А Фосса просто обняла за плечи.

— Спасибо вам, — искренне сказала я. — Я была такая глупая раньше. Не хотела видеть очевидного.

— Ты достойно держалась, — серьезно заверила Вилла.

— Да, — подтвердила Фосса.

Лил только кивнула и обняла меня с другой стороны.

— Спасибо тебе за альфу, — серьезно сказала светловолосая Изабелла, которая по-прежнему жила среди волков.

— Да, Эя, спасибо, — прозвучал новый голос.

Волчицы ахнули.

С нами заговорил ворон. Огромный, черный, такой запросто унесет в когтях крупного зайца. Ворон сидел на нижней ветке дерева и не сводил с нас маленького пронзительного глаза.

— Велес, — вырвалось у Виллы.

— Ты права, Вилла, — кивнул лесной бог, покровитель перекрестков и волков. А потом снова посмотрел на меня.

— Союз крови от крови чародея с кровью свободной, — задумчиво проговорил он вслух. Было странно слышать чистую человеческую речь из клюва ворона. — С самым сильным из благородных волков.

— Здравствуй, Велес, — сказала я.

Было радостно видеть лесное божество. В появлении Велеса читалось предзнаменование грядущей победы. Хотя мы понимали, что после того, как покинем эти земли, обратно вернутся не все, глаза волчиц загорелись при виде Велеса. Показалось даже, что и у Джулианы вспыхнули глаза.

— Я верю в вас, — сказал Велес. — Верю, что у вас получится. И знайте, что тоже буду среди вас. Буду сражаться с магией Аты за истинную магию.

— Велес, — ошарашенно проговорила я.

— Повести нас всех за собой должен Зверь, — сказал ворон. — Только ему под силу вести за собой Стаю. Ты тоже будешь биться, Эя. Магией.

— Велес, я хотела спросить об этом, — отмерев, произнесла я. И, когда ворон кивнул, продолжила: — Я почти ничего не знаю, не умею. Можно... Ты можешь научить меня? За время, что нам осталось до битвы?

— Ты слишком скромна для мага и левой лапы Стаи Семи Лесов, Эя, — закаркал ворон. Показалось даже, что Велес смеется. — Я не видел ни одного мага, который научился бы столь многому за несколько дней. Я про твое корпение над гримуарами в замке. Ты многое узнала. Сейчас, когда твоя магия пробудилась и входит в полную силу, ты сможешь принести пользу своей Стае в грядущей войне.

— А как быть с Источником? — вырвалось у меня. — Научи.

Ворон посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ты знаешь, что делать, Эя.

С этими словами он захлопал крыльями и улетел. Мы провожали Велеса взглядами, пока он не превратился в точку и не исчез среди небесной глади.

— Ты правда знаешь, что делать? — спросила Лил.

Я покачала головой.

— Но я понимаю, почему он не сказал, — проговорила я. — Согласно пророчеству мы должны сделать это с Фиаром. Сами. Это наша война.

Вилла положила руку мне на плечо. Фосса повторила ее жест с другой стороны. Лил серьезно посмотрела в глаза.

— Это наша общая война, — сказала за всех Изабелла.

Посыльные докладывали о приближении «фиолетовой» армии. Решено было выступить навстречу, чтобы не допускать вторжения сил зла на Заповедные земли. Нам предстояло оттеснить жрецов Аты и солдат королевства, отвоевать Панемус и очистить Источник.

— Я хочу, чтобы ты знал, Фиар, — прошептала я ночью накануне битвы. — Я люблю тебя больше всего на свете.

Меня прижали к себе и поцеловали в макушку.

Мы были вдвоем в древесном доме, в том самом «странном перевернутом гнезде», чуть не на макушке дерева. Остальных вожаков Зверь отпустил после того, как в очередной раз до мелочей была оговорена стратегия завтрашнего выступления.

Мы не будем ждать, пока армия церковников и королевских солдат приблизится к Заповедным землям. Мы выйдем навстречу и ударим первыми.

— Ты — лучшее, что могло случиться со мной, Эя, — проговорил волк. — Я до сих пор не верю, что ты реальна. Что я заслужил такое чудо.

Я промолчала. Не хотелось рассказывать любимому о том, как просыпаюсь от страха среди ночи, вскакиваю в холодном поту. Просыпаюсь от страха за него. Мысль о том, что могу потерять своего Зверя, была невыносима и преследовала даже ночью.

— Ты в порядке, Эя? — спросил Зверь, прищурившись, и притянул к себе еще теснее. — О чем ты думаешь?

Я неопределенно повела плечами.

— Так, — ответила я. — Обо всем и ни о чем конкретно.

Тревожить мужа своими страхами не хотелось.

* * *

Мы выступили на рассвете.

Я знала, что Стая Семи Лесов уже не та, что была раньше. Знала, что слишком многие из благородных волков пали в неравной битве с подлостью и безумием магии Аты.

Но все равно, зрелище, которое являли наши войска, было великолепным!

Казалось, волки повсюду.

И даже когда покинули пределы леса, не хватало взгляда, чтобы обозреть нашу армию.

В зависимости от возраста и силы, волки шествовали в трех ипостасях. Звери, люди, волки в полуформе.

Вооруженные луками и стрелами, короткими кривыми мечами, кнутами, метательными кругами, волки двигались быстро и слаженно. Отдельно несли щиты и все необходимое для армии.

Двигались мы быстро. Настолько, что за два дня преодолели расстояние, разделявшее нас с вражеской армией. О том, что мы приблизились, доложили вороны. Разведчики. Свободный народ, птицы и звери по-прежнему не понимали языка друг друга. Но хорошо

понимали язык войны. Всеобщий для Заповедных земель. Все звери, птицы, насекомые, все до самой маленькой букашки понимали, что будет с жителями лесов и даже с землей, когда придет армия Аты. И поэтому для войны все живые существа сплотились.

У церковников тоже были свои разведчики и свои средства разведки. Мы были уверены, что они знают о нашем приближении или скоро узнают. Решено было разбить лагерь и хорошо выспаться. И нанести удар по врагу в предрассветный час. В магических гримуарах это время называется часом ночной кобылы, потому что именно в это время чаще всего проходят роды у лошадей. Нам было выгодно наступать почти ночью. В это время волки хорошо видят, чего не скажешь о людях.

И все же застать врага врасплох не удалось.

Когда армия волков нанесла удар, церковники активно готовились к атаке. Первыми рядами шли королевские солдаты, точнее, рекрутированные селяне, которые ничего не видели в темноте. Те, кого заранее списали. Кому была уготована роль пешек.

Все же церковники просчитались.

Да, волки не могли уберечь первые ряды солдат, пусть даже знали, что они невинны.

Но удар был нанесен по фиолетовым рядам, что шли за первыми.

Его нанесла я.

Я стояла на холме в одной лишь длинной холщовой рубахе, потому что ничто не должно было ограничивать и сдерживать мою магию. Стояла между двумя волчицами, у которых был приказ — в случае малейшей угрозы отдать за меня жизнь. Даже мне пришлось принять это. Я понимала, что жрецы Аты попытаются в первую очередь оставить армию волков без мага. И без главнокомандующего.

Наблюдая сверху за тем, как армии несутся навстречу друг другу, я выждала, когда они подойдут достаточно близко, а потом нанесла удар.

Безмятежное предрассветное небо в один момент потемнело. Поначалу этого никто не заметил. Но когда его раскололо грозой, заметили все.

Сразу несколько десятков молний отделились от чернильной глади и ударили. По середине вражеской армии, по последним рядам.

А затем наступившую тишину пронзили звуки боя.

С ревом две армии — человеческая и свободная — схлестнулись, кроша друг друга, сминая в кровь, в пыль, в небытие.

Я усилием воли абстрагировалась от происходящего, стараясь не думать, что в настоящий момент гибнут люди и волки. Я плела заклинания ледяных стрел, которые превращали мишени в лед и обездвиживали всех находящихся на расстоянии десяти шагов.

Не успев прийти в себя от сложного заклинания и не думая об усталости, я метала огненные шары. Поодиночке они наносили противнику куда меньший урон, нежели стрелы, сил на их создание почти не требовалось. Но в сочетании со стрелами становились грозным, смертоносным оружием.

Когда силы иссякали, я прикидалась к земле, буквально вращалась в нее руками и ногами, закрывала глаза... и исчезала. Этот мир с его грохотом битвы, криками и стонами раненых и умирающих, с командами, отдаваемыми зычными голосами, переставал существовать. Я смотрела на все это словно снизу. Обе армии — и наша, и противника — были моими детьми, всех их, самого слабого, несущего и уязвимого, я любила равнозначно, одинаково, но не могла помочь ни одному из них. Просто моя помощь, моя любовь были им не нужны.

Потом сознание снова менялось. Возвращалась Эя. Герцогиня Ньюэйгрин и Полерского леса, левая лапа Стаи Семи Лесов, леди Лирей Анжу Альбето.

Я насылала оледенение на землю, и казалось, что слышу хруст ломающихся костей. Я поднимала воинов вражеской армии в наполненных водой сферах, и они, погибающие без воздуха, обрушивались на своих же, оглушали их, сбивали с ног. А наступающие волки добивали всех.

Волки бились жестоко и слаженно, люди — остервенело и отчаянно.

Нас было меньше. Но армия Стаи Семи Лесов шла в бой за свою землю, за жизнь и свободу своих детей. Людей привел на войну страх. Перед Церковью, перед королем и своими сюзеренами. Это было видно невооруженным глазом. Это чувствовалось в каждом взмахе меча или копья.

Наверное, поэтому церковникам сложно было биться проклятой магией.

Они насылали заклинания «сокрушение разума» и «шепот ужаса», о которых я читала в гримуаре отца. Но по большей части заклинания эти действовали на своих же. Ослабляли солдат, заставляли замешкаться, не поднять вовремя руку.

Волки бились бесстрашно. Они знали, что в настоящий момент, вот прямо сейчас, воплощается древнее пророчество.

И поэтому после четырех часов боя, когда я успела несколько раз потерять сознание от магического истощения и прийти в себя, было видно, что исход битвы предрешен.

Церковникам и королевскому войску пришлось отступить.

В наших рядах тоже были потери, и поэтому не успели раствориться на фоне дальнего леса фиолетовые доспехи, а я и другие волчицы уже бежали по полю, оказывая первую помощь раненым.

Не знаю, как я, которая четырежды теряла сознание во время боя, устояла в окружении страшной картины того, что было после. Я никогда не забуду, что война — это кровь, боль, муки и слезы. И отвратительный запах. От которого выворачивает наизнанку. Разрывает внутренности. Щиплет глаза. Запах страха и ужаса. Запах безысходности. Запах смерти.

Возможно, устоять удалось потому, что тем, кому нужна была моя помощь, было хуже.

Те солдаты, что держались на ногах, усиленно помогали вместе с нами. Зализывали раны. Накладывали повязки. Извлекали обломки стрел и копий.

Мы не делали разницы между своими и вражескими воинами.

Наверное, поэтому дальше, вместе с нами по человеческим землям, пошли люди.

Мы уверенно приближались к границе Панемуса, территории Церкви, которая прилегала к Ньюэйгрину, моему герцогству, месту, где располагался Источник.

Я уже знала, что это рядом, совсем близко с тем местом, где в моих видениях появлялся отец в последний раз. Когда-то герцогство Ньюэйгрин граничило с Заповедными землями. Но потом год за годом жрецы Аты оттесняли свободный народ в резервации. Оторвав благородных волков от Источника, они продолжали их теснить. Дальше и дальше.

По дороге нас атаковали проклятой магией.

Полчища ворон, отвратительно каркающих и хлопающих крыльями, норовящих выклевать глаза, сеяли в наших рядах панику.

Прежде, чем удалось объяснить всем, что это всего лишь иллюзия, две волчицы успели пострадать. И нам еще повезло, что свободный народ — эмпаты, которые слышат и чувствуют друг друга. Поэтому достаточно было сказать Зверю, как он ту же передал вожакам стай, а те — солдатам. Но короткого замешательства хватило, чтобы сделать вынужденную остановку и оказать несчастным помощь.

Жрецы Аты, скрывающиеся в лесах, невидимые и вездесущие, словно тени, насылали заклинание «кража жизни».

Я сразу ощутила тревогу и беспокойство, поняла, что что-то не так, остальные нет. Жизненная сила утекала постепенно, почти незаметно. И если бы я не отследила вмешательство практически сразу, пришлось бы задержаться на месте значительно дольше, чем на день.

Пользуясь нашим замешательством, в следующий раз жрецы встретили нас «кличем тишины». Заклинание оказалось самым болезненным, потому что в ужасе, насылаемом безумной Богиней, каждый видел воплощение собственных страхов.

Был ядовитый туман, был дождь мнимых страданий...

К концу пути Зверь нес меня на руках. Я видела, что муж, как и остальное войско, сам с трудом держится. И ничего не могла поделать.

За время перехода по человеческим землям мне не раз приходила мысль, что все это зря. Мы не справимся. Все напрасно. Мы только теряем. Магия безумной Богини сильнее.

А потом вспоминала об отце... О жертве, которую он принес своей жизнью и о величине которой я начинала догадываться только сейчас. Я думала о Звере. О своем народе. Свободном народе. Они имели право на жизнь. На счастье. На свободу.

Я вспоминала, что где-то совсем рядом в наших рядах идет Велес. Тот, кто ни разу не показал, что он — бог. Но кто верил в нашу победу, верил в воплощение пророчества и бился за свободу благородных волков на равных.

Только понимание, что не имею права опускать руки, отступать, отказываться от цели, за которую отец отдал жизнь, помогало гнать от себя мысли о слабости, о поражении.

Как и предсказывал Зверь, пробиться к Источнику оказалось непросто.

В разы тяжелее, чем одолеть войско церковников и королевской армии на выходе из Заповедных земель. И в десятки раз тяжелее, чем пройти через ловушки, умело расставляемые жрецами Аты на нашем пути.

За оплот своей магии Церковь стояла насмерть.

Глава 19

Союз крови чародея с кровью свободной, — прошептала я, плетя заклинание. — С самым сильным из благородных волков...

Я повторяла эти слова, словно боялась забыть, для чего я здесь.

И все равно казалось, что церковники приближаются недостаточно быстро.

На этот раз они хорошо подготовились. Зашли с тыла. Прорвали оборону волков. Убили всех, кто был рядом... Кроме меня. Возможно, я нужна была им живой. Возможно, меня надо было принести в жертву на оскверненном Источнике, нужно было, чтобы я умерла именно на нем. Окропила своей кровью скверну. Помогла восстать Ате.

— С самым сильным из благородных волков, — повторила я и улыбнулась обескровленными губами мысленному образу мужа.

Пора.

Взмахом рук я образовала вокруг себя магический круг. Это заклинание, на подпитку которого практически не требовалось сил и времени, делало меня почти неуязвимой для чужеродных заклинаний и в то же время усиливало урон, который я наносила противникам.

Перекошенные яростью лица. Пораженные безумием глаза, из которых смотрят такие же больные души...

— Луна, я не выдержу. Не выдержу, — пробормотала я и закрыла глаза, чтобы не видеть несущихся на меня жрецов. Не видеть эту фиолетово-черную стену, создаваемую их магией, не вспоминать, как на этом же самом месте стоял когда-то отец. И не выстоял.

Природное чувство времени сказала: пора.

Я открыла глаза и вскинула перед собой руки.

В тот же миг между мной и церковниками возникла стена огня.

Первые упали, скорчившись от смертельных ожогов. Другие отступили.

Стараясь не думать, что делаю, я выпустила цепную молнию.

Тяжело задышала, хватаясь за сердце, раскачиваясь на месте, изо всех сил стараясь не упасть, не покинуть границ магического круга.

Пока я пыталась прийти в себя, цепная молния успела поразить с десяток целей.

Несколько жрецов инстинктивно сбились в кучу.

Я старалась не показать, что заметила это. Метнула для отвода глаз пару огненных шаров по другим и принялась плести самое сложное из всех заклинаний. Огненный метеорит.

Сложность заключалась в том, что мало было сплести заклинание. Нужно рассчитать точку, в которую он ударит спустя десять секунд. А для этого предугадать возможные действия противника.

Промахнешься на метр... И враг отделается лишь легким испугом и продолжит идти.

Мне нельзя было подпускать их к себе слишком близко. Слишком много их. И слишком неравны у нас силы.

Природная интуиция подсказала, что спустя десять секунд они будут рядом. Совсем рядом.

И в последний, решающий момент я навела прицел на собственный круг.

Сначала оглушило грохотом, заложило уши. Затем ослепило.

В следующий миг я прыгнула, и сокрушительный удар огромным огненным шаром пришелся сразу на пятерых жрецов, что успели подступить совсем близко.

А потом подоспели волки.

— Наконец-то, — прошептала я и осела на могучие руки мужа.

* * *

— Эя, девочка моя, любимая, ты меня слышишь? — взволнованный голос Зверя доносился словно издалека.

Я открыла глаза.

Фиар вглядывался в мое лицо с затаенной болью в глазах. Он знал, каково мне приходится. Чувствовал. Не мог не чувствовать. Как не чувствовать свое сердце...

Мысль о том, что мужу больно, больно из-за меня, была худшая из всех.

Именно она помогла помотать головой и, почти не морщась, попросить поставить меня на ноги.

Зверь просьбу выполнил. Но не спешил отходить. Пришлось держать меня еще какое-то время, чтобы я смогла устоять на ногах.

Меня шатало, кружило, голова была тяжелой, крики и грохот боя, казалось, впиваются в виски тупыми ржавыми иглами.

— Ты сможешь, девочка, — прошептал Зверь.

— Я люблю тебя, Фиар! Люблю больше всего на свете, — вырвалось у меня.

Палец Зверя лег на мои губы, вынуждая замолчать.

— Нет, Эя, нет, — покачал головой муж. — Мы не прощаемся.

Я послушно кивнула.

— Вход в Источник отбит, — сказал Зверь, и я покосилась на пещеру за своей спиной. Фиар посчитал нужным предупредить: — Ненадолго, Эя. Какое-то время нам удастся их сдерживать, но ты знаешь сама: потери слишком велики. Слишком значительны. Волки держатся из последних сил.

Я кивнула. Собственная слабость отступила на второй план, показалась неуместной.

В последний раз бросив взгляд на мужа, я обернулась и направилась к разъявленной пасти пещеры. Она манила, как удав манит кролика. И я ощущала себя именно таким кроликом, когда под грохот боя, крики, проклятья, предсмертные стоны перешагнула границу между светом и сумраком и ступила под свод пещеры.

Грохот боя тут же утих, словно поле сражения накрыли пеленой.

Сбоку раздался стон.

Моментально перестроившись на истинное зрение, я увидела человека, лежащего у стены. Судя по фиолетовому плащу, аббата.

Волки сообщили, что вычистили оплот Источника. Теперь мне предстояло спасти Источник, и я понятия не имела, как это сделать.

Я присела на корточки рядом с раненым. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять — с умирающим. Отбросив прядь волос со лба, я ахнула. Передо мной был тот самый мальчишка, аббат, который заступился за меня в шатре. И вот он умирает. На войну, которую на этот раз развязали волки.

Умирающий открыл глаза. Сначала взгляд оставался бессмысленным, потом сфокусировался на мне. Губы парнишки дрогнули.

— Вы, — прошептал он. — Жрецы говорят, вы ведьма.

Я положила ладонь на лоб парнишки, пристально вглядываясь в его ауру. Может, можно спасти? И при этом заранее знала ответ: нет.

— Это неправда, — прошептала я, потому что не знала, что сказать. — Неправда.

Голос мой дрогнул.

— Жаль, — прохрипел парнишка. — Я хотел попросить тебя. Помоги. Если ты ведьма, должна знать, что делать. Слишком... больно.

Глотая слезы, я кивнула.

Зажмурившись, сосредоточилась и наложила заклинание стазиса.

Тут же к щекам и губам аббата вернулся румянец, а глаза заблестели.

— Спасибо, — сказал он слабым голосом. — Уже не болит. Я умру? Умираю?

— Да, — сказала я. — Умирает твое тело. Так что придется начинать все заново, — я попыталась улыбнуться. Улыбка вышла жалкой, — в новом теле, с новой памятью, в новой семье.

— Это ересь, — сказал парнишка.

— Я прочитала об этом в Древних Песнях, — сказала я.

— Они запрещены, — пробормотал аббат и вздохнул. — Наверное, зря.

Я закусила губу и кивнула. Я была согласна. Зря.

— Когда просил помощи, просил о другом, — проговорил парнишка. — Если я умираю, помоги уйти быстрее, пожалуйста. Боль ушла, но лучше бы не уходила. Когда была боль не было страха. А сейчас есть только он...

— Я не могу отнимать жизнь, — покачала я головой. — Прости. Моя магия — это сама природа. Сама жизнь.

— Тогда даруй мне ее, — попросил парень. — Сохрани мне жизнь. Помоги выжить!

Я смахнула слезы.

— Это не в моей власти. Волки называют меня носителем. Думаю, они правы.

— Они славно бьются, — прошептал парень. — И при этом в них нет ненависти. Нет жестокости. Как такое может быть?

— Я не знаю.

— Ты уйдешь?

Я покачала головой.

— Я останусь столько, сколько потребуется.

Мысленно я попрощалась с удачным исходом сражения, с собственной миссией, с Источником, который мне предстоит очистить... Я не знала, как это сделать. Но было ясно как день, что с минуты на минуту сюда ворвутся жрецы Аты. Порадуются такому подарку судьбы. Как же. Маг стихий, последний маг стихий пришел к ним сам. Прямо в руки...

Опускаясь на пол пещеры рядом с умирающим аббатом, я подумала также, что это снова план. Подбросить мне по дороге мальчишку, чтобы задержать. Выиграть время. Не пропустить к Источнику.

Мне было все равно. Я взяла за руку умирающего парня, заглянула ему в глаза и улыбнулась. Рядом был тот, кому сейчас нужна моя помощь. Оставить его умирать одного — это было бы бесчеловечно.

— Не больно? — спросила я.

Аббат чуть помотал головой.

— И почти не страшно, — признался он. — Есть предвкушение, словно ожидание какого-то чуда. И при этом кто-то там, внутри, понимает, что смерти не будет. Я не умру...

— Не умрешь, — заверила я и сжала его кисть.

Едва ли он ощутил мое прикосновение, все-таки заклинание стазиса было мощным. Но кажется, он ощутил что-то другое. Что-то, что раздвинуло в последний раз его губы в улыбке.

Аббат что-то сказал. Но голос его звучал так тихо, что я не услышала.

Приблизив лицо к его губам, смогла уловить:

— Спасибо. Смерти нет. Теперь я это точно знаю.

Взгляд умирающего застыл, словно он увидел то, что хотел. Увидел и не смог оторваться. Стараясь не думать, что на моих глазах только что умер человек, я закрыла аббату глаза.

Поднявшись, поспешила вперед на негнущихся ногах. Один раз споткнулась и упала. Ударилась коленкой и не ощутила при этом боли.

Я долго бежала по темному коридору, пока не оказалась на развилке сразу трех туннелей. В отчаянье принялась кусать губы. Помог риолин. Как бывало при приближении опасности, он дернулся, когда шагнула в один из коридоров, подпрыгнул на цепочке, когда

попробовала сунуться в следующий... И забился, как живой, когда шагнула в третий.

— Значит, туда, — тихо, стараясь, чтобы мой голос не дрожал, проговорила я. Потому что оскверненный Источник для меня, несомненно, опасен...

Я не знаю, сколько времени шла. Кажется, даже переходила на бег, но выдыхалась и замедляла шаг.

Снова развилка... снова нужно угадать поворот... Снова иду туда, где отцовский риолин слышит опасность...

Я бежала, поворачивала, падала, поднималась и снова бежала.

Старалась не думать о том, что если впереди меня ждет ловушка, Зверь попросту не услышит.

— Услышит, — упрямо проговорила я сквозь зубы. — Он слышит меня. Чувствует. Я — его сердце. А он — весь мой мир.

Голос дрогнул.

Коридор расширился до размеров пещеры, в которой запросто разместилось бы небольшое селение.

Стены, пол, потолок были покрыты светящимися кристаллами, отчего истинное зрение казалось здесь лишним. Но это было не так. Именно истинным зрением я увидела, что в этих кристаллах есть магия... Есть сила.

— Источник, — пробормотала я.

В конце расширившегося коридора зияла колодцем в стене черная дыра.

Я поняла, что я на месте.

Когда шла по узкому туннелю с низким сводом, сердце колотилось как бешеное. А когда шагнула внутрь новой пещеры, оно и вовсе остановилось.

— Давно не виделись, крошка Эя, — сказал Андре.

Он был таким, каким я его запомнила. Красивым. Статным. С тонким и одухотворенным лицом.

— Ну, что же ты стоишь? — позвал Андре. — Ты ведь пришла, Эя. Ты не захотела стать моей и предпочла выполнить свое предназначение, от которого я так старался тебя уберечь.

Я молчала. Мне нечего было ответить. Но не двигалась. Выжидала, что предпримет Андре. Он между тем продолжал говорить.

— Что ж, Эя, — как-то горько сказал он и кивнул. — Принести себя в жертву Богине — достойный шаг. Я горжусь тобой и твоим выбором и принимаю его. Я даже помогу тебе, фея Эя. В последний раз.

За спиной Андре возвышалось... нечто.

Больше всего это напоминало гигантский трухлявый пенёк, насквозь прогнивший, покрытый отвратительным клочковатым мхом и плесенью. Напоминало бы, если бы кому-то пришло в голову вырезать это уродство из скалы. Потому что возвышение за спиной Андре, несомненно, было каменным. Все в трещинах, из которых валил клубами фиолетовый туман. Клочками он тянулся по полу, подбирался ко мне. От прикосновения чего-то мерзкого к ноге замутило. А внутри все словно сковало льдом. Приглядевшись, я поняла, что то, что когда-то было, похоже, одним камнем, сейчас — груда камней.

— Мне не нужна твоя помощь, Андре, — проговорила я и добавила: — Это тебе она понадобится, когда сюда очень скоро придет мой муж.

Безупречное лицо Андре исказила ярость.

Он решительно шагнул ко мне.

Я отступила в сторону.

— Значит, он, Эя? — требовательно спросил Андре. — Он?! Зверь! Чудовище! Скажи, что у него есть такого, чего нет у меня?!

— Душа, — просто ответила я.

И этим разозлила Андре еще больше.

Он направился ко мне. На несколько мгновений я замешкалась — так напугал дьявольский, безумный огонь в глазах бывшего возлюбленного. Ненависть исказила его черты. Больше он не казался красивым. Он был ужасен. Отвратителен.

Я выбросила вперед руку.

— Не подходи!

Андре замер, когда натолкнулся на невидимую стену.

— Ты смеешь перечить мне? — удивленно спросил он, словно не мог до конца поверить. — Сопrotивляться? Мне?! В оплоте Аты?!

— Это не оплот Аты, — ответила я.

Ощутила, как на лбу выступает пот, как течет, струится по лицу, заливает глаза. Удерживать жреца Аты было очень сложно.

— Ничего не получится, Эя, — проговорил Андре и усмехнулся. — Тебе не удержать меня. Со мной магия Богини!

— Магия безумной Богини, магия иллюзий — ничто по сравнению с самой жизнью, — пробормотала я. Старалась говорить уверенно, но голос дрогнул.

Мою неуверенность почувствовал и Андре.

Глаза его сверкнули торжеством.

— Восстань! — прокричал он страшным голосом, и в тот же миг что-то словно изменилось в воздухе. Неуловимо... Словно стало в нем чуть больше страха. Ужаса. Тревоги.

— Ата! — повторил Андре. — Я твой самый верный слуга! Никто не любил тебя так, как я!

Даже в такую минуту у меня вырвался нервный смех, больше похожий на писк раздавленной мыши, но Андре замер и посмотрел на меня внимательно. Должно быть, решил, что безумие Аты достигло и меня...

— Что смешного, Эя?

— Смешного? — спросила я, радуясь, что получила передышку. Надеюсь потянуть время, торопливо объяснила: — Ты клялся, чтолюбишь только меня, Андре.

Лицо жреца исказил оскал.

— Но ведь не сейчас, Эя! Не сейчас! Не тогда, когда ты отдала сердце Зверю. Выбрала его, не меня. О Ата! — воззвал он. — Восстань!!!

Груда камней за его спиной шевельнулась. Фиолетовый туман сгустился, стал почти черным. Как тогда, в ту ночь, когда не стало отца... А потом эта груда приобрела похожие на человеческие черты. На черном безобразном лице горели безумием огромные фиолетовые глаза.

— Она — моя! — раздался леденящий душу голос. — Отдай ее мне — и вся магия мира будет в моей власти!

— Андре, не надо, — пробормотала я, чувствуя, как силы, капля за каплей, оставляют меня. — Ради отца, ради мамы, ради того, что когда-то чувствовал ко мне...

Когда магические силы истощились, колени подломились сами собой. А в следующий миг из глаз брызнули слезы от сильного удара под дых. Я хватала ртом воздух, пока Андре, схватив меня за волосы,

волок сквозь стелящийся по полу черный туман к пытающейся восстать Богине...

— Не надо, Андре! — просила я. — Не делай этого... Ты не простишь себе потом... Ведь я не сделала тебе ничего плохого...

Андре словно не слышал моих просьб.

— Я виноват перед Богиней, — бормотал он. — Пришло время загладить вину.

Под страшными фиолетовыми глазами распахнулась зияющая тьмой пасть.

Я завизжала.

— Нет! Пожалуйста! Не надо!

Андре остановился. Я уже решила, что он одумался, когда жрец пробормотал:

— Один только раз... Имею же и я право на небольшой кусочек счастья...

Меня рывком дернули вверх, я закричала от боли. Продолжая удерживать за волосы, Андре склонился к моему лицу. Он него пахло ужасом. Безумием. И... вождением...

Я зажмурилась.

— Убери руки от моей жены, — раздалось откуда-то сбоку.

— Ты не помешаешь мне, Зверь! — прорычал Андре, отшвыривая меня в сторону.

Он ударил магией. Зверь — силой. На него не действовала магия безумия. Побывав однажды в руках жрецов Аты, он прошел все круги ужаса Пекельного царства, и теперь магия Аты была перед ним бессильна.

Андре быстро сообразил это. Отбросив меня в сторону, он принялся биться со Зверем. Я слышала, что церковников хорошо обучают, и имела возможность в этом убедиться.

Но Андре в бою превосходил многих из тех, кого видела за эти дни. Он не гнушался страшными, запретными приемами, не терял головы от ярости, бил точно в цель.

Зверь, в отличие от него, не бил. Он убивал. За меня, за моего отца, своего кровного брата, за своих волков. За свою Стаю. Его удары были смертельными.

Схватка двух равнозначных противников была похожа на дикий, неистовый танец, на фиолетово-черный вихрь. Казалось, отследить

каждое движение, каждый удар человеческий глаз не способен.

А потом один из силуэтов осел и исчез в клубах черного дыма.

Я вскрикнула, с облегчением поняв, что Андре... повержен. Что теперь его точно больше нет.

— Все позади, сердце мое, — сказал Зверь, помогая подняться.

Он прижал меня с такой силой, что я задохнулась, а ребра жалобно хрустнули. И вместе с тем мне было мало...

— Остался последний шаг, Эя, — проговорил Фиар и нежно поцеловал в висок. — Ты говорила, что знаешь, что делать.

— Я блефовала, — прошептала я и, покосившись на приподнятую бровь Зверя, добавила: — Почти.

А затем потащила мужа за руку к замершей груди камней посреди пещеры. Фиолетовые глаза и отвратительный черный рот закрылись, но мне все равно казалось, что на уродливом камне проступают черты безумной Богини.

— Когда ты бился с Андре, — проговорила я, — риолин впитал в себя магию священного сосуда. Я тогда подумала, что с Источником будет то же самое...

Я посмотрела на мужа с надеждой, словно его слово решало все. Зверь склонил голову набок, потом кивнул.

— Стоит попробовать, — сказал он, и я почему-то облегченно выдохнула.

Муж держался рядом, обнимал за плечи, готовый защищать в любую минуту.

Я сосредоточила внутренний взор на магии риолина. Аура камня была ровная, светящаяся, едва заметная. И в то же время создавалось ощущение, что недостатка в силе там нет.

Сняв камень с шеи, я сконцентрировалась на его мощи...

И ничего не произошло.

Фиолетовый туман продолжал клубиться из трещин оскверненного Источника, запах ужаса, тревоги, безумия, всех человеческих пороков продолжал витать в воздухе... И ничего не происходило. Я готова была плакать.

— Может, есть какое-то заклинание? — мягко спросил Зверь.

Я покачала головой. Ничего такого я не помнила. Нахмурившись, попыталась вспомнить, что знаю о риолине, о пророчестве. В камне заключена вся магическая сила рода Альбето. Отец не сомневался, что

я пойму, как поступить. Так же говорили и Велес, и древнее пророчество.

Значит, есть путь.

И я должна его найти.

— Жрецы Аты и королевская армия почти разбиты, — сказал Фиар, явно чувствуя мое смятение и стараясь утешить. — Мы вернемся в замок, и ты спокойно поищешь в библиотеке, которую оставил тебе в наследство Андре. Теперь, когда земли отвоеваны, а люди воочию узрели методы церковников, которыми оказались жрецы Аты, это будет проще.

Я неопределенно кивнула. Волк говорил разумные вещи. Действительно, за эти дни мы видели немало случаев, когда вражеские бойцы переходили на нашу сторону. Дезертиров не было. Люди готовы были биться. Готовы были отдавать жизни. Но за правое дело. Узрев воочию, на что способна магия безумия, люди не хотели сражаться за тех, кто управлял ею.

— Тогда, в повозке, — пробормотала я, — тогда не потребовалось никакого заклинания...

Я была уверена, что разгадка в риолине. И в нас с Фиаром...

Мы вступили в союз. Воплотили пророчество.

Отбили Источник. Остановили магию Аты... Почти...

Мне ведь тогда, в повозке, делать ничего не пришлось. Риолин сам втянул в себя проклятую магию. И притом не почернел ни одной гранью. Что-то подсказывало мне, что сейчас у камня есть причина бездействия.

— В нем, — пробормотала я, — в камне вся магия, накопленная нашим родом. Родом Альбето.

— Одним из сильнейших, — кивнул Зверь.

— И последним, — добавила я.

И тут меня осенило.

Стараясь не медлить, чтобы не начать сомневаться в своей догадке, я решительно шагнула к оскверненному Источнику и, размахнувшись, зашвырнула бесценный камень в одну из дымящихся расщелин.

— Эя, — только и успел вымолвить Зверь.

В следующий миг пол зашатался, со стен и потолка посыпались камни. Серое покрывало накрыло едва различимое в тумане тело

Андре, и я часто заморгала, потому что уже видела такое раньше.

Зверь, в отличие от меня, не мешкал. Он опрокинул меня на пол и закрыл собой.

Я зажмурилась, готовясь задохнуться под камнепадом в этом фиолетово-черном тумане...

А потом все закончилось.

Я перестала чувствовать вес Зверя.

С наслаждением вдохнула полной грудью.

— Эя, — раздался ошарашенный голос мужа.

Я подняла голову и ахнула.

На том месте, где только что громоздилась груда камней отвратительного вида, возвышался огромный зеленый кристалл. Точь-в-точь риолин, который я привыкла носить на шее, только огромный. Размером с небольшой замок. Его мерное зеленоватое сияние навевало легкость и умиротворение. Не надо было быть наследственным магом, чтобы понять, это истинная магия. Свечение кристалла пульсировало, словно внутри билось большое сердце. Я поморгала, привыкая к свету, и ахнула: внутри этой светящейся горы по-прежнему сиял фамильный герб Альбето: четырехлистник с каплей росы посередине, опоясанный лентой.

— Как ты догадалась? — хрипло спросил Фиар.

Я пожала плечами.

— Показалось, что правильно будет вернуть магию природе, — пробормотала я, все еще не веря, что получилось. Получилось!!!

— Как ты себя чувствуешь? — тут же поинтересовался Зверь.

— Вообще ничего не чувствую, — широко улыбнулась я. Когда муж нахмурился, пояснила: — Не чувствую в себе магии.

Прислушавшись получше, снова кивнула.

— Почти, — добавила я. — Ты разочарован? Пророчество предрекало тебе союз с магом стихий... Боюсь, у меня силы сейчас только на стайку осветительных мотыльков.

Я щелкнула пальцами, сосредоточившись, и над нами запорхали два мотылька, с розовыми и голубыми крылышками.

Зверь широко улыбнулся и привлек меня к себе.

— Мы сделали это, Эя! — сказал он восторженно. — Ты сделала!

Похоже, мысли о победе и воплощении пророчества доходят с запозданием не только до меня.

Я кивнула. А затем запрокинула голову и счастливо расхохоталась.

А потом меня схватили в охапку и кружили, кружили, прижимая к себе и целуя снова и снова.

И я впервые наконец-то ощутила, что мы одни. По-настоящему одни. Впервые без груза ответственности на плечах. Конечно, не за Заповедные земли и не за Стаю Семи Лесов, нет. За торжество добра в мире. За человечество. За свободу волков. Только когда этот груз камнепадом обрушился с плеч, мы, судя по взгляду, которым обменялись, как-то одновременно поняли, насколько он был тяжел...

И оказалось, Зверь умеет не только улыбаться. Смеяться у него тоже получается. Беззаботно, по-мальчишески. Правда, когда меня подбросили несколько раз в воздух, как маленькую, а затем поймали, подумалось (когда как следует отвизжалась), что с беззаботностью кто-то переборщил. Совсем чуть-чуть.

Эпилог

Прошел почти месяц с тех пор, как волки и люди решили заново учиться жить бок о бок. После нелегкой победы над силами Аты большинство свободных ушло обратно, в Заповедные земли. Большинство людей считало, что это правильно. Но были и такие (люди и волки), кто считал, что этот союз нужен обеим расам.

Погостив в замке в Ньюэйгрине пару недель, у мамы и сестер, я все же безумно рада была вернуться домой... Но сначала подписала документы, по которым новой наследницей Ньюэйгрини стала Микаэла.

У Виталины есть замок и земли — наследство, оставленное ей родным отцом, графом Эрсийским. При грамотном управлении поместье вновь начнет приносить прибыль. Впрочем, они с герцогом Эберлеем предпочитали блистать при дворе, до поры до времени не особо озадачиваясь, откуда берутся деньги.

У меня же есть замок на севере Заповедных земель. Рядом с селением одичавших. А еще у нас с мужем целый Полерский лес... и все Заповедные земли. Этого более чем достаточно.

Мы с мамой решили, что земли Ньюэйгрини, оставленные Микаэле моим отцом, будут отличным приданым, а замок и титул герцогини перейдет ей по наследству.

Мне титул ни к чему.

С нами в новый дом прибыла Мила. Самая преданная из камеристок все-таки дождалась, когда я возьму ее с собой навсегда, как и обещала. Учитывая ее страх перед волками, девушка решилась на небывалый подвиг ради меня. Правда, однажды я заметила, как она смотрит на одного из молодых волков черной стаи... И стало понятно, что со страхом своим Мила справится. И в ближайшее время.

Леди я тоже забрала с собой. В моем новом доме тоже есть конюшня, и у моей любимицы отличная компания.

В один из солнечных осенних дней мы со Зверем валялись посреди цветущего луга прямо в высокой траве. Прежде чем шутливо уронить меня туда, Фиар постелил свой шерстяной плащ.

Я жмурилась от удовольствия, положив голову на плечо мужа, вдыхала ароматы цветущего луга, с замиранием сердца прислушивалась к жужжанию пчел и шмелей, стрекоту цикад и кузнечиков.

— Не жалеешь, что пришлось отдать магию Источнику? — спросил Зверь коварно.

Я пожала плечами, потом покачала головой.

— Но ведь кое-что осталось, — ответила я, посмотрев на мужа и улыбаясь.

— Но теперь ты даже в десятую часть не такой сильный маг, как была, — продолжал подтрунивать Фиар и пожевал соломинку.

Я подмигнула ему и сладко потянулась.

— Магия там, где она нужнее, — сказала я. — Не удивлюсь, что вскоре стихийники снова начнут рождаться. Магии, скопленной родом Альбето, которая почти без остатка досталась Источнику, для этого хватит.

Зверь как-то делано удивился.

— Маги? Рождаться? Что ты такое говоришь!

— Фиар, — позвала я. — Ты... ты сейчас... о чем?

— Ни о чем, — невинно моргая, ответил Фиар и продолжил жевать соломинку.

Я отобрала у мужа стебелек, и Зверь снова изобразил удивление, на этот раз еще более делано.

— Ты как будто хочешь что-то сказать мне, — вырвалось у меня.

Вместо ответа муж положил ладонь мне на живот. От его прикосновения по коже пошли мурашки, а в животе запорхали мотыльки.

— Фиар, — вырвалось у меня, когда осенила догадка. — Ты... Ты же не хочешь сказать, что...

Зверь широко, по-мальчишески улыбнулся и кивнул.

— У тебя внутри растет крохотный, но уже очень сильный, ловкий и свирепый волчонок, — сказал он, целуя меня в макушку. — Поверь, волки чувствуют такие вещи.

Когда немой восторг, помноженный на шок размером с Источник, утих, я робко поинтересовалась:

— Ты уверен?

Меня притянули ближе и снова поцеловали в макушку.

— Уверен, — ответил Зверь таким тоном, что у меня самой отпали сомнения. — Уверен, что сейчас самое время отправить родным почтового голубя с радостной вестью. Маме и сестрам, — Зверь хмыкнул, — ручаюсь, они будут в восторге.

— Мама точно будет счастлива, — отмахнулась я. — Она понемногу привыкает к тому, что зять у нее страшный оборотень. Виталине как-то все равно. Может, делано поохает между чередой балов и приемов, а вот Микаэла обрадуется.

— Микаэла хорошая, — согласился муж. — Она приняла меня раньше, чем кто-либо другой из твоей семьи.

Я хмыкнула. Да. От моего мужа-гиганта и его соратников, практически не уступающих ему в силе и размерах, — сестрица явно была в восторге. Чего и не скрывала, несмотря на показушное неодобрение Виталины.

— О чем задумалась? — спросил Зверь.

Я закусила губу.

— А Микаэла-то у нас девица на выданье, — поделилась размышлениями с мужем. — Чувствуется, она будет не против, если за нее устроят священные бои, а потом, перед ликом Луны, укусит кто-то из Стаи...